

Таковы пути развитія дѣтской рѣчи: инстинктивный крикъ, какъ рефлексъ, какъ разряженіе энергіи, крикъ неудовольствія или восторга, лишенный сознанія своего выразительнаго значенія, потомъ лепетаніе, какъ одно изъ выраженій общаго стремленія къ движенію, къ использованию всѣхъ своихъ органовъ, и начало общенія съ другими путемъ полунинстинктивнаго пониманія тоновъ. Аффективная натура дѣтскаго психическаго организма заставляетъ его сильно реагировать на раздраженія, идущія изъ внѣшняго міра; пониманіе этихъ аффектовъ взрослыми людьми ускоряетъ процессъ ассоціаціи между ними и представленіями о предметахъ, а ребенокъ отъ природы обладаетъ прекраснымъ ассоціационнымъ аппаратомъ; прирожденная способность къ подражанію открываетъ ребенку двери въ сокровищницу роднаго языка, и онъ начинаетъ черпать отсюда, сначала и очень неумѣло, свой строительный матеріалъ и складывать изъ него первое зданіе. И наконецъ, какъ яркій лучъ свѣта, въ это зданіе врывается сознаніе личности, человѣческое я ребенка.

Г Л А В А X.

Языки некультурныхъ народовъ.

Безпомощная мысль ребенка долго и усиленно бьется надъ первымъ выраженіемъ своимъ въ словѣ. Дитя усваиваетъ, наконецъ, языкъ взрослыхъ людей, и въ его распоряженіи оказываются могущественнѣйшія средства не только для передачи содержанія своего я окружающимъ людямъ, но и для развитія собственнаго мышленія. Такъ дитя наслѣдуетъ отъ предшествующихъ поколѣній ихъ вѣрованія, ихъ формы мысли, ихъ общественныя и инныя стремленія. И то свое, что нарастаетъ съ жизнью этого новаго поколѣнія на почвѣ традиціи, представляетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ продуктъ сознательнаго стремленія людей къ новшеству. Въ области же языка подобныя реформы еще болѣе рѣдки, и чаще всего наши дѣти думаютъ, что говорятъ такъ же, какъ мы. Съ чрезвычайной медленностью и внѣ контроля человѣческаго сознанія измѣняются звуковыя законы языковъ, обогащается или упрощается глагольная или именная флексія. Дѣти берутъ языкъ взрослыхъ, какъ нѣчто готовое, съ его словаремъ и грамматикой. Поэтому и сложныя формы, и звуковой составъ какого-нибудь языка заимствуются новымъ поколѣніемъ безъ всякой критики ихъ трудности для запоминанія или удобопроизносимости. Отсутствие письменности на какомъ-нибудь языкѣ опредѣляетъ особенности его сохраненія въ народѣ, слишкомъ многочисленномъ для того, чтобы единство произношенія поддерживалось непрерывнымъ общеніемъ между сочленами его: здѣсь, непремѣнно, разовьются значительныя отклоненія отъ того,

что признавалось или признается нормой въ другихъ мѣстахъ, гдѣ говорятъ на томъ же языкѣ. Вслѣдствіе этого, можно а priori предположить, что языки, лишенные письменности, и потому подверженные въ значительной степени процессу діалектическихъ измѣненій, вообще говоря, не могутъ занимать обширныхъ пространствъ, и множественность родственныхъ языковъ должна быть естественнымъ результатомъ мирнаго развитія осѣдлаго народа. Но такъ какъ въ условіяхъ жизни некультурныхъ народовъ осѣдлость и длительное спокойствіе являются рѣдкими явленіями, то уже заранее можно предположить и другое явленіе: именно, что районъ распространенія языка не великъ, что въ область одного языка врѣзывается область другого, что самыя различія между языками велики, потому что это именно языки не родственные, но случайно оказавшіеся сосѣдями. Такимъ образомъ, принципиально допустимы обѣ возможности: развитіе діалектовъ (потомъ превращающихся къ самостоятельные языки, опять-таки съ діалектами) изъ общаго языка, занимающаго обширную, удобную для распространенія народовъ, обособленную отъ вражескихъ вторженій территорію, и скопленіе на одной территоріи нѣсколькихъ взаимно чуждыхъ языковъ, обладатели которыхъ заняли одну и ту же область вслѣдствіе охотничьихъ или скотоводческихъ переселеній, нападений и всяческихъ вторженій. Между этими двумя противоположностями и возможны, и несомнѣнно существуютъ различныя переходныя ступени, въ видѣ ассимиляціи прежде чуждыхъ языковъ, ихъ взаимныхъ наслоеній и т. п.

Иныя особенности языковъ некультурныхъ народовъ должны вытекать изъ „психологіи дикарей“. Поэтому, здѣсь необходимо остановиться на вопросѣ, въ какомъ смыслѣ въ настоящемъ трудѣ можно говорить о дикаряхъ. Я буду подразумѣвать подъ ними то же, что нѣмецкіе ученые разумѣютъ подъ терминомъ *Naturvölker*, французскіе подъ терминомъ *les sauvages* (или *les sociétés inférieures* Леви-Брюля), англійскіе *the native races* (туземцы) Африки, Америки, Австраліи. Эти термины подразумѣваютъ извѣстныя психологическія особенности, представляющія въ своей совокупности, при всѣхъ индивидуальныхъ отличіяхъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ, нѣчто присущее именно дикому состоянію человѣчества. Соответственно съ планомъ этой книги, которая стремится выяснитъ психологическія и соціальныя основы творчества рѣчи, приходится неизбежно коснуться вопроса и о психологическомъ типѣ, который признается въ силу какого-то безмолвнаго соглашенія между учеными и, вообще, образованными людьми типомъ дикарскимъ. Вѣдь никто не усомнится въ томъ, что огнеземельцевъ или папуасовъ надо причислить къ представителямъ этого типа, а арабовъ или древнихъ перуанцевъ нельзя. Отоюда попытки дать психологію „первобытныхъ народовъ“, нарисовать съ точки зрѣнія эволюціонизма первобытную культуру и т. д. Разумѣется, въ эти спеціальныя вопросы

я не буду здѣсь входить¹⁾, но изложенію особенностей рѣчи въ языкахъ дикарей я считаю необходимымъ, во-первыхъ, предпослать кое-гдѣ характеристику отдѣльныхъ племенъ, а, во-вторыхъ, указать на возможность синтеза вообще психологій дикарей или, если стать на почву эволюціонной теоріи, первобытныхъ народовъ. Въ области изученія развитія языка, какъ орудія человѣческой мысли, совершенствовавшагося вмѣстѣ съ умственнымъ совершенствованіемъ человѣчества,—въ этой области такъ-же необходимо изслѣдованіе „психическихъ предварительныхъ стадій“ (die psychischen Vorstadien), употребляя выраженіе Бастіана какъ и въ этнологіи²⁾. Здѣсь, на этихъ „стадіяхъ возникновенія“, кристаллизуются первыя формы культуры. Исторія человѣчества здѣсь сводится къ исторіи человѣческаго ума. Однако, изученіе дикарскихъ языковъ завело бы нерѣдко на ложный путь, если бы мы захотѣли принять за правило, что эти языки всегда представляютъ болѣе или менѣе первобытное состояніе языкового развитія человѣчества. Но вѣдь допустимо и такое предположеніе, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ языковъ представляютъ позднѣйшее „одичаніе“ болѣе утонченныхъ формъ. Такъ склонны смотрѣть, напр., теперь на полинезійскіе языки³⁾. Но отъ этого не уменьшается ихъ значеніе для изученія характеристическихъ особенностей дикарскихъ языковъ. „Мы можемъ изучать сущность первобытныхъ языковъ до извѣстной степени и тамъ, гдѣ передъ нами не природная, но приобрѣтенная первоначальность. Психологическія особенности ихъ, если и не тождественны, то во всякомъ случаѣ очень сходны, а это представляетъ самое существенное во всемъ вопросѣ“. Такъ говоритъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ т. наз. первобытныхъ языковъ, Мейнгофъ. Передъ нами, такимъ образомъ, и здѣсь, какъ во всѣхъ предшествующихъ главахъ, психологическая проблема.

Только въ психологическомъ смыслѣ можно говорить о первобытности какихъ бы то ни было современныхъ людей. У всякаго племени, заброшеннаго въ глубь материковъ, едва открытую или даже еще не открытую европейцами, есть свое далекое прошлое, съ безконечной массой унаслѣ-

¹⁾ См. статью Е. Е. Кагарова о теоріяхъ міеологическаго творчества въ V томѣ „Вопросовъ теоріи и психологій творчества“. Изъ новѣйшей литературы по психологій первобытнаго человѣка я назову здѣсь слѣдующее: *L. Frobenius. Die Weltanschauung und der Naturvölker. 1898. Ego-jce. Aus den Flegeljahren der Menschheit. 1901. K. Weule. Die Kultur der kulturlosen* (рус. пер. въ приложеніи къ журналу „Природа и люди“ за 1913 г.). *Ego-jce Leitfaden der Völkerkunde. 1912. Kurt Breyzig. Die Völker ewiger Urzeit. I Band. 1907. N. Visscher. Religion und soziales Leben bei den Naturvölkern. I—II B. 1912. Frazer. The Golden Bough. 3 edition. 1912, а также названные ниже труды Фиркандта и Леви-Брюля.*

²⁾ А. Bastian. Allgemeine Grundzüge der Ethnologie. 1884, стр. 92.

³⁾ С. Meinhof. Die moderne Sprachforschung in Afrika. 1910 г.

дованныхъ навыковъ и традиціонныхъ взглядовъ. Среди народовъ центральной Бразиліи еще настолькоъ мало культурныхъ, что передъ путешественникомъ воскресъ „каменный вѣкъ“ Европы; Штейненъ нашелъ признаки чрезвычайно долгаго знакомства съ земледѣліемъ и широкаго товарообмѣна. Главнымъ занятіемъ ихъ была охота. „Мы можемъ понять этихъ людей, только если будемъ видѣть въ нихъ продуктъ охотничьяго быта. Главную массу своихъ наблюденій они дѣлали на звѣряхъ, и съ помощью этихъ наблюденій,—такъ какъ новое можно понять только съ помощью стараго,—они по преимуществу и объясняли себѣ природу и складывали свое міровоззрѣніе. Согласно съ этимъ, и ихъ художественные мотивы оказываются заимствованными съ поразительной односторонностью изъ міра животныхъ. Болѣе того, все ихъ поразительно богатое искусство восходитъ своими корнями къ охотничьей жизни и расцвѣло лишь тогда, когда болѣе спокойное существованіе обезпечило безопасность росткамъ. Я намѣренно подчеркиваю это, потому, что иначе мы не могли бы правильно судить о матеріальной культурѣ туземцевъ и совсѣмъ не могли бы понять ихъ духовную культуру. Но съ другой стороны является фактомъ, что продукты земледѣлія находятся уже съ незапамятныхъ временъ въ обладаніи у (бразильскихъ) индѣйцевъ. Это доказывается неопровержимымъ образомъ сравненіемъ ихъ языковъ. Именно, оно обнаруживаетъ, что племена по рѣкѣ Шингу принадлежатъ къ различнымъ языковымъ семьямъ (и это раздѣленіе ихъ совершилось уже въ отдаленномъ прошломъ). Тѣмъ не менѣе, уже пра-народы знали имена важнѣйшихъ культурныхъ растений ¹⁾. „Каменные орудія“ среднебразильскихъ туземцевъ оказываются заноснымъ товаромъ; въ одной изъ деревень Штейненъ (тамъ же, 127) нашелъ представителей всевозможныхъ народовъ, „почти всѣхъ главныхъ племенъ“. Давность и общность культурной традиціи не подлежитъ здѣсь, стало быть, никакому сомнѣнію. На то уже указываетъ и распространеніе различныхъ формъ культурныхъ издѣлій среди туземцевъ Африки. „Важнѣйшая характерная черта африканскихъ культуръ есть ихъ распадѣніе на два типа, говоритъ Фробениусъ ²⁾. Мы можемъ отчетливо различить два типа: деревянной и кожаной культуры. То, что ихъ отличаетъ одинъ отъ другого, заключается не только въ различіи матеріала, не только въ различномъ способѣ питанія, хотя и это различіе оказалось уже довольно глубокимъ, но по преимуществу въ отличіи формъ распространенія ихъ, различіи времени возникновенія особенностей. Азіатская культура здѣсь—нова. Она подвигается въ своемъ распространеніи здѣсь съ сѣвера на югъ, но и собственно

¹⁾ K. von den Steinen. Unter den Naturvölkern Zentral—Brasiliens. 2 изд. 1897, стр. 194—195.

²⁾ L. Frobenius. Der Ursprung der Kultur I. Der Ursprung der afrikanischen Kultur. 1898, стр. 299.

африканская культура южного полушарія представляет собою также лишь африканскій отголосокъ азіатской мелодіи. Впрочемъ, она и слабѣе, чѣмъ сѣверная. Медленно распространяющееся движеніе имѣетъ на континентѣ своимъ постояннымъ послѣдствіемъ сочетаніе чуждыхъ элементовъ. Малайско-негрская культура (въ Африкѣ) носитъ признаки увяданія. Здѣсь отсутствуетъ живое стремленіе къ развитію, присущее молодости, а вмѣсто этого обнаруживаются старческая умѣренность и ограниченность. Всѣ эти процессы смѣны культурныхъ вліяній, образованія новыхъ путей распространенія культуры и т. д. предполагаютъ весьма почтенную древность сношеній между т. наз. первобытными народами и всевозможныя наслоенія, совершенно исключаютъ понятіе первобытности. Поэтому, съ понятіемъ о дикаряхъ едва-ли можно связывать инныя представленія, кромѣ чисто психологическихъ. Если даже принять вмѣстѣ съ Ратцелемъ, что различіе между культурными и первобытными (Naturvölker) народами заключается не въ степени, но въ способѣ общенія съ природой, при чемъ эти послѣдніе народы находятся подъ гнетомъ природы (unter dem Naturzwange), то все же для этнографіи важно лишь то, какъ проэцируется этотъ гнетъ на психологическихъ особенностяхъ дикарей. Поэтому, кромѣ „гнета природы“, этнографъ долженъ считаться и съ самымъ складомъ психики дикаря, какъ изслѣдователь дѣтской психологіи изучаетъ въ равной мѣрѣ вліяніе среды на душу ребенка и тѣ способности дѣтскаго душевнаго склада, которыя дѣлаютъ возможнымъ воспріятіе вліянія. Таковы, напр., логика дикихъ народовъ, какъ наша, которой мы учились у нашихъ предковъ, развивавшихъ свои знанія съ помощью письменности въ продолженіе тысячелѣтій, отъ эллинской и римской мудрости и христіанскаго Средневѣковья до нашихъ дней? Не созданъ ли у того типа чело-вѣчества, который представленъ народами иной культуры, и иной способъ возрѣнія на внѣшній міръ, его воспріятія, представленій о немъ и связи представленій? Въ этомъ отношеніи изученіе языковъ дикихъ народовъ можетъ представить цѣнный матеріалъ. Конечно, въ рамкахъ настоящаго изслѣдованія мнѣ придется ограничиться, собственно, не изслѣдованіемъ вопроса въ его совокупности, но изложеніемъ отдѣльныхъ данныхъ, относящихся къ языкамъ дикарей. Грамматическіе анализы этихъ языковъ представлены въ двухъ капитальныхъ трудахъ, къ которымъ приходится обращаться всякому, желающему познакомиться со строеніемъ языковъ дикарей. Это трудъ Фр. Мюллера „Grundriss der Sprachwissenschaft“ (5 частей. 1879 и слѣд.) и J. Byrne General Principles of the Structure of language“ (2 изд. 1892. 2 тома). Въ обоихъ этихъ трудахъ цѣнна, конечно, ихъ тактическая сторона, тогда какъ общія разсужденія о „структурѣ языка“ (вообще) представляютъ много произвольнаго и недоказательнаго. Большимъ недостаткомъ ихъ является также стремленіе уложить языковой матеріалъ въ рамки нашихъ грамматическихъ категорій, которыми,

въ сущности, совершенно не покрываютъ его. Тѣмъ не менѣе, систематическій грамматическій обзоръ языковъ дикихъ народовъ можно найти только въ трудахъ Фр. Мюллера и Байрна.

Обратимся къ языкамъ австрійскихъ дикарей. Прежде всего, слѣдуетъ сдѣлать оговорку относительно ихъ „первобытности“. Дѣйствительно, можно ли подходить къ ихъ культурѣ и къ ея созданіямъ, въ томъ числѣ и къ языку, съ предвѣчнымъ убѣжденіемъ, что передъ нами нѣчто, вообще, первобытное, восходящее къ первичнымъ формамъ человѣческаго сосуществованія. Я напому очень цѣнное соображеніе Колера ¹⁾: „Австралійскіе негры, которые стоятъ на очень низкомъ уровнѣ жизненныхъ интересовъ и живутъ безъ постоянныхъ жилищъ, безъ земледѣлія, почти только добычей охоты и рыболовства, которые отчасти еще и теперь преданы самому грубому людоедству, а въ своихъ снарядахъ и утвари не поднялись за предѣлы самаго необходимаго,—австралійскіе негры со своими примитивными хижинами, со своими дубиной, дротикомъ и бумерангомъ: и они уже обладаютъ правомъ, и они имѣютъ правовые институты, которые подчинены санкціи общества“. Посвященіе юношей, объявленіе войны и другія важныя для племени событія совершаются на народныхъ собраніяхъ; одинаковая и чрезвычайно сложная система родства, основанная на еще болѣе древнихъ брачныхъ отношеніяхъ между племенами (австралійцы придерживались строго экзогаміи), матриархатъ и тому подобныя обычаи могутъ восходить только къ весьма отдаленному прошлому и быть результатомъ весьма долгаго культурнаго развитія. Соответственно съ этимъ и языки австралійскихъ дикарей, *первобытные* въ психологическомъ отношеніи, представляютъ продукты долгаго употребленія, если даже мы не можемъ говорить объ ихъ *развитіи*, не имѣя для этого данныхъ.

Фр. Мюллеръ отмѣчаетъ простоту ихъ звукового состава, которому неизвѣстны шипящіе, свистящіе и придыхательные звуки, а изъ гласныхъ извѣстны только *a, e, i, o, u*. Неизвѣстны этимъ языкамъ, по словамъ Фр. Мюллера, и двойные согласные, но едва ли это такъ, потому что самъ авторъ приводитъ ихъ въ грамматикахъ отдѣльныхъ языковъ, и Байръ (I. 300) отмѣчаетъ *тенденцію* къ усвоенію согласныхъ, происходящихъ отъ сложенія словъ, которое такъ обычно въ австралійскихъ языкахъ.

Объ отдѣльныхъ же языкахъ Мюллеръ даетъ слѣдующія указанія. Языкъ племени, живущаго у озера Масквагіе „чрезвычайно богатъ основами и словообразовательными элементами, и смыслъ, который эти послѣдніе придаютъ основѣ, бываетъ часто поразительнымъ“. Однако, ни-

¹⁾ J. Kohler. Ueber das Recht der Australneger. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. VII Band. 1887 стр. 332.

чего необычайнаго въ примѣрахъ, приведенныхъ Мюллеромъ, мы не находимъ. Такъ, отъ *pitul* (радость) образуются *pitul-muli* (доставлять радость), *pitul-katan* (жить въ радости), *pitul-likan* (радостное обстоятельство),—образования, ничѣмъ по существу не отличающіяся отъ обычныхъ въ агглютинирующихъ и даже флексирующихъ языкахъ. Склоненіе и спряженіе этого языка Мюллеру удалось уложить въ рамки 10 падежныхъ окончаній и обычнаго дѣленія на времена настоящее, прошедшее и будущее. Нѣмецкія фразы въ нѣсколько словъ передаются на этомъ языкѣ предложениями съ тѣмъ же или почти тѣмъ же числомъ небольшихъ словъ, такъ что едва-ли въ этомъ языкѣ можно найти какое-нибудь рѣзкое отличіе отъ обычнаго типа агглютинирующихъ языковъ (финскихъ или тюркскихъ) ¹⁾. Въ языкѣ *виратурай* тотъ же типъ образований, при чемъ въ соотвѣтствіи съ древними образованиями индоевропейскихъ языковъ форма глагольной основы, указывающая на продолжительность дѣйствія, передается удвоеніемъ основы (*bimara*-бить, *bima-bimara* продолжать бить).

Конкретность языка обнаруживается въ обиліи прошедшихъ временъ: *bim-al-guain* (вообще побить въ прошломъ), *bim-al-awan* (только что побить), *bim-al-narin* (уже побить сегодня), *bim-al-gurani* (побить вчера), *bim-al-gupan* (побить уже давно), *bim-al-leini* (побить уже очень давно). Таково же разнообразіе для формъ будущаго времени: *вообще буду бить, сейчасъ буду бить, сегодня буду бить, сегодня навѣрное буду бить, побью*. По существу то же строеніе наблюдается во всѣхъ австралійскихъ языкахъ, описанныхъ Фр. Мюллеромъ. Въ языкѣ одного изъ племенъ Южнаго Квинсленда, Когая ²⁾, Мэтьюсъ отмѣтилъ три числа, нѣсколько надежей и т. под.: однимъ словомъ, опять-таки строеніе, которое возможно передать въ категоріяхъ европейской грамматики. Какъ особенность языковъ этой страны, авторъ отмѣчаетъ „двойную форму перваго лица двойств. и множ. числа, съ помощью которой лицо, къ которому обращаются, можетъ быть исключено и включено“. Такимъ образомъ, *ngaddyunda* означаетъ *ко мнѣ*, а *ngaddyuri*—*отъ меня* и т. под. Эта особенность любопытна въ томъ отношеніи, что указываетъ на *конкретный* характеръ языка. Кромѣ обычнаго языка, Мэтьюсъ указываетъ на существованіе у когаи мистическаго или тайнаго языка, на которомъ говорятъ мужчины во время обряда посвященій, и который скрывается отъ женщинъ или молодежи, еще не посвященной въ эти обря-

¹⁾ Подъ агглютинаціей здѣсь и въ дальнѣйшемъ я буду подразумѣвать такое сочетаніе формальныхъ элементовъ слова съ его корнемъ, при которомъ и тѣ, и другіе не подвергаются никакимъ фонетическимъ измѣненіямъ.

²⁾ K. N. Mathews Language, organization and initiation Ceremonies of the Kogai tribes. Zeitschrift für Ethnologie. 1904.

ды. „Въ то время, какъ новички (the novitiates) уходятъ въ лѣсъ подѣ присмотрѣ старшихъ членовъ племени, они изучаютъ мистическія названія окружающихъ предметовъ обыденной жизни, животныхъ, частей тѣла, и необходимыя въ обиходѣ коротенькія фразы“. Въ списокѣ 335 словъ на языкѣ коган, приведенныхъ Мэтьюсомъ, весьма незначительное число представляетъ формы удвоенія основы. Такъ же мало здѣсь названій, которыя могутъ быть сведены къ звукоподражанію: таковы, можетъ быть, *gagul-gagul* (пересмѣшникъ, laughing jakass), *ngun-ngun* (Мороке), но, напр., ворона (*waddha*), лебедь (*birrur*) и даже какаду (*thikari*) и др. носятъ названія, не указывающія на ихъ звукоподражательное происхождение. Въ языкѣ австралійскаго племени, вудья вурру (въ Викторіи), которому Мэтьюсъ посвятилъ статью въ томъ же номерѣ нѣмецкаго журнала, ибисъ называется *bitbitdyerrak*, пеликанъ *bürdüngül*, животное двутробрка *ngur-ngur* и т. д., но эти названія, которыя могутъ восходить къ звукоподражанію, совершенно тонутъ во множествѣ такихъ названій животныхъ и растеній, которыя не могутъ имѣть подобное происхождение. Впрочемъ, въ виду такихъ формъ, какъ *wur-wur* (небо) *kurkart* (лѣто) и т. д. сомнительнымъ представляется звукоподражательное происхождение и вышеприведенныхъ словъ: не можетъ же названіе неба или лѣта воспроизводить какой-нибудь звукъ. Между тѣмъ изъ всѣхъ частей Океаніи Австралія (или Новая Голландія) оказывается наиболѣе дикой. Числовая система новоголландцевъ охватываетъ 1—2, причемъ 3 образуются изъ 2+1, 4 изъ 2+2, тогда какъ число 5 употребляется уже вообще рѣдко. Гораздо выше стоятъ папуасы, языкъ которыхъ обнимаетъ числовую систему отъ 1 до 5, и еще выше поли-микро-индонезійская числовая система, которая употребляетъ десятиричный счетъ. Разбираясь въ причинахъ этой исключительной культурной отсталости австралійскаго материка, Фробеніусъ ¹⁾ высказываетъ убѣжденіе, что „на этотъ материкъ, т. е. на самую южную окраину Океаніи, были оттѣснены напоромъ новыхъ переселенцевъ самые древніе и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе бѣдные культурой народы. Затѣмъ въ Меланезію явился другой, уже болѣе культурный пластъ населенія, которому, однако, еще не хватало, какъ можно думать, такого важнаго фактора передвиженія, какимъ было знакомство съ парусомъ. Если бы эти народы уже обладали знакомствомъ съ парусомъ и другими необходимыми культурными завоеваніями, тогда именно папуасы использовали бы теченія для того, чтобы добраться до болѣе отдаленныхъ острововъ. Наконецъ, наступаетъ третій періодъ въ исторіи заселенія Австріи, появленіе народовъ, знакомыхъ съ паруснымъ судоходствомъ. Они, разумѣется, прежде всего должны были ѣхать вокругъ береговъ, завладѣть

¹⁾ *Leo Frobenius. Geographische Kulturkunde. II Teil. Ozeanien und die Ozeanier. 1904.*

ими, а потомъ уже Новой Гвинеей и Меланезіей. Однако, и ту, и другую они нашли уже густо заселенными папуасами, которые отличаются негостепріимнымъ обычаемъ по возможности пожирать всѣхъ пришельцевъ... Поэтому эти парусные судоходы заняли разбросанный архипелагъ“. Такимъ образомъ, уже выводы культурной географіи заставляютъ видѣть въ туземныхъ обитателяхъ Австраліи наиболѣе дикія племена. Путешественники начала 19 вѣка и изслѣдователи еще сохранившихся туземныхъ народовъ рисуютъ ихъ быть чертами, указывающими на чрезвычайную низкую ступень культуры. Въ 1804 году John Turnbull утверждаетъ, что первобытные обитатели Нового Южнаго Уэльса представляютъ собою самыхъ дикихъ людей на свѣтѣ, и что пребываніе здѣсь европейцевъ не оказало ни малѣйшаго вліянія на смягченіе ихъ нравовъ. Напрасно, поселенцы и чиновники Сиднея, Параматты и др. пытались что-нибудь сдѣлать для улучшенія жизни этихъ дикарей: они упорствуютъ въ своей приверженности къ туземному быту.

Хотя Фр. Мюллеръ утверждаетъ, что „пра-языкъ, къ которому относятся австралійскіе языки, долженъ быть признанъ совершенно лишеннымъ грамматическихъ формъ“, однако это можно понять лишь въ томъ смыслѣ, что въ этихъ языкахъ Мюллеръ, ученый старой школы, находитъ не флексію, но соединеніе окончаній съ основой, агглютинацію. Во всякомъ случаѣ, здѣсь приходится констатировать тонкое и точное распредѣленіе суффиксовъ для обозначенія различныхъ оттѣнковъ дѣйствія, системы склоненія, простыя, короткія, однако не односложныя слова, лишенные въ значительномъ большинствѣ случаевъ признаковъ звукоподражательнаго происхожденія. Однимъ словомъ, крайняя дикость въ быту и воззрѣніяхъ, крайняя первобытность культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ, вовсе не производящій впечатлѣнія первобытности. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что и новѣйшій изслѣдователь австралійскихъ языковъ, Мэтьюсъ, изображаетъ ихъ грамматическій строй въ тѣхъ же чертахъ, что и источники Фр. Мюллера.

Новогвинейскіе папуасы изображаются еще въ 1886 году (H. Künz вѣ названной книгѣ Фробеніуса II. 122—130) чрезвычайно дикимъ народомъ, который живетъ въ первобытныхъ хижинахъ, лишенныхъ всякой утвари, ведетъ постоянныя войны (между отдѣльными племенами) со счетомъ головъ, добытыхъ той и другой враждующей стороною, и т. п. Featherman ¹⁾ характеризуетъ папуасовъ, какъ людей, отличающихся своей импульсивностью. „Они сильно жестикулируютъ въ разговорѣ и даютъ выраженіе своимъ чувствамъ и страстямъ въ формѣ криковъ, воя и неистовыхъ прыжковъ“. Папуасы обладаютъ чрезвычайно независимымъ харак-

¹⁾ A. Featherman. Social history of the Races of Mankind. II division: Papuo and Malayo Melaneseans. 1887.

теромъ, не признають надъ собой никакой власти; „независимыя племена, которыя удалились въ горы, чтобы избѣжать преслѣдованія своихъ враговъ, отличаются энергіей и силой характера. Они не выносятъ никакого контроля и не желаютъ подчиниться высшей власти. Они раздѣляются на маленькіе кланы и избѣгаютъ всякихъ сношеній съ иностранцами, къ которымъ они питають невыразимую ненависть, вслѣдствіе чего они не допускають никого посторонняго (intruder) селиться между ними“. Нѣкоторыя другія папуасскія племена рисуются въ болѣе мягкихъ чертахъ; однако, повидимому, всё въ нихъ присуща очень низкая ступень культурнаго развитія. Коегдѣ еще сохраняется, повидимому, даже людоедство, „тамъ, гдѣ мало провизіи“. Пищу различныя племена добываютъ тамъ, гдѣ это представляется возможнымъ по географическимъ условіямъ ихъ поселенія: рыба (альфуры), мясо слоновъ, носороговъ, обезьянъ и другихъ звѣрей, на которыхъ производится охота (семанги), растительная пища, сага, бананы, а также всевозможная птица и рыба (арруаны) и даже просто корни и дикіе плоды лѣсовъ (айета) вмѣстѣ съ добычей охоты: таковы различныя формы быта у народовъ папуасскаго племени. „Охота, рыболовство и земледѣліе представляютъ главныя занятія папуасовъ“, причемъ этимъ послѣднимъ занимаются исключительно женщины и дѣти подъ присмотромъ нѣсколькихъ мужчинъ. Наконецъ, папуасы ведутъ и торговлю, по преимуществу съ китайцами. Мы видимъ, такимъ образомъ, среди нихъ довольно разнообразныя формы хозяйства, которыя не могли не отразиться и на различіи въ умственномъ развитіи папуасовъ. О языкѣ ихъ Фетерманъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: „Папуасскій языкъ является по существу полисиллабическимъ (многосложнымъ) и принадлежитъ къ числу агглютинирующихъ языковъ, такъ какъ формы обозначаются въ немъ съ помощью префиксовъ и суффиксовъ. Та же система словообразованія существуетъ во всѣхъ полинезійскихъ языкахъ, съ которыми папуасскій имѣетъ много общаго. Они обладаютъ одними и тѣми же словами для обозначенія мѣстоименій, а также очень сходятся въ нарѣчіяхъ мѣста и въ значительномъ числѣ частицъ. Папуасскій языкъ *раздѣляется на безконечное число діалектовъ*, которые болѣе или менѣе различаются между собой, но, повидимому, всё восходятъ къ одному общему языку“. Несомнѣнно, и къ папуасскому языку относится наблюденіе, сдѣланное надъ австралійскими языками и заслуживающее особаго вниманія. Именно, Featherman отмѣчаетъ (II. 135), что произношеніе въ этихъ языкахъ „далеко не грубо; оно становится очень быстрымъ и громкимъ, когда выражается неудовольствіе, а для выраженія удовольствія и удовлетворенія слоги произносятся медленно и высокимъ голосомъ (in atrailing and shrill tone of voice)“. Обращаясь къ языкамъ другихъ племенъ Меланезіи, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія данныя, разсѣянныя въ уже названномъ сочиненіи Фетермана.

„*Биара* Новой Британніи и ближайше родственные имъ *вейра* острововъ Герцога Юркскаго восходятъ, по своему происхожденію, къ папуасамъ, хотя первоначальное племя ихъ нѣсколько смѣшалось съ эмигрантами изъ Новой Ирландіи, Соломоновыхъ острововъ и Новой Гвинеи, съ которыми они находятся въ самомъ близкомъ родствѣ“. Оба эти племени говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, но *различіе между отдѣльными говорами* такъ велико, что на разстояніи всего нѣсколькихъ миль люди рѣдко понимаютъ другъ друга. Томбара на Новой Ирландіи (теперь Neu Mecklenburg), нѣсколько восточнѣе острова Нов. Британніи (теперь Neu-Pommern), говорятъ на языкѣ, „имѣющемъ нѣкоторое словесное родство съ языками биара и вейра“. Онъ отличается чрезвычайнымъ обиліемъ „спеціальныхъ названій“, обозначающихъ предметы природы, животныхъ и растеній. На Ново-Гебридскихъ островахъ (къ юго-востоку отъ Соломоновыхъ) живутъ племена ватеанъ. „Нѣкоторые изъ діалектовъ ватеановъ обладаютъ богатымъ словаремъ и благозвучны; они отличаются нѣкоторыми грамматическими особенностями, которыя встрѣчаются въ очень немногихъ другихъ языкахъ. Такъ, мѣстоименія имѣютъ отдѣльныя спеціальныя формы не только для двойственного, но и для тройственного числа. Единственное символическое средство, которымъ они пользуются для выраженія своихъ идей, заключается въ употребленіи сигнальных огней; выраженіе уваженія заключается въ томъ, что чловѣкъ разстилается на землѣ, тогда какъ для изъясненія своего удивленія издають необычныя крики, размахивая при этомъ правой рукой, такъ что пальцы трещать (so as to cause their fingers to snap)“. На островѣ Ваникоро (къ сѣв. отъ Нов.-Гебридскихъ), небольшомъ островѣ, заселенномъ очень примитивнымъ народомъ, Фетерманъ отмѣчаетъ три главные говора одного и того же языка. Самый же языкъ, по словамъ этого писателя, отличается отъ полинезійскихъ: его „звуки болѣе сложны, хотя они и не грубы, и не непріятны для слуха, и не представляютъ трудностей для произношенія“. На островѣ Тасманіи первобытное населеніе отличалось особенно низкимъ уровнемъ культурнаго развитія. Соответственно съ этимъ, какъ отмѣчаетъ Featherman (II. 102—3), „языкъ тасманійцевъ былъ бѣденъ въ словарномъ отношеніи и неразвитъ въ грамматическомъ. Значительное большинство словъ было многосложнымъ, и каждый слогъ, обыкновенно, заканчивался гласнымъ. Аллитерація гласныхъ звуковъ была очень распространена, а многочисленные сокращенія дѣлали образованіе словъ нѣсколько сложнымъ. Слова въ предложеніи не распредѣлялись въ извѣстномъ опредѣленномъ порядкѣ, и случайныя условія (the accidental conditions), выражаемыя видомъ, наклоненіемъ и числомъ, не отмѣчались грамматической флексіей или съ помощью модифицирующихъ частицъ, но выполнялись особымъ способомъ произношенія и символизмомъ характеристическихъ жестовъ. Такъ какъ собственные имена людей заимствовались

отъ предметовъ природы, которыми они были окружены, какъ напр. кенгуру, гуттаперчевое дерево, громъ, вѣтеръ, цвѣтокъ и т. д., то нѣкоторыя слова бывали совершенно изгнаны изъ общаго разговора въ семейномъ кружкѣ племени, когда одинъ изъ членовъ его, носившій такое значущее имя, отдавалъ послѣдній долгъ природѣ. Равнымъ образомъ, языкъ былъ бѣденъ словами для выраженія отвлеченныхъ идей и даже качествъ, и туземцы имѣли лишь неопредѣленное представленіе объ обобщеніи. Они обладали отдѣльными названіями для всякаго особеннаго вида растений или животныхъ, но не имѣли слова, которое означало бы дерево или животное вообще. Ихъ знаніе вещей ограничивалось частностями; ихъ умъ еще не достигъ той высшей ступени развитія, на которой возможно распознаваніе сразу цѣлаго класса многочисленныхъ предметовъ съ помощью абстракціи извѣстныхъ качествъ, коими всѣ они обладаютъ. Абстрактныя качества могли обозначаться только съ помощью описанія. Такъ, вмѣсто *твердый* они говорили, *какъ камень*, вмѣсто *высокій* они говорили, *длинные ноги*, а для того, чтобы обозначить, что предметъ круглъ, они прибѣгали къ сравненію его съ мячомъ или мѣсяцемъ. Они были находчивы въ обыкновенномъ разговорѣ, хотя и бывали вынуждены дополнять дѣйствіями и жестами недостаточное грамматическое строеніе ихъ языка, чтобы точно выразить свое мнѣніе и быть правильно понятыми. Чрезвычайно важны тѣ данныя, которыя мы находимъ въ трудѣ Петермана (II. 198—9) относительно языка туземнаго населенія острововъ Фиджи. Авторъ указываетъ на развитіе этого языка, который обладаетъ обширнымъ словаремъ, хорошимъ развитіемъ грамматическихъ элементовъ. Языкъ Фиджи или Вити распадается болѣе, чѣмъ на 15 говоровъ. „*Профессиональные поэты*, которые образуютъ наследственный классъ, приписываютъ духъ и *языкъ* своихъ произведеній сверхъестественному внушенію. Они убѣждены, что во время сна облетаютъ воздушныя царства, гдѣ богъ поэзіи обучаетъ ихъ поэтическому искусству, и когда поэтическое произведеніе положено на музыку и приспособлено къ соотвѣтствующему танцу, поэты спускаются въ міръ и вводятъ среди своего народа новую пѣсню и пляску, которыя только что были сообщены имъ“. Это указаніе на существованіе особой касты поэтовъ, которая создаетъ не только музыкальныя произведенія, музыку и пляски, но и самый *языкъ*, внушаемый имъ богомъ, очень важно. Оно бросаетъ свѣтъ на самый способъ возникновенія человѣческаго языка, къ чему я еще вернусь въ дальнѣйшемъ изложеніи. Грамматическій строй фиджійскаго (или *вити*) языка представленъ Фр. Мюллеромъ въ его „*Grandriss der Sprachwissenschaft*“ (II, 2) и Байрномъ (I, 242—6). Изъ другихъ папуаско-меланезійскихъ языковъ упомяну о слѣдующихъ. На Андаманскихъ островахъ обитало довольно многочисленное племя минкопьевъ, численность которыхъ доходила до 3000—3500 человѣкъ, и которые дѣлились на девять клановъ. Это было

племя, лишенное религіозныхъ представленій и, вообще, стоявшее очень низко въ своемъ культурномъ развитіи. Языкъ ихъ, по утверженію Фермана (II, 230—231), не достигалъ полнаго развитія (is in an imperfect state of development), и словарь ихъ могъ выражать только самыя простыя потребности обыденной жизни; будучи лишенъ гортанныхъ звуковъ, говорить тотъ же писатель, языкъ манкопьевъ грубъ и непріятенъ. Особенностью его въ грамматическомъ отношеніи, особенностью, которую онъ раздѣлялъ съ фиджійскимъ, являлось оригинальное употребленіе притяжательнаго мѣстоименія; именно, кромѣ обычнаго притяжательнаго мѣстоименія, было еще другое, которое примѣнялось только къ названіямъ извѣстныхъ классовъ предметовъ. Несмотря на то, что численность племени не превышала 3 съ половиной тысячъ человекъ, языкъ его распадался на семь отдѣльныхъ діалектовъ. Никобары, занимающіе острова того же названія, характеризуются путешественниками, какъ дикари, стоящіе на самой низкой ступени развитія (они „не сдѣлали никакихъ шаговъ въ промышленномъ развитіи“, не имѣютъ никакихъ постоянныхъ занятій, не употребляютъ ни малѣйшихъ усилій для поддержки своего существованія, почти совершенно лишены интеллектуальнаго развитія какихъ бы то ни было умственныхъ интересовъ). „Такъ какъ острова этой группы находятся на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, то совершенно естественно, что они говорятъ на разныхъ діалектахъ, различающихся между собой не только по произношенію, но и по словообразованію, и хотя, переѣзжая съ острова на островъ, они оказываются часто въ затрудненіи понимать другъ друга, однако не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально всѣ діалекты восходили къ одному праязыку“. Самый же языкъ опредѣляется, какъ лишенный всякихъ грамматическихъ категорій и словообразованія.

Нашъ соотечественникъ, извѣстный путешественникъ Н. Миклухо-Маклай, сообщилъ данныя о папуаскихъ діалектахъ сѣверо-восточнаго побережья Новой Гвинеи ¹⁾. Онъ отмѣтилъ особенности, которыя имѣютъ большое распространеніе въ первобытныхъ языкахъ. Это прежде всего неустойчивость въ произношеніи слова: каждый туземецъ нѣсколько по своему (etwas abweichend) произноситъ одно и то же слово. Затѣмъ слѣдуетъ указать на чрезвычайное развитіе діалектовъ: „Почти каждая деревня на побережьи Маклая имѣетъ свой собственный говоръ. Деревни, удаленныя одна отъ другой на четверть часа, обладаютъ уже многими различными словами (такъ, въ Горунду камень называется *ubi*, а въ сосѣднемъ Бонгу *gitan*, въ первой зубы—*agi*, во второй *kagi* и т. д.). Жители деревень, расположенныхъ на разстояніи двухъ-трехъ часовъ,

¹⁾ G. v. d. Gabelentz und A. B. Meyer. Beiträge zur Kenntniss der melanesischen, mikronesischen und papuanischen Sprachen. Leipzig. 1882.

едва-едва понимаютъ другъ друга. Только люди постарше знаютъ два или три говора; чтобы изучить ихъ, они проводятъ нѣкоторое время въ чужихъ деревняхъ. Меня поражало, что нерѣдко сами туземцы не знали какого-нибудь слова своего собственнаго діалекта. Въ этомъ случаѣ они обращались къ болѣе старымъ папуасамъ, чтобы узнать отъ нихъ неизвѣстное имъ названіе“. Насколько скуденъ словарь этихъ языковъ, видно изъ свидѣтельства Миклуха-Маклая, что, обладая 350 словами, онъ могъ по цѣлымъ днямъ свободно бесѣдовать съ мужчинами, женщинами и дѣтьми.

Въ области грамматическаго образованія фиджійскій языкъ ¹⁾ представляетъ значительное развитіе формъ съ удвоеніемъ основы: глаголы приобрѣтаютъ въ этомъ случаѣ повторительное или интенсивное значеніе (*kere*—просить, а *kerekere*—умаливать) или, что очень характерно для происхожденія именного значенія въ отличіе отъ глагольнаго, становятся именами существительными (*motse*—спать, но *motsemotse*—мѣсто спанья; *mbulu*—хоронить, *mbulumbulu*—кладбище) или даже прилагательными (*ndre*—тянуть, отсюда *ndrendre*—тяжелый). Глагольные отгѣнки значенія передаются съ помощью различныхъ частицъ, стоящихъ передъ или послѣ основы. Существительныя могутъ быть употребляемы и въ значеніи прилагательныхъ, „но такъ какъ свойство не можетъ быть мыслимо безъ субъекта, которому оно принадлежитъ, то имена прилагательныя имѣютъ всего передъ собой родительный падежъ или послѣ себя притяжательное мѣстоименіе“ (Габеленцъ). Падежныя формы выражаются или положеніемъ слова въ предложеніи или особенными частицами, которыя ставятся передъ словомъ. Чрезвычайную сложность приобрѣтаетъ склоненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда имя существительное соединяется съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ. Габеленцъ насчитываетъ 15 личныхъ мѣстоименій (7 для перваго лица, по 4 для второго и третьяго лицъ), которыя употребляются по разнымъ категоріямъ значенія, въ зависимости отъ того, стоитъ ли мѣстоименіе особнякомъ, или при глаголѣ, и т. п. Глаголъ такъ же лишень флексій, какъ и имя существительное, но имѣетъ различныя формы въ зависимости отъ своего отношенія къ объекту. На этомъ основаніи различаются *intransitivum* (непереходное) *neutrum* и *activum*, *transitivum* (переходное) *indefinitum* и *definitum*, наконецъ *medium* или *passivum*. Глаголъ *звать вообще* имѣетъ другую форму, чѣмъ *звать кого-либо опредѣленнаго*. Особыми частицами обозначаются прошедшее и будущее времена, которыя здѣсь лишены того богатства отгѣнковъ, какое было отмѣчено нами въ австралійскихъ языкахъ. Спряженіе ограничивается постановкой передъ основой личнаго мѣстоименія; зато конкретный характеръ тре-

¹⁾ N. C. v. d. Gabelentz Die melanesischen Sprachen nach ihrem grammatischen Bau. Leipzig. 1860. Fr. Müller. Grundriss der Sprachwissenschaft II, 2 Abteil. 1880. J. Byrne (ср. выше) цитируетъ *Hazlewoods*. Fijian Grammar.

буеть точнаго обозначенія числа, и фиджійцы различали единственное, двойственное, тройственное и неопредѣленно—множественное числа. По мнѣнію Байрна, „глаголь мыслится здѣсь съ большимъ интересомъ, чѣмъ въ полинезійскихъ языкахъ, такъ что здѣсь наблюдается болѣе развитіе“ глагольныхъ значеній. Другой особенностью фиджійскаго языка, отличающею его отъ полинезійскихъ языковъ, является развитіе въ немъ согласныхъ звуковъ, тогда какъ эти послѣдніе языки не допускаютъ ни стеченія нѣсколькихъ согласныхъ, ни согласнаго окончанія слова. Еще дальше въ развитіи консонантизма пошелъ языкъ населенія самаго южнаго изъ Ново-Гебридскихъ острововъ, Аннатомы. Въ общемъ, здѣсь тѣ же черты первобытнаго языка: удвоеніе основы для обозначенія извѣстныхъ отгѣнковъ (Вугне I. 247), употребленіе словъ въ смыслѣ и существительныхъ, и прилагательныхъ, и глаголовъ (*ihlur*—горячій и жара, *alupas* большой и расти). Меланезійскіе языки представляютъ, по сравненію съ австралійскими, нѣкоторыя особенности: такъ, они обладаютъ гораздо большимъ количествомъ согласныхъ, чѣмъ эти послѣдніе: въ то время, какъ въ австралійскихъ языкахъ звуки *b, g, d* представляютъ только модификаціи глухихъ *p, k, t*, меланезійскіе имѣютъ цѣлый рядъ фрикативныхъ согласныхъ: *χ, γ, θ, δ, s*. Однако, утверждать, что это представляетъ высшую ступень развитія языковъ вообще, чѣмъ въ австралійскихъ языкахъ, было бы такъ же рискованно, какъ считать, напр., эстонскій языкъ выше финскаго потому, что въ первомъ есть звонкіе согласные, отсутствующіе во второмъ. Можно только отмѣтить примитивность и тѣхъ, и другихъ языковъ, выражающуюся въ ихъ конкретномъ характерѣ, неустойчивости произношеній, обособленности формообразующихъ частицъ отъ основы, скудости словаря и множествъ говоровъ, обнимающихъ всего по нѣсколько сотъ, иногда даже меньше, говорящихъ людей. Въ названныхъ выше дополненіяхъ Г. Габеленца и А. Мейера къ труду Г. Габеленца о меланезійскихъ языкахъ мы находимъ сравнительный словарь этихъ языковъ. Насколько значителенъ здѣсь звукоподражательный элементъ? Уже а priori можно утверждать, что тамъ, гдѣ такого сильнаго развитія, какъ здѣсь, достигаютъ діалекты, такое звукоподражаніе не можетъ быть значительно, ибо именно развитіе говоровъ при общей неустойчивости произношенія внесетъ здѣсь разнообразіе, затемнитъ звукоподражательное происхожденіе слова. Такъ, одно и то же слово для обозначенія вѣтра выступаетъ въ слѣдующихъ діалектическихъ формахъ: *iengo, angia, cagi, eni, ang, lang, 'nlang, lani, len, laniatu, danireho*. Для грома мы находимъ такія названія: *hodrenge, drumk, dowarra, tavi, tfa, lollo, kadadu, dorur, apil, noha, kurukuru, gelrygel, nidiu* и другія слова, которыя означаютъ, прежде всего, молнію, а потомъ уже и громъ, т. е. по существу своему должны быть лишены звукоподражательнаго элемента. Этотъ послѣдній въ приведенныхъ названіяхъ можетъ быть признанъ развѣ

только въ словахъ *drumk* и *kurukuru*, но, что характерно вообще для звукоподражаній, эти слова передаютъ совсѣмъ разныя звуковыя впечатлѣнія. И то же самое слѣдуетъ отмѣтить въ названіяхъ нѣкоторыхъ птицъ въ меланезійскихъ языкахъ.

Такъ, *курица* называется здѣсь (возможныя звукоподражанія отмѣчены курсивомъ) *manuk*, *maan*, *malk*, *kua*, *gua*, *tu*, *tutu*, *tue*, *mitoa*, *toa*, *to*, *gutu*, *kukreku*, *mang koko*, *kokok*, *rarek*, *kokaroko*, *kereke*, *kokiroko*, *kokeraku*, *oma*, *moa*, *onfa*, *uwa*, *ua*, *joa*, *iaver*, *pura*, *selame*, *olin*, *mangrio*, *mangwaf*, *koku*, *lolo*. Изъ этого длиннаго ряда названій птицы, завезенной на полинезійскіе острова европейцами, настоящимъ *туземнымъ* звукоподражательнымъ словомъ можетъ быть признано только *kua* или *gua*, тогда какъ *kukreku* съ его вариантами представляется заноснымъ европейскимъ словомъ. Любопытно еще *lolo*, которое оказывается въ другомъ діалектѣ названіемъ *грома*. Въ словахъ, обозначающихъ попугая, еще менѣе распространѣн звукоподражательный элементъ: *manggtas*, *mannabeef*, *uouga*, *manjouer*, *uioi*, *puirip*, *guagua* (ср. выше названіе курицы *kua* или *gua*), *kabrai*, *puet*, *hanjaka*, *oijan*, *sawe*, *karabua*, *waitot*. Крики птицъ недостаточно разнообразны для того, чтобы превратиться въ названія отдѣльныхъ породъ, и одно и то же звукоподражаніе должно, въ силу сходства акустическихъ представленій различныхъ птичьихъ криковъ, служить названіемъ разныхъ породъ: напр., *gua* для курицы и попугая. Въ одномъ изъ полинезійскихъ языковъ *waitot* означаетъ попугая, въ другомъ же *waimon*—голубь, котораго другія названія гласятъ *gupa*, *gainu*, *cuibuik*, *buaralap*, *denhi*, *um*, *bue*, *nucip*, *ruve*, *daumer*, *pini*, *keijeb*. Ни одного звукоподражательнаго слова для обозначенія *собаки* (развѣ *baun*, *gaun*), *свиньи* и т. д.! Такимъ образомъ, при всей примитивности меланезійскихъ языковъ слова имѣютъ здѣсь въ громадномъ большинствѣ случаевъ уже только символическое значеніе.

Перейдемъ къ *малайскимъ* языкамъ. Какъ отражается въ ихъ развитіи національный характеръ малайцевъ, описанный въ такихъ яркихъ чертахъ различными путешественниками? По словамъ Картхауза ¹⁾, „не слѣдуетъ слишкомъ низко ставить умственныя способности малайцевъ,—ошибка, въ которую легко впасть, такъ какъ эти истинныя дѣти тропиковъ, вслѣдствіе своей чрезмѣрной вялости, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обнаруживаютъ свои таланты. На Суматрѣ мнѣ не разъ представлялся случай подивиться на проникаемость туземцевъ, которая обнаруживалась не только въ томъ, что, подобно индѣйцамъ, они распознавали своимъ орлинымъ взоромъ такія вещи, которыхъ европеецъ, навѣрное, никогда бы не увидѣлъ, но и въ томъ, что, когда нужно было, пользуясь прежде всего очами разума, они умѣли быстро схватывать всѣ особенности предмета и удерживать ихъ въ памяти...

¹⁾ *Emil Carthaus. Sumatra und der malaische Archipel. Leipzig. 1891.*

Малаецъ не только способенъ быстро запечатлѣвать въ своемъ сознаніи образы предметовъ изъ окружающей его природы, онъ обладаетъ также несомнѣннымъ даромъ воспроизводить ихъ съ помощью рисунка. Я поистинѣ изумлялся, видя среди малайской школьной молодежи такое значительное число юныхъ художниковъ. Слухъ развитъ у туземцевъ Суматры менѣе, чѣмъ зрѣніе, а что касается ихъ музыкальнаго слуха, то ужъ никакъ не назовешь ихъ художниками звука. Къ счету и ариѳметическимъ дѣйствіямъ малайцы обладаютъ, несомнѣнно, хорошими способностями. Точно также нельзя отрицать у нихъ проворства рукъ и ловкости въ нѣкоторыхъ работахъ. Но весь малайскій народъ одержимъ злымъ духомъ, который задерживаетъ въ немъ всякое проявленіе жизни,—именно, духомъ лѣни¹⁾. Очень забавно путешественникъ описываетъ лѣнливую позу малайца, который просиживаетъ цѣлыми часами на пяткахъ, ровно ни о чемъ не думая. Съ вялостью и пассивностью соединяется чрезвычайная терпѣливость. „Только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ эти люди теряютъ терпѣніе, такъ же, какъ они почти никогда не выходятъ изъ себя, или, по крайней мѣрѣ, не выражаютъ своего гнѣва! Но бѣда, если туземца охватитъ ярость. Она принимаетъ, обыкновенно, форму бѣшенства, которая извѣстна въ индійскомъ архипелагѣ подъ именемъ *амокъ* и вызываетъ здѣсь такой же страхъ, какъ у насъ буйное помѣшательство. Туземецъ, который „дѣлаетъ *амокъ*“, ведетъ себя, дѣйствительно, какъ сумасшедшій“. Впрочемъ, такія выходки, которыя кончаются, обыкновенно, довольно плачевно для самаго „героя“, становятся все болѣе рѣдки; малаецъ, по свидѣтельству Картхауза, отлично умѣетъ скрывать свои чувства,—умѣетъ или, вѣрнѣе, научился подъ властной рукой европейскаго, голландскаго правительства. При этомъ, однако, малаецъ отличается чрезвычайной мстительностью. Зато, если его не обижать, онъ кротокъ, любезенъ и услужливъ. Въ противоположность малайцамъ, Суматры, туземцы острова Борнео, принадлежащіе къ той же группѣ народовъ, рисуются очень усердными людьми¹⁾. „Во всякое время года у нихъ оказывается довольно дѣла. Если они не заняты своей будничной работой, то они трудятся надъ выдѣлываніемъ лодки, такъ какъ селится всегда по берегамъ рѣки, и вода является ихъ единственнымъ путемъ сообщенія“. Однако, и они стоятъ очень низко въ культурномъ отношеніи, какъ и туземцы острова Явл.

Что касается малайскихъ языковъ, то анализъ ихъ грамматическаго строя будетъ представленъ ниже. Предварительно же я извлеку изъ названнаго уже сочиненія Фетермана матеріалъ, вообще характеризующій малайскіе языки. Дайаки Борнео говорятъ на многочисленныхъ діалектахъ одного и того же языка, которые всѣ связаны между собой. Большинство ихъ словъ состоитъ изъ двухъ слоговъ. На Суматрѣ малайскій языкъ яв-

¹⁾ *C. Bock. Unter den Kannibalen auf Borneo. 1890 въ Geograph. Kulturkunde. II. 189.*

ляется общимъ языкомъ всего населенія архипелага, „средствомъ сообщенія между различными національностями архипелага, а также между туземцами различныхъ острововъ и иностранцами“. При этомъ какъ на Суматрѣ, такъ и на Явѣ наблюдается весьма любопытное различіе въ употребленіи малайскаго языка. „Существуетъ нѣсколько различныхъ стилей этого языка. Выраженія, которыя свойственны исключительно королю въ его сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, и которыя являются наиболѣе элегантными, называются придворнымъ стилемъ. Языкъ, на которомъ говоритъ аристократическій классъ, характеризуется обычной утонченной фразеологіей высшихъ классовъ общества. Стилъ, употребляемый купцами въ ихъ торговыхъ отношеніяхъ, простъ по своему строенію, отличается ясностью выраженій и не слишкомъ перегруженъ грамматическими правилами. Наиболѣе испорченнымъ является тотъ стилъ, на которомъ говорятъ на базарахъ и въ большихъ торговыхъ морскихъ портахъ, гдѣ представители всѣхъ народовъ понимаютъ другъ друга съ помощью условнаго языка, въ основаніи котораго лежитъ малайскій“ (II, 298). Указавъ на то, что малайскій языкъ переполненъ полинезійскими словами для обозначенія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ жизни, санскритскими для обозначенія мифологическихъ и отвлеченныхъ понятій и арабскими для выраженія понятій высшей культурной жизни, авторъ прибавляетъ, что „малайскій языкъ совершенно лишенъ тѣхъ смѣлыхъ метафорическихъ выраженій, которыя указываютъ на дѣтство въ интеллектуальномъ развитіи народовъ, и что ихъ поэтическіе образы являются въ формѣ сходныхъ, но отличныхъ, а не интегральныхъ частей общей идеи¹⁾. Съ другой же стороны, онъ ненормально обилень синонимическими выраженіями для обозначенія обыкновенныхъ предметовъ обыденной жизни и самыхъ ничтожныхъ пустяковъ, и ему не хватаетъ не только точности, но и правильности въ расположеніи словъ“. Байрънъ (I. 295) дѣлаетъ попытку связать двусложный составъ малайскихъ корней съ національными особенностями малайцевъ. Его довольно туманныя соображенія исходятъ изъ предположенія, что въ двойномъ (двусложномъ) корнѣ слова отражается двойной процессъ мысли, т. е. что умъ не способенъ охватить въ одномъ слогѣ всего содержанія идеи, но въ первомъ слогѣ намѣчаетъ ея содержанія, а во второмъ дополняетъ ее. Такимъ образомъ идеи, выраженные корнемъ или первымъ слогомъ, не являются обобщеніями, но „мыслятся какъ частичныя модификаціи. Такой конкретный характеръ мысли соответствуетъ малайской природѣ, которая даетъ человѣку все необходимое,

¹⁾ Это надо понимать, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что для выраженія своего образа туземцы прибѣгаютъ къ синонимамъ, заключающимъ въ себѣ, однако, различные оттѣнки значенія. Синонимы оказываются, однако здѣсь какъ видимъ дальше, и для обозначенія самыхъ обычныхъ отношеній

предоставляя ему только смотреть и исполнять. И натура малайца, отличающаяся легкой вобудимостью къ умственной дѣятельности, повидимому, также соотвѣтствуетъ характеру его языка, какъ это наблюдается у другихъ народовъ съ меньшей возбудимостью“. Подобныя метафизическія разсужденія вообще характерны для „философовъ“ языка. Разумѣется, искать отраженія національнаго характера въ грамматикѣ языка значить впадать въ крайній субъективизмъ.—Обратимся къ языку яванскаго населенія.

Языкъ туземцевъ острова Явы точно также переполненъ санскритскими, арабскими и полинезійскими словами; онъ находится въ ближайшемъ родствѣ съ другими малайскими діалектами. „Языкъ бѣденъ отвлеченными словами и общими выраженіями. Онъ очень пригоденъ для описанія человѣческихъ страстей и семейныхъ сценъ обыденной жизни, но совершенно не приспособленъ для выраженія отвлеченныхъ размышленій и идеальныхъ понятій возвышеннаго и прекраснаго; въ немъ нѣтъ словъ для выраженія предназначенія, пространства, природы и др. Здѣсь *отсутствуютъ даже родовыя названія* для животнаго, минерала, и болѣе того: для звѣря, птицы, пресмыкающагося и насѣкомаго. Съ другой же стороны, спеціальныя названія до такой степени изобилуютъ, что въ нихъ трудно разобраться. Языкъ отмѣчаетъ ничтожныя отличія и оттѣнки мысли и обладаетъ огромнымъ количествомъ синонимическихъ выраженій. Такъ, здѣсь пять названій для собаки, шесть для свиньи и слона, семь для лошади. Производитъ впечатлѣніе какой-то болѣзненной мелочности изобиліе выраженій для обозначенія самыхъ обыкновенныхъ дѣйствій повседневной жизни. Для понятія *стоятъ* употребляется десять различныхъ словъ, для понятія *сидятъ* двадцать, и не менѣе пятидесяти спеціальныхъ терминовъ для обозначенія модификацій звука“. Надо прибавить, что какъ на этомъ, такъ и на другихъ малайскихъ нарѣчіяхъ существуютъ болѣе или менѣе богатая литературы, вызванныя культурными и религіозными вліяніями брахманизма и ислама, такъ что малайскій языкъ слѣдуетъ отнести уже не столько къ языкамъ некультурныхъ, сколько къ языкамъ „полукультурныхъ“ народовъ. И только тотъ фактъ, что массы народа весьма мало затронуты такими культурными вліяніями, а пребываютъ въ состояніи болѣе или менѣе полного первобытнаго дикарства, позволяетъ включить и малайскіе языки въ настоящее разсмотрѣніе.

Такъ, въ горныхъ округахъ острова Явы туземцы говорятъ на языкѣ Сунда. По словамъ Фетермана (II. 377), это основной яванскій діалектъ, неусовершенствованный и несмѣшанный съ иностранными словами и иностранными нарѣчіями, достаточно богатый для того, чтобы выразить всѣ отношенія практической жизни, и вполне приспособленный для всѣхъ цѣлей и объектовъ, которые входятъ въ кругозоръ простыхъ и нецивилизо-

ванных горалей. Такое нарѣчіе, конечно, съ полнымъ основаніемъ должно войти въ предѣлы настоящей главы. Но можно-ли говорить о „первобытности“, напр., языка тагала, многочисленного (около 2 мил.) народа, занимающаго острова Люцонъ, Минданао и др.? Тагала—далеко не дикари и вовсе не чистокровные малайцы, такъ какъ въ ихъ жилахъ течетъ кровь всевозможныхъ этническихъ примѣсей, китайцевъ, японцевъ и даже европейцевъ. Они давно уже христіане, а языкъ ихъ сдѣлался языкомъ письменности еще до прибытія испанцевъ. Этотъ языкъ „ясенъ и элегантенъ, метафориченъ и поэтиченъ“. По своему внутреннему строенію, онъ оказывается совершеннѣе всѣхъ другихъ малайскихъ діалектовъ, а въ грамматическомъ отношеніи онъ наиболѣе развитъ изъ нихъ.

„Оригинальный геній языка сохранился здѣсь во всей своей чистотѣ“, утверждаетъ нашъ источникъ (II. 487), позволяя такимъ образомъ и языкъ тагала отнести къ разряду первобытныхъ языковъ. Во всякомъ случаѣ, приобщеніе тагала къ культурному міру произошло сравнительно такъ недавно, что языкъ не успѣлъ принять новый обликъ. Онъ состоитъ всего изъ 17 звуковъ; составъ его гласныхъ ограничивается *a, e, i, u*; склоненіе выражается положеніемъ слова во фразѣ, а также частицами и приставками; множественнаго числа нѣтъ, его замѣняетъ числительное или слово *manag* (много). Глаголь и имя не различаются, и „это ихъ смѣшеніе, а также *бѣдность* словами приводятъ къ тому, что одно и то же слово получаетъ нѣсколько значеній“: такъ, слово *ayao* означаетъ *довольно*, *торговый рядъ*, *дороговизну*, а, кромѣ того, употребляется для выраженія восхищенія, слово *baba* означаетъ *связку*, *бороду*, *lingo*—*случайность*, *нарывъ*, *bobo*—*сѣть*, *растопливать*, *пугать*, *колдовать*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, отбѣнки одного и того же глагольнаго значенія передаются цѣлой массой отдѣльныхъ словъ: такъ, для обозначенія понятія *дать* языкъ тагала имѣетъ 140 отдѣльныхъ выраженій, для обозначенія понятія „*дѣлать*“ не менѣе 160. Все это, несомнѣнно, признаки того языковаго строя, который восходитъ къ начальнымъ стадіямъ въ развитіи человѣческой рѣчи. Одинаковыя въ звуковомъ отношеніи слова съ разными значеніями должны распознаваться по удареніямъ, которыя играли когда-то, конечно, болѣе значительную роль въ языкѣ, чѣмъ теперь, и тоже указываютъ на первобытность языка.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о малайскихъ языкахъ обратимся къ анализу нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ сѣверозападной части острова Люцона, въ провинціяхъ Pocos Norte, Pocos sur и Union, живетъ населеніе, говорящее на одномъ изъ языковъ малайской группы, илоканскомъ¹⁾. Первая грамматика его была составлена испанскимъ миссіонеромъ, Франциско

¹⁾ Harold W. Williams. Grammaticische Skizze der Ilocano-sprache mit Berücksichtigung ihrer Beziehungen zu den anderen Sprachen der Malayopolynesischen Familie. München. 1904.

Лопецъ, уже въ 1628 году. Ею пользовался и Г. Вильямсъ, который сверхъ того изучилъ илоканскіе переводы Св. Писанія, изданные въ 1900 году. Такимъ образомъ, въ его рукахъ оказался языковой матеріалъ почти за 300 лѣтъ. Какъ особенность илоканскаго языка, авторъ отмѣчаетъ его сильное пристрастіе къ удвоенію основъ, которое въ старомъ языкѣ было, повидимому, еще сильнѣе, чѣмъ теперь. Удвоеніе употребляется для означенія множественнаго числа (*purpuruk* деревни при *puruk* деревня), а также въ глагольныхъ основахъ со значеніемъ повторенія, въ сравнительной и превосходной степеняхъ и т. д. Но особенно характеренъ смыслъ удвоенныхъ словъ. „Обыкновенное удвоеніе служить признакомъ того, что слово употребляется въ своемъ самомъ неопредѣленномъ, самомъ общемъ значеніи. Это, такъ сказать, нерѣшительное, заикающееся произношеніе, которое выражаетъ неопредѣленность, исканіе, начинаніе, нащупываніе. Если видѣть во множественномъ числѣ неясное, неопредѣленное выраженіе того, что въ единственномъ числѣ понимается, какъ конкретное единство, то удвоеніе оказывается вполне пригоднымъ средствомъ, чтобы образовать множественное число“. Подобные случаи Г. Вильямсъ отмѣчаетъ и въ другихъ малайскихъ языкахъ. Въ иномъ смыслѣ формы съ удвоеніемъ употребляются, по его словамъ, для означенія незаконченности или постепенности въ развитіи дѣйствія. Для образованія различныхъ глагольных формъ или придачи извѣстнаго оттѣнка значенію основы илоканскій языкъ употребляетъ множество приставокъ, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что точной дифференціаціи въ употребленіи этихъ частицъ языкъ илоканско еще не знаетъ. Такъ, частица *ta* „означаетъ обладаніе свойствомъ, которое выражено корнемъ“: напр., при *biag*—жизнь *mabiag* означаетъ жить. Но едва ли съ этимъ согласуются другія значенія, приводимыя авторомъ: *manaket* (добрый), *mariri* (лгать) и т. п. Точно также приставка *ka* должна означать сопровожденіе, сходство, участіе, новизну (*itlog*—яйцо, а *kaitlog* новое, свѣжее яйцо), отвлеченный смыслъ (*kadaket* величіе, *daket* большой), мѣстонахожденіе, порядковое число (*pito* семь, *kapito* седьмой). Только отсутствіемъ грамматическаго раздѣленія основъ на глагольныя и именныя, существительныя и прилагательныя возможно объяснить все это различіе значеній, и напр., такое образованіе, какъ *kaitlog*—свѣжее яйцо. Кромѣ множества приставокъ, назначеніе которыхъ состоитъ въ передачѣ всевозможныхъ оттѣнковъ, илоканскій языкъ широко пользуется помощью вставокъ, инфиксовъ. Эти послѣдніе служатъ для образованія глагольных временъ и опять-таки для передачи различныхъ значеній глагольных основъ. Получаются такія формы: *daket*, большой, *bassit* маленький, отсюда *dumaket*, увеличиваться, *bumassit* уменьшаться, но при *surat* писать *sumurat* означаетъ немного писать, т. е. частица *um* придаетъ здѣсь совѣмъ иной оттѣнокъ значенія глагольной основѣ. Вильямсъ отказывается вообще опредѣлить категорію значеній, устанавливаемыхъ этой вставкой. Перехода

къ частямъ рѣчи, авторъ и здѣсь пытается устанавливать наши грамматическія категоріи тамъ, гдѣ онѣ оказываются малоподходящими. Такъ, по его словамъ, именами существительными *можно* считать простыя основы (*einfache Stämme*), затѣмъ такія слова, которыя имѣютъ передъ собой членъ, указательное мѣстоименіе или числительное, управляются предлогомъ или занимаютъ въ предложеніи мѣсто субъекта или объекта. Не ясно-ли отсюда, что, въ сущности, языкъ илокане не различаетъ именъ существительныхъ въ нашемъ значеніи этого слова? Естественно, поэтому, онъ не различаетъ и родовъ именъ существительныхъ. Болѣе того, ему оказывается неизвѣстной грамматическая категорія множественнаго числа, и простое повтореніе основы опредѣляетъ и множественность предметовъ: такъ, если *ili* — „городъ“, то „городъ да городъ“, т. е. города, означается удвоеніемъ *ilili*, *basol* грѣхъ, *basbasol* грѣхи и т. п. Имена прилагательныя, въ сущности, не отличаются отъ существительныхъ; *dakel* означаетъ и величину, и свойство или качество (большой). Иногда же прилагательныя характеризуются приставкой къ корню, хотя та же самая приставка служить и для образованія глаголовъ. Разумѣется, въ языкѣ, который подвергся грамматической обработкѣ со стороны людей, взявшихъ въ свои руки все школьное образованіе въ новообращенной въ христіанство странѣ, — въ такомъ языкѣ должны были возникнуть категоріи мѣстоименій и личныхъ, и указательныхъ. Первобытныхъ особенностей языка здѣсь трудно искать, но кое-какія первобытныя черты выступаютъ и изъ подъ оболочки, созданной грамматическими попытками испанскихъ миссіонеровъ. Такъ, внести порядокъ въ категорію хотя бы личнаго мѣстоименія оказалось невозможнымъ: *sia* означаетъ *я*, если на этомъ словѣ дѣлается особенное удареніе, а просто *an* употребляется, какъ субъектъ при глаголѣ дѣйствительнаго залога, и стоитъ *posla* глагола или отрицанія, опредѣляющаго глаголъ“. Между тѣмъ *si* оказывается частицей, которая будучи приставлена къ основѣ, образуетъ, согласно тѣмъ же грамматическимъ попыткамъ, имя существительное. Вильямсъ отдаетъ себѣ отчетъ въ непримѣнности европейскихъ грамматическихъ нормъ къ илоканскому языку и приходитъ къ выводу, что „настоящихъ глаголовъ“ этотъ языкъ не знаетъ, что „не можетъ быть и рѣчи о различіи въ немъ глагольныхъ наклоненій“ и т. п. Времена же отмѣчаются употребленіемъ различныхъ префиксовъ или инфиксовъ, а лица мѣстоименіями. Иногда, впрочемъ, для обозначенія временъ языкъ употребляетъ просто на просто *указательное* мѣстоименіе.

Для характеристики другихъ малайскихъ языковъ, я остановлюсь на даякскомъ, грамматика котораго написана Габелентцомъ ¹⁾. Слова этого языка въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ двухъ слоговъ и, не измѣняясь, служатъ для обозначенія различныхъ категорій словъ: *belom*, жизнь,

¹⁾ Н. С. von der Gabelentz. Grammatik der Dajak-Sprache. Leipzig. 1852.

процвѣтать, *awi*, дѣлать, черезъ, отъ, *sampe*, приходитъ, до. При такой неизмѣнности основъ образованіе формъ производится, какъ и въ языкъ илокано, съ помощью префиксовъ и суффиксовъ, удвоенія и сложенія словъ. Габеленцъ перечисляетъ *одиннадцать* префиксовъ, которые придаютъ различные оттѣнки значенію слова. Такъ, *pen*, (иначе *peng*, *pet*, *pe*, *p*) образуетъ имена, обозначающія дѣйствующее лицо, предметъ дѣйствія или самое дѣйствіе. Вариации этого суффикса чрезвычайно сложны: имена отъ глагола *dohop* (помогать) образуется существительное *pendohop* (спаситель), отъ *mendawa* (обвинять) не *penmendawa*, но *pendawa* (обвинитель), отъ *tenga* (давать) не *pentenga* (при такомъ же сочетаніи звуковъ въ *pendohop*), но съ выпаденіемъ начального *t* основы *penenga* (даръ), а отъ *solake* (сначала) уже не съ простымъ выпаденіемъ *s*, но съ превращеніемъ его въ *j*: *penjolak* и т. под. Такъ же разнообразны видоизмѣненія и другихъ суффиксовъ, которые образуютъ различныя глагольныя и именныя формы. По существу, даякскій языкъ мало чѣмъ отличается отъ илоканскаго: такъ же въ немъ отсутствуетъ различіе между именной и глагольной основами, такъ же лишь мѣстоименія и извѣстныя частицы служатъ для образованія глагольных временъ, лицъ и чиселъ. Въ этомъ процессѣ Фр. Мюллеръ (Grandriss II, 2. 126) видитъ „внутреннее опредѣленіе глагола“. Имъ, по словамъ этого ученаго, исчерпывается сила малайскаго языка, и то, что лежитъ за предѣлами этого, „пробываетъ въ такой же неопредѣленности, какъ въ полинезійскихъ языкахъ“. Во всякомъ случаѣ, количество словообразующихъ элементовъ въ малайскихъ языкахъ оказывается сравнительно съ языками болѣе развитыми (какъ финноугорскими, такъ и индоевропейскими) очень незначительнымъ. Для памяти здѣсь работы не особенно много. Но въ области словаря, вѣроятно, во всѣхъ малайскихъ языкахъ господствуетъ явленіе, отмѣченное однимъ путешественникомъ въ мадагаскарскомъ нарѣчій малагасси¹⁾. Именно, на слова и слоги, изъ которыхъ состоятъ имена вождей и королей, налагается табу. Этотъ обычай, по указанію путешественника, влечетъ за собой многочисленныя діалектическія измѣненія. Такой священный характеръ государева имени превращаетъ всякое легкомысленное и неуважительное упоминаніе его въ оскорбленіе. Точно также считается неприличнымъ называть имена королевскихъ дворцовъ при сравненіи величины и размѣровъ различныхъ зданій. Такое же почтеніе оказывается именамъ всѣхъ другихъ лицъ, которыя занимаютъ болѣе высокое положеніе въ обществѣ. Здѣсь мы переходимъ, такимъ образомъ, къ вопросу о вліяніи личности на развитіе первобытныхъ языковъ. Возможность цѣлыхъ діалектическихъ перемѣнъ вслѣдствіе запрещенія употреблять въ разговорѣ значительное число именъ, вслѣдствіе чего этотъ словарь двусложныхъ словъ

¹⁾ James Sibrec. Madagaskar. 1881, цитир. Geograph. Kulturkunde II. 214.

долженъ, непременно, потерпѣть значительный уронъ,—эта возможность указываетъ на весьма значительное вліяніе личности на развитіе этого рода языковъ.

Перейдемъ теперь къ африканскимъ языкамъ. Благодаря названнымъ выше лекціямъ Мейнгофа объ африканскихъ языкахъ, мы имѣемъ теперь возможность составить себѣ представленіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ ихъ. Я полагаю, однако, что для выясненія тѣхъ социальныхъ и психологическихъ условий, которыми обставлено здѣсь развитіе языковъ, будетъ правильнѣе отложить синтетическій очеркъ до конца обзора отдѣльных лингвистическихъ группъ чернаго материка.

Я начну этотъ обзоръ съ характеристики кафровъ, остановившись на психологическихъ особенностяхъ этого народа раньше, чѣмъ на языкахъ южноафриканскихъ дикарей другихъ лингвистическихъ семей. Я дѣлаю это потому, что характеристика кафрекой психологіи, сдѣланная Киддомъ, должна имѣть значеніе и для сосѣднихъ съ кафрами народовъ, стоящихъ то нѣсколько ниже, то нѣсколько выше ихъ на лѣстницѣ культурнаго развитія¹⁾. „Весь умственный складъ кафра отличается отъ европейскаго. Его взглядъ на жизнь отличенъ отъ нашего, его пониманіе природы имѣетъ совсѣмъ иную форму. Европейцы нерѣдко воображаютъ, что они могутъ снизойти на дно кафрекой души, но болѣе тщательное наблюденіе обнаруживаетъ всю суетность не кафрекаго ума, но нашихъ первыхъ и послѣднихъ умозаключеній. Въ умѣ туземца глубокое уживается рядомъ съ мелкимъ. Повидимому, самыя несоединимыя вещи способны уживаться рядомъ гармонично и мирно въ тинистой и мутной рѣкѣ его идей. Онъ совершенно чуждъ западнымъ представленіямъ о ясномъ мышленіи и не имѣетъ абсолютно никакого понятія о логикѣ. Онъ не способенъ отличать совпаденіе отъ причинной связи“. По поводу распространеннаго сравненія дикарей съ взрослыми дѣтьми, авторъ монографіи о кафрахъ замѣчаетъ, что въ этомъ сравненіи есть много неправильнаго. „Немного побольше наблюденій, и легко приходишь къ убѣжденію, что это не столько взрослые, сколько неудавшіяся (overgrown-misgrown) дѣти“. Переходя къ характеристикѣ душевнаго склада кафровъ, Киддъ останавливается на памяти ихъ. Туземцы обладаютъ поразительной памятью на факты, которые интересуютъ ихъ. Не имѣя письменности, они должны полагаться на память, которая съ дѣтства не бываетъ обременена школьными науками. Дѣятельность памяти усиливается отъ упражненія этой способности въ обстановкѣ примитивной жизни. Я видѣлъ засѣданіе вождей и старшинъ, которые совѣщались по важному юридическому вопросу. По поводу одного прецедента поднялся споръ. Не

¹⁾ *Dudley Kidd. The essential Kafir. London. 1904. Chapter VII Mental Characteristics.*

медленно старики стали приводить мельчайшія подробности дѣла, которое произошло лѣтъ за 60 или 70 до того. Они знали даже точный цвѣтъ различнаго скота, изъ-за котораго происходилъ споръ. Они должны были видѣть его умственно, блуждая по ландшафту прошлаго, и послѣ десятиминутнаго разговора старое дѣло ожило, такъ что каждый, кто слышалъ споръ, могъ запомнить различные пункты его на новыя 60 лѣтъ. Старики, которые были дѣтьми въ то время, единогласно вспоминали о приговорѣ и всѣхъ техническихъ подробностяхъ дѣла; во всемъ собраніи не раздавалось ни одного противорѣчія“. Объ умственныхъ способностяхъ кафровъ сужденіе наблюдателя гласитъ такъ же благопріятно для нихъ, но съ очень характерной оговоркой.

Именно, по словамъ Кидда, „кафрскіе мальчики очень способны къ усвоенію новыхъ понятій, и нерѣдко въ теченіе нѣкотораго времени дѣлаютъ болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ европейскіе мальчики. Иногда туземныя дѣти производятъ впечатлѣніе даже слишкомъ ранняго развитія по той быстротѣ, съ которой они усваиваютъ знанія, но при возмужаніи у нихъ наблюдается обыкновенно упадокъ этой способности, и бѣлые мальчики легко опережаютъ черныхъ. Энергія туземцевъ, повидимому, поглощается чисто физическими функціями, питаніемъ и чувственной жизнью, когда они достигаютъ возраста зрѣлости, тогда какъ развитіе мозга, обыкновенно, останавливается... Разъ туземецъ выросъ въ невѣжество, становится уже очень трудно вбить ему въ голову какія-нибудь знанія. Въ этомъ отношеніи туземцы различаются между собой; но, какъ обычное правило, можно сказать, что скучное и противное занятіе учить взрослого человѣка читать и писать, особенно пожилото... Что касается ихъ способности критиковать или логически рассуждать, то въ этомъ отношеніи туземцы оказываются безнадежными. Они обладаютъ чрезвычайно незначительной долей умственной устойчивости, хотя они очень находчивы. Точно также немного у нихъ воображенія или изобрѣтательности, но они умѣютъ хорошо копировать. Туземцы Замбези сдѣлаютъ платѣе или пару сапогъ, если имъ дать матеріалъ и предметъ для копирования, и тогда они вѣрно передадутъ каждую подробность. Если туземцу дать для подражанія пару сапогъ, то онъ воспроизведетъ ихъ въ совершенствѣ, вплоть до двухъ маленькихъ дырокъ на пяткѣ, которыя образовались отъ узла при вѣшаніи на веревкѣ въ лавкѣ. Туземцы еще не дошли до того, чтобы думать: они просто рабски подражаютъ“. Далѣе, авторъ отмѣчаетъ неспособность кафровъ различать картины и ихъ малую одаренность въ музыкальномъ отношеніи. Онъ констатируетъ у нихъ „странное отсутствіе всякаго чувства пропорціи или цѣнности“. Переходя къ эмоціальной сторонѣ жизни кафровъ, Киддъ утверждаетъ, что „туземцы, вообще, обладаютъ очень конкретнымъ и очень смутнымъ сознаниемъ. Они прекрасно знакомы съ цѣлой гаммой чувствъ, которыя группи-

ругаются вокруг ихъ сознанія: каковы—внутреннее предчувствіе, сердечное томленіе, подозрѣніе, внутреннее предупрежденіе о приближающемся несчастіи, борьба съ искушеніемъ, ощущеніе послѣдствій дурного поступка, раскаяніе, угрызеніе совѣсти, желаніе заглушить ее и т. п.: со всѣмъ этимъ они вполне знакомы, и поэтому они не могутъ считаться чуждыми нравственности. Конечно, большая часть взрослыхъ людей прекрасно заглушила въ себѣ голосъ совѣсти, но нѣкоторыхъ она не оставляетъ въ покоѣ даже въ старости. Составъ нравственнаго сознанія кафра очень трудно описать. Его мысли бываютъ слишкомъ рѣдко окрашены философскимъ сомнѣніемъ или рефлексіей; и онъ шествуетъ по своему жизненному пути безъ большихъ церемоній“. О нравственной сторонѣ духовной жизни кафровъ авторъ произноситъ, вообще, очень суровый приговоръ, который, однако, здѣсь насъ не касается. Важнѣе его указанія, что „туземцы при извѣстныхъ условіяхъ проявляютъ чрезвычайно сильную возбужденность; когда плотина разрушена, цѣлый потокъ возбужденія прорывается черезъ нее“. Однако это само собой подразумевающееся явленіе не находитъ себѣ подтвержденія въ данномъ изложеніи Кидда, такъ какъ описаніе веселости кафровъ во время извѣстныхъ праздниковъ еще не говоритъ объ ихъ ненормальномъ состояніи. Впрочемъ, изъ тѣхъ данныхъ, которыя приведены выше, вытекаетъ, что кафры представляютъ типичное дикарское племя, міровоззрѣніе котораго не соотвѣтствуетъ европейской логикѣ. По мнѣнію другого наблюдателя кафровъ, англичанина Брайса ¹⁾, кафры при первомъ столкновеніи съ европейцами (въ 17 вѣкѣ) были дикарями, но стояли уже на сравнительно высокомъ уровнѣ развитія: они знали уже земледѣліе, умѣли готовить металлическія вещи, говорили на „высокоразвитомъ“ языкѣ и управлялись извѣстнымъ обычнымъ правомъ.

Повсюду существовала организація общества по семьямъ, родамъ и племенамъ. Во главѣ племени стоялъ вождь, власть котораго у однихъ (напр. у зулусовъ) была неограничена, и который у другихъ (напр., у бечуановъ или басутовъ) долженъ былъ считаться съ мнѣніемъ народа, и при немъ высказывались совершенно открыто. Почтеніе къ старшимъ являлось основой этого быта. Упорство въ сохраненіи старыхъ обычаевъ составляло источникъ той остановки въ культурномъ развитіи кафровъ, которую Брейсъ считаетъ несомнѣннымъ явленіемъ. Жестокость, безчеловѣчное отношеніе къ врагамъ, казни и т. п. составляютъ особенности кафрекаго быта, которыя въ соединеніи съ ихъ неспособностью обобщать наблюденія и съ ихъ неумѣніемъ предвидѣть послѣдствія заставляютъ видѣть въ кафрахъ одно изъ самыхъ отсталыхъ племенъ. „Въ интеллектуальномъ отношеніи кафры еще дѣти“ : заявляетъ Фетерманъ (I. 562).

¹⁾ *James Bryce. Bilder aus Süd Afrika. 1900, стр. 108—118.*

Еще ниже въ отношеніи культурнаго развитія стоятъ бушмены Южной Африки. Фр. Мюллеръ („Grundriss. IV. 1888. Nachträge aus den Jahren 1877 — 1887) даетъ слѣдующее описаніе бушменскаго языка на основаніи говора племени Kham, живущаго къ сѣверу отъ Кап-тоуна. Бушменскіе языки стоятъ на границѣ двухъ процессовъ, изоляціи и агглютинаціи. На послѣдній указываютъ какъ суффиксы, такъ и префиксы, тогда какъ въ языкѣ готтентотовъ префиксовъ еще нѣтъ. Предложенія, изъ которыхъ состоитъ рѣчь, представляютъ еще самую простую структуру: это субъектъ, предикатъ и относящіяся къ нимъ опредѣленія. Никакой грамматической связи между отдѣльными предложеніями не существуетъ. Въ области согласныхъ звуковъ, кромѣ чистыхъ и придыхательныхъ (даже *wh*), Мюллеръ отмѣчаетъ еще крайне нечистый звукъ *j*, который слышится то какъ *rgn*, то какъ *rgl*, то какъ *rdn*, и затѣмъ шесть различныхъ прищелкивающихъ звуковъ: гортанный, палатальный, церебральный, дентальный, латеральный и лабиальный. Разумѣется, эти звуки невозможно передать съ помощью нашей азбуки. „Лабиальный прищелкивающий звукъ, говоритъ Фр. Мюллеръ, долженъ соответствовать звуку пощѣлу“, тогда какъ гуттуральный представляетъ сильный харкающій гортанный звукъ, который правильнѣе всего уподобить звуку, издаваемому при рвотѣ, особенно если въ горлѣ что-нибудь застряло, и хочется выплюнуть это. Разумѣется, вся эта категорія звуковъ еще далека отъ того, чтобы соответствовать системѣ артикулированныхъ звуковъ культурныхъ языковъ. Что касается грамматическаго развитія бушменскаго языка, то „отчетливаго различія между корнемъ и словомъ съ одной стороны, и отдѣльными грамматическими категоріями, съ другой, здѣсь нельзя замѣтить, такъ что не форма, а только синтаксическое употребленіе указываютъ на то, къ какой категоріи слѣдуетъ отнести извѣстный звуковой комплекс“. Въ этомъ отношеніи языкъ бушменовъ оказывается еще болѣе первобытнымъ, чѣмъ готтентотскій: послѣдній знаетъ, напр., различіе грамматическаго рода съ помощью извѣстныхъ суффиксовъ, тогда какъ въ бушменскомъ нѣтъ ни подобныхъ элементовъ, ни „ощущенія необходимости такого различія“. Просто къ слову присоединяется слово, означающее самца или самку. Такъ, *koïn* (собака, plur. *koïn-koïn* ¹⁾) мужской родъ *koni goai*, plur *koïn-koïn-ta tu-gen*, женскій родъ *koïn-aiti*, plur *koïn-koïn-ta-ga-gen*. Множественное число отличается отъ единственнаго съ помощью *цѣлаго ряда* суффиксовъ, что указываетъ въ свою очередь на отсутствіе достаточно опредѣленно выработаннаго различія грамматическихъ чиселъ. Самымъ элементарнымъ оказывается и здѣсь

¹⁾ Передъ *k* стоитъ прищелкивающий звукъ, который здѣсь трудно передать. Тотъ же звукъ предшествуетъ и многимъ другимъ словамъ изъ приводимыхъ здѣсь.

наиболѣе распространенное образованіе съ помощью удвоенія. „Среди падежей слѣдуетъ отмѣтить отношенія субъекта—Nominativus, объекта. Accusativus и опредѣленія Genitivus. Всѣ они означаются *только* простымъ *положеніемъ* слова въ предложеніи. Nominativus предшествуетъ глаголу, Accusativus слѣдуетъ за нимъ“. Однако отношеніе Genitivus опредѣляется точнѣе съ помощью нѣкоторыхъ частицъ, а соединеніе двухъ словъ, связанныхъ съ извѣстнымъ отношеніемъ, подчеркивается иногда частицами *e* или *a*, представляющими нѣчто въ родѣ указательно-относительнаго мѣстоименія. Такимъ образомъ, склоненіе въ бушменскомъ языкѣ представляетъ собою не ту стадію развитія языка, при которой уже устанавливается постоянное отношеніе между формой и содержаніемъ слова, но лишь начальную стадію, въ которой отношенія между словами понимаются и выражаются весьма смутно и неопредѣленно. Положеніе слова въ предложеніи, кое-какія частицы, не распределенныя однако точно и постоянно между падежами, должны намѣчать въ самыхъ общихъ чертахъ отношенія между представленіями. Такимъ образомъ, бушменскій языкъ можетъ быть отнесенъ къ числу безформенныхъ, при чемъ имя и глаголъ еще не выражены здѣсь грамматически, и „я показываю“ не отличается отъ выраженія „мое показываніе“. Однако, это далеко не первобытная форма спряженія, и донынѣ въ спряженіи финскихъ языковъ легко открыть слѣды тѣхъ же грамматическихъ отношеній. Между тѣмъ по образу жизни бушмены были обречены на то, чтобы остановиться на одной изъ самыхъ низкихъ ступеней культурнаго развитія. Ихъ единственнымъ постояннымъ занятіемъ служить охота. „Ихъ любимыми мѣстопробываніями являются недоступныя высоты горъ и дальнія пустыни, гдѣ они остаются въ безопасности и независимости, скрываясь въ пещерахъ, ущельяхъ горъ или глубокихъ пропастяхъ; здѣсь они находятъ для себя достаточно удобствъ и вслѣдствіе обилія листвы и травы“. При такихъ условіяхъ быта весьма естественно чрезвычайно сильное развитіе діалектовъ и, по словамъ Петермана, „различныя племена (tribes) говорятъ на различныхъ діалектахъ, и отличіе ихъ звуковой стороны настолько велико, что они съ трудомъ понимаютъ другъ друга, хотя говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ. Словарь ихъ до такой степени скуденъ, а система счета такъ неудовлетворительна, что они имѣютъ отдѣльныя спеціальныя слова только для *одного* и *двухъ*; сверхъ этого всѣ числа для нихъ недоступны, и потому не имѣютъ названій“. О языкѣ готтентотовъ, которые въ настоящее время, конечно, уже очень далеки отъ первобытной дикости, нашъ англійскій источникъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: „Этотъ языкъ, который теперь почти уже умеръ, представляетъ весьма своеобразныя особенности произношенія. Почти каждое слово содержитъ одинъ или нѣсколько такихъ слоговъ, которые могутъ быть артикулированы только съ помощью прищелкиваній, производимыхъ языкомъ о небо. Эти движенія языка варіи-

руются различнымъ образомъ, согласно съ обстоятельствами, связанными съ выраженіемъ, или въ зависимости отъ значенія слова. Но, несмотря на эту особенность, которая представляетъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ, языкъ готтентотовъ достаточно пріятенъ для слуха и легко усваивается (*is easily mastered*), хотя его произношеніе представляетъ почти непреодолимую трудность для иностранца, желающаго, чтобы его понимали. Словарь этого языка не очень богатъ, но онъ обладаетъ тѣмъ большимъ достоинствомъ, что многочисленныя производныя и модификаціи рода и числа образуются съ помощью простого прибавленія суффикса къ корню. Такъ, *koi* представляетъ коренное слово со значеніемъ *мужчина*; отсюда образованы: *koi-b* (отъ мужчины), *koi-s* (женщина), *koi-gu* (супругъ), *koi-ti* (женщины), *koi-i* (личность), *koi-n* (народъ), *koi-si* (дружелюбно) и т. д. Членъ совершенно отсутствуетъ, отсутствують также существительныя, подлежащія флексіи; падежи и отношенія опредѣляются по связи значенія, а также удареніемъ слова и особеннымъ жестомъ, сопровождающимъ произношеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ частички употребляются для того, чтобы замѣнить другія недостающія указанія. Языкъ не имѣетъ никакихъ вспомогательныхъ глаголовъ, и это обстоятельство заставляетъ отнести языкъ готтентотовъ къ числу наименѣ развитыхъ нарѣчій человѣчества. Глаголы не спрягаются, и только съ помощью кое-какихъ частицъ и искусственныхъ вспомогательныхъ средствъ, заключающихся въ тонѣ и жестѣ, можно установить отношеніе времени и способъ дѣйствія¹⁾. Когда глаголъ стоитъ самъ по себѣ, внѣ связи съ другими словами, онъ всегда разсматривается, какъ третье лицо, тогда какъ первое и второе лица обозначаются спеціальными мѣстоименіями. Прилагательныя являются по большей части существительными или глаголами, и они употребляются, какъ таковыя, безъ всякой перемѣны формы. Числительныя, которыя не выходятъ за предѣлы десяти, выражаются спеціальными названіями²⁾. Такимъ образомъ, своеобразныя щелкающіе звуки, не соответствующіе нашимъ артикулированнымъ звукамъ, отсутствіе грамматическихъ формъ, словообразование съ помощью суффиксовъ, присоединяемыхъ къ корню, необходимость прибѣгать къ помощи интонаціи и жестикуляціи для выраженія различныхъ значеній слова въ предложеніи: таковы особенности этихъ языковъ южной Африки, бушменскаго и готтентотскаго. Языкъ кафровъ, о которомъ я хочу сказать здѣсь же, въ виду той культурной связи, которая соединяетъ ихъ съ готтентотами, принадлежитъ уже къ группѣ *банту* (см. ниже).

1) Подробнѣе объ этомъ см. Burye I. 129: „Времена—слѣдующія: настоящее, абстрактное прошедшее или настоящее, прошедшее, продолжающееся въ настоящемъ, и будущее. Настоящее выражается глагольной основой, самой по себѣ, отвлеченное прошедшее или настоящее частицей *ge*, продолжающееся прошедшее *go*, будущее *ni*. Частица *ge* употребляется также, какъ связка для соединенія съ именемъ прилагательнымъ“.

Характеристика кафровъ, типичная и для другихъ народовъ этой страны, была дана выше. По мнѣнію Фетермана, кафрскій языкъ занимаетъ высокое мѣсто среди другихъ языковъ этой расы (the Nigritian tongues) по систематическому расположенію, точности выраженія, правильности; онъ мелодиченъ и, благодаря своимъ модуляціямъ и паузамъ, способенъ къ ясному и точному опредѣленію значенія. „Всѣ классы населенія выражаются въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, съ одинаковой дикціей и грамматической правильностью. Въ языкѣ значительно преобладаютъ гласные звуки, которыми заканчивается почти всякое слово“. Щелкающіе звуки, имѣющіеся и въ кафрскомъ языкѣ, оказываются, по мнѣнію англійскаго этнографа, заимствованиями изъ языка готтентотовъ, которые, вообще, передали кафрамъ довольно много изъ своего быта.

Въ кафрскомъ языкѣ каждый префиксъ „имѣетъ соотвѣтствующіе ему *благозвучные* звукъ или звуки и обладаетъ спеціальной формой, которая употребляется исключительно съ именами, прилагательными, мѣстоименіями или глаголами. Такъ, префиксъ *in* употребляется передъ словами, обозначающими *мужчину, дѣвочку* или *домъ*, а *uona* до извѣстной степени соотвѣтствуетъ третьему лицу мѣстоименія. Префиксъ *ama*, который принимаетъ также формы *aba*, *ba* и *be*, означаетъ множественное число, тогда какъ префиксъ *umi*, съ его сокращеніями *um*, *tu* и *to*, означаетъ единственное. Такъ, *ihashé*—лошадь, *amahashé*—лошади, *umkoosa*—кафръ, *amakoosa*—кафры. *Mo-chuana* означаетъ отдѣльнаго человѣка изъ племени бечуановъ, а *sechuana* употребляется для обозначенія ихъ языка, такъ какъ *se* является префиксомъ владѣнія. Всякое имя требуетъ своего собственнаго префикса, соотвѣтствующаго ему по формѣ и характеру (character), и другія слова, которыя зависятъ отъ него, требуютъ префикса, соотвѣтствующаго также имени существительному, къ которому они относятся“. Естественно, что и глагольные формы, собственно, не существуютъ, и образуются только извѣстные отгѣнки глагольнаго значенія съ помощью префиксовъ. Происхожденіе этихъ частицъ неясно, но онѣ распредѣляются опредѣленнымъ образомъ и соотвѣтственно значеніямъ: *ikiwane* (фига), но *umkiwane* (фиговое дерево), *ilizwe* (страна), но *izizwe* (народъ). „Префиксы обозначаютъ каждый отдѣльную мысль объ объектѣ, которому, какъ субстанціи, принадлежитъ свойство, отмѣченное его корневой частью. Они выражаютъ мысль о немъ (свойствѣ) такъ необыкновенно тонко и отвлеченно, что трудно или невозможно объяснить каждый префиксъ, установивъ его отвлеченное значеніе. И въ этомъ своемъ абстрактномъ смыслѣ они могутъ иногда встрѣчаться въ именахъ, выражая тѣнь мысли (a shade of meaning), которая ускользаетъ совершенно отъ пониманія туземца. Но, что въ нихъ особенно замѣчательно, это тотъ фактъ, что при всей отвлеченности ихъ значенія, они по большей части въ своемъ употребленіи выражаютъ весьма строго различныя отгѣнки

мысли“ (Вугне I. 89). Это сужденіе такая же крайность, какъ и мнѣніе пастора Бринкера ¹⁾, что „префиксы (въ языкахъ банту) являются остатками первобытнаго языка и имѣютъ общее происхожденіе и общій принципъ съ прищелкивающими звуками готтентотской расы, кафровъ и бушменовъ“. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что различеніе префиксовъ по значенію вовсе не такъ тонко, какъ утверждаетъ Байрънъ. Оно основано, несомнѣнно, на традиціонномъ употребленіи извѣстныхъ корней съ извѣстными префиксами, въ значеніи которыхъ просто не удастся открыть что-нибудь определенное (см. примѣры у того же Байрна). Что касается сродства префиксовъ съ прищелкивающими звуками, то здѣсь можно установить лишь то сходство, что и эти послѣдніе стоятъ передъ словами, но въ системы, какъ префиксы.

Система префиксовъ заключается въ однообразіи въ формѣ словообразующаго элемента (префикса), который проходитъ черезъ все предложеніе, такъ что всѣ слова, стоящіе въ извѣстной логической связи одно съ другимъ, принимаютъ одинаковые или сходные элементы. Благодаря этому, приобретається какъ бы грамматическое единство въ цѣломъ предложеніи, которое, такимъ образомъ, является уже не сочетаніемъ отдѣльныхъ словъ, а скорѣе однимъ словомъ, однимъ сложнымъ образованіемъ. Впрочемъ, объ этомъ ниже. Здѣсь же я отмѣчу еще одну особенность, найденную въ языкѣ кафровъ.

Въ малайскихъ языкахъ мы имѣли случай констатировать любопытную особенность ихъ, заключающуюся въ различіи языковъ по классамъ. У кафровъ наблюдается нѣчто еще болѣе своеобразное, особый *женскій языкъ*, въ основаніи котораго лежатъ уже отмѣченные выше запрещенія, налагаемые на отдѣльные слова и звуковыя сочетанія. „Имѣются нѣкоторыя идиоматическія выраженія, которыми пользуются только женщины. Это отличіе основывается на національномъ обычаѣ, запрещающемъ женскому полу употреблять слова, въ которыхъ попадаются слоговыя сочетанія, сходныя съ тѣми, какія встрѣчаются въ именахъ ихъ ближайшихъ мужскихъ родственниковъ. Взамѣнъ запрещенныхъ выраженій, женщинамъ приходится употреблять новыя слова, что дѣлаетъ языкъ неустойчивымъ и словарь его непостояннымъ“.

Этотъ элементъ личной воли, дающей извѣстное сознательное направленіе развитію языка, представляетъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій въ языкахъ малокультурныхъ народовъ. Онъ стоитъ въ ближайшемъ отношеніи къ двумъ другимъ явленіямъ, которыхъ придется коснуться дальше: во-первыхъ, къ воззрѣніямъ народныхъ массъ (какъ у

¹⁾ H. Brincker. Zur Sprachen—und Völkerkunde der Bantuneger und Verwandter Stämme Südwestafrikas. Internationale Zeitschrift für die allgemeine Sprachwissenschaft. V т. 1889, стр. 42.

дикарей, такъ и у культурныхъ народовъ) на языкъ, какъ на нѣчто сдѣланное сознательно людьми, а во-вторыхъ, къ элементу индивидуальнаго творчества, наблюдаемому и въ другихъ областяхъ культурной жизни первобытнаго человѣчества. Съ этой точки зрѣнія было бы весьма интересно собрать свѣдѣнія обо всѣхъ языкахъ народовъ, стоящихъ на низкихъ стадіяхъ цивилизаціи. Къ сожалѣнію, въ настоящей главѣ я не могу выполнить эту задачу, какъ потому, что у меня нѣтъ въ рукахъ достаточнаго матеріала, такъ и потому, что подробное изученіе этихъ вопросовъ далеко вывело бы меня за рамки предполагаемаго изслѣдованія. Въ виду этого я ограничусь здѣсь отдѣльными замѣчаніями и объ африканскихъ языкахъ, какъ это пришлось сдѣлать по отношенію къ малайскимъ и полинезійскимъ. Такъ, оставляя въ сторонѣ языки карликовыхъ народовъ Африки, возвращусь къ *банту*. По словамъ Ратцеля („Völkerkunde“ I. 232), важнымъ фактомъ африканской этнографіи является признаніе родства тѣхъ языковъ, которые господствуютъ въ Африкѣ отъ южной границы кафровъ, заходя на сѣверѣ далеко за экваторъ, при чемъ между этими языками и готтентотскимъ и бушменскимъ отмѣчается большое различіе. На этомъ послѣднемъ строятся извѣстные заключенія по исторіи заселенія Африки, о которыхъ здѣсь нѣтъ надобности распространяться. Фробеніусъ высказывается противъ термина „народы банту“ для наименованія народовъ, которые населяютъ страну отъ южной Африки до Судана, такъ какъ этотъ терминъ основывается только на общности языковъ. Что касается количества этихъ языковъ, то оно громадно. На картѣ Штрука, приложенной къ названному сочиненію Мейнгофа, отмѣчено 182 языка и 119 нарѣчій, т. е. всего свыше 300 языковыхъ группъ, на которыхъ говоритъ населеніе въ 8 милліоновъ человѣкъ. На *языкъ* такимъ образомъ приходится въ среднемъ не свыше 44 тыс. человѣкъ, а если принять въ соображеніе и нарѣчія, то всего около 25 тыс. Мы видимъ отсюда, что діалектическое дробленіе языковъ банту настолько же значительно, какъ и въ другихъ языкахъ некультурныхъ народовъ. То, что сближаетъ между собой эти языки, заключается въ одинаковомъ принципѣ ихъ строенія и въ извѣстныхъ словарныхъ совпаденіяхъ. Распространеніе этой семьи языковъ на такомъ обширномъ пространствѣ можетъ объясняться, по мнѣнію Ратцеля, только всевозможными переселеніями и взаимными проникновеніями негровскихъ народовъ, принадлежащихъ къ группѣ языковъ банту. Здѣсь различаются три главные подгруппы: языки кафровъ, сечуана и тепеза. Отдѣльные языки примыкаютъ другъ къ другу съ помощью діалектическихъ переходовъ, но иногда по сосѣдству уживаются совсѣмъ разные языки одной группы, что объясняется опять-таки позднѣйшими вторженіями отдѣльных племенъ и народовъ.

О губныхъ звукахъ въ языкахъ банту есть изслѣдованіе Клеве, которое представляетъ большой интересъ въ принципиальномъ отношеніи,

такъ какъ сводить одно изъ звуковыхъ явленій некультурныхъ языковъ къ искусственнымъ поврежденіямъ органовъ рѣчи. Это обычай прокалывать верхнюю губу для того, чтобы вставлять въ образующуюся дыру круглую палочку изъ дерева или глины. Такое поврежденіе губы производитъ особенности въ произношеніи губныхъ звуковъ, которыя при самой древности этого обычая и ему подобныхъ должны были имѣть болѣе широкое, нежели теперь, распространеніе ¹⁾). По указанію одного путешественника, съ помощью этого инструмента женщины издають рѣзкій переливчатый свистъ, быстро при этомъ ударяя языкомъ о нижнюю поверхность полости рта, чтобы въ минуту опасности созвать этимъ способомъ мужчинъ. Для той же самой цѣли въ другомъ африканскомъ племени подвергаютъ передніе зубы извѣстной операціи.

По мнѣнію туземцевъ, этимъ путемъ достигается правильное и красивое произношеніе звуковъ, которое весьма ими цѣнится, но, конечно, это не было первоначальной цѣлью самоизувѣченія, а практиковалось во имя красоты. При сравненіи словъ въ языкахъ племенъ, не знающихъ *пелеле* (палочки въ губѣ), съ языками народовъ, у которыхъ она имѣетъ большое распространеніе, обнаруживается, что въ послѣднихъ губные звуки подвергаются смягченію или искаженію. „Прободеніе верхней губы палочкой затрудняетъ образованіе билиабальныхъ (чисто-губныхъ) звуковъ и приводитъ прежде всего къ ихъ смягченію. Если ротъ сомкнуть для произнесенія звука *m*, то вслѣдствіе тяжести верхней губы наиболѣе близкимъ звукомъ оказывается *p*“. То же выпаденіе губныхъ звуковъ, связанное съ обычаемъ носить въ верхней губѣ украшеніе, отмѣчается и у нѣкоторыхъ племенъ Южной Америки. Вслѣдствіе того же обычая гибнутъ нижніе зубы, и сморщиваются и скорчиваются альвеолы, что, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на произношеніе гортанныхъ звуковъ: такъ, вмѣсто *k* возникаетъ *h*. Быть можетъ, данныя, приводимыя въ статьѣ Клеве, имѣютъ далеко не одно мѣстное значеніе: они показываютъ, насколько тѣсна зависимость между языкомъ некультурнаго народа и особенностями его внутренняго и вѣшняго быта. На высшихъ стадіяхъ культурнаго развитія эта зависимость гораздо менѣе значительна, и напр. предположеніе одного изъ авторитетнѣйшихъ изслѣдователей фізіологіи звуковъ, проф. Зиверса, что особенности англійскаго произношенія стоятъ въ связи съ воззрѣніями англичанъ на „приличное“ произношеніе, — было встрѣчено всеобщимъ недовѣріемъ. „Сочиненіе“ языка въ культурномъ народѣ, дѣйствительно, представляетъ нѣчто необычное. Однако, съ иными условіями созданія языка мы встрѣчаемся у племенъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ куль-

¹⁾ G. L. Cleve. Die Lippenlaute der Bantu und die Negerlippen, mit besonderer Berücksichtigung der Lippenverstümmelungen. Zeitschrift für Ethnologie. T. 35. 1903.

турного развитія: здѣсь „табу“, прободеніе губы и т. п. могутъ реформировать языкъ.

Остановимся на характеристикѣ отдѣльныхъ языковъ изъ группы банту, съ однимъ представителемъ которой, кафрскимъ языкомъ, мы уже имѣли дѣло. Зулусы говорятъ, по утверженію Фетермана (I. 592—3), на самомъ чистомъ кафрскомъ языкѣ, или, другими словами, въ языковомъ отношеніи оказываются близко родственными кафрамъ. Авторъ указываетъ на то, что этотъ языкъ въ достаточной мѣрѣ богатъ конкретными словами, но крайне бѣденъ отвлеченными понятіями. Произношеніе его отличается трудностью для иностранца, такъ какъ въ языкѣ встрѣчается нѣсколько прищелкивающихъ звуковъ, чрезвычайно распространенныхъ. Большая часть словообразующихъ элементовъ ставится передъ корнемъ, такъ что языкъ зулусовъ является по преимуществу приставочнымъ (префиксы). Въ высшей степени сложна система образованія множественнаго числа; она заключается въ томъ, что опредѣленные префиксы замѣняются во множественномъ числѣ префиксами же, соответствующими только имъ, и такихъ классовъ восемь¹⁾. Такимъ образомъ *umfana* (мальчикъ)—plur. *abafana*, *ilizwi* (слово)—plur. *amazwi*, *incoto* (скотъ)—plur. *izincoto*. Имена прилагательныя, или, точнѣе говоря, слова, означающія качества и свойства (такъ какъ категоріи именъ прилагательныхъ, какъ таковой, у зулусовъ не существуетъ), получаютъ тотъ же самый префиксъ, что и названія предмета; тому же самому процессу подвергаются обозначенія дѣйствій и свойствъ, т. е. по нашей грамматикѣ глаголы. *Abafana* (мальчики) требуетъ и въ имени прилагательномъ префикса *aba*: *abafana abakulu* (большіе мальчики); глаголъ *tanta* (любить) пріобрѣтаетъ въ соединеніи съ *abafana* форму *batanta* (мальчики любятъ); если же *tanta* относится къ *izincoto* (скотъ), то оно получаетъ форму *zi tanta*. Сочетаніе *bazi tanta* означаетъ: „они (мальчики—*abafana*) его (скотъ, *izincoto*) любятъ“. Такой же эволюціи подвергается и притяжательное мѣстоименіе въ зависимости отъ префикса слова, къ которому оно относится: *umfana wami* (мой мальчикъ), но *abafana bami* (мои мальчики). Поразительно сложный характеръ имѣютъ отглагольныя и глагольныя образованія для передачи разнообразнѣйшихъ отбѣнковъ значенія. Такъ, отъ *bona* (видѣть) образуются *bonisa* (заставлять видѣть, показывать), *bonisia* (показывать ясно), *bonela* (видѣть впередъ, предвидѣть), *bonelela* (смотрѣть и учиться, подражать), *bonana* (смотрѣть другъ на друга), *bonisana* (заставлять смотрѣть другъ на друга, или показывать одного другому), *bonakala* (появляться, быть видимымъ), *bonakalisa* (дѣлать видимымъ), *umboni* (видящій), *umboneli* (зритель), *umbonelo* (зрѣлище), *umbonisi* (наблюдатель), *isibonakaliso* (дѣлать явленіе видимымъ) и мн. др. Вся эта вереница словъ,

¹⁾ Всего въ языкахъ банту Бринкеръ (см. выше) насчитываетъ 13 такихъ системъ приставокъ.

изъ которой здѣсь приведены далеко не всѣ существующія образованія, можетъ быть повторена въ страдательномъ залогѣ: *bonwa* (быть видимымъ), *boniswa* (дѣлать такъ, чтобъ стать видимымъ), *bonisiswa* (дѣлать такъ, чтобы быть видимымъ). Такое сдѣяніе частицъ, сохраняющихъ свою внѣшнюю форму безъ измѣненія, или *агглютинація* ихъ приводитъ къ развитію и широкому распространенію сложныхъ словъ: отъ *puma* (подниматься) и *ilanga* (солнце) образуется *impumalanga* (востокъ), тогда какъ *inchonolanga*—закатъ, западъ.

Разнообразіе языковъ на сравнительно ограниченномъ пространствѣ вызвало необходимость выработать какое-нибудь международное средство общенія. Уже въ главѣ, посвященной языку жестовъ, было отмѣчено, что такимъ средствомъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ оказывается этотъ послѣдній. Это же самое наблюдается и въ Африкѣ, въ области, изученной Хуттеромъ. По остроумному замѣчанію его, здѣсь языкъ знаковъ (*Zeichensprache*) является жестикулированнымъ волапокомъ. Съ помощью его можно вести во время пути простѣйшіе разговоры о направленіи дороги, разстояніи, времени и т. под. Извѣстные жесты сопровождаются восклицаніями, имѣющими *звукоподражательное* происхожденіе. Такъ, для обозначенія утра надо сдѣлать знакъ, какъ будто протираешь со сна глаза (провести ладонью ото лба по глазамъ, носу и рту), и произнести слово *kókolokó* (крикъ пѣтуха); для того, чтобы выразить нѣкоторое непріятное удивленіе, надо сначала сложить руки, потомъ немного развести руками и протяжно произнести *ha* и потомъ *i*. Числа выражаются съ помощью подниманія пальцевъ и различныхъ фигуръ, образуемыхъ пальцами. Благодаря символическому изображенію руками различныхъ фигуръ, достигается возможность взаимопониманія и соглашенія по разнымъ предметамъ. Что касается произносимаго языка, то здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе тона, въ какомъ говорятъ съ разными людьми: съ вождемъ племени, вообще съ выше стоящимъ человѣкомъ, полагается говорить шепотомъ, не жестикулируя; передавая чужія приказанія, слѣдуетъ принимать совершенно равнодушный видъ, показывать всѣмъ своимъ существомъ безразличіе и произносить слова отчетливо и громко, безъ жестовъ; обычный разговоръ—оживленный, быстрый, сопровождается жестами. Кромѣ общаго языка, есть еще условный, тайный, „на которомъ могутъ говорить только важные люди“, по словамъ одного негра. Общераспространенный языкъ бали представляетъ типъ односложнаго языка, въ которомъ отсутствуютъ грамматическія категоріи и ихъ выраженіе. Одно и то же звуковое сочетаніе можетъ имѣть разнообразныя значенія, различія между которыми опредѣляются нѣкоторыми оттѣнками ударенія: такъ, слово *fá* означаетъ *нести, насаждать, жемчугъ*, слово *tbi*—коза, орѣхъ кола, *fú*—ясный, холодный, лгать, *ndú*—пальмовое вино, *ndu*—медъ и т. д.

Для усиленія значенія прибѣгаютъ къ удвоенію корня: такъ *ndng-*

pong означает глубокий сонъ при простомъ *pong* (спать). Нѣсколько словъ вмѣстѣ, образуя предложенье, допускаютъ въ цѣломъ сокращенье: такъ изъ сложенія словъ *matì* (ожидать) *nì* (быстро) *túo* (приходить) образуется *matín'tó*, означающее: „подождите немного, я сейчасъ вернусь“. Очень любопытно указаніе Хуттера на особыя частички (*ka, ket, kale, kerre, io* съ краткими гласными звуками), которыя служатъ, по его словамъ, только для цѣлей благозвучія. Однако, онъ самъ указываетъ на то, что они смягчаютъ рѣзкость тона, приказанія и т. п., такъ что представленіе обь ихъ благозвучія кажется уже болѣе позднимъ, и происхожденіе ихъ должно сводиться къ словамъ, имѣвшимъ когда-то свое самостоятельное значеніе, но потомъ утратившимъ его, какъ наше—*съ,—ста* (*да-съ, по-жалуй-ста*) и т. д. Отсутствіе склоненія и спряженія не восполняется въ языкѣ бали никакими техническими средствами; только для образованія множественнаго числа говорящій присоединяетъ къ названію предмета соотвѣтствующее числительное или жестъ, указывающій на это число, да немедленно предстоящее совершеніе дѣйствія отмѣчается присоединеніемъ къ глагольному корню слова *gé*, означающаго движеніе, хожденіе. Такимъ образомъ, сочетаніе трехъ изолированныхъ односложныхъ словъ *te ge tán* означаетъ: „я буду сейчасъ стрѣлять“, *oge fá ndu* „принесешь-ли ты сейчасъ медь“ и т. д. Для обозначенія того, что дѣйствіе уже совершилось, языкъ прибѣгаетъ къ присоединенію слова *mí* (готовъ, готово), и наконецъ особой формой выраженія повелительнаго наклоненія является присоединеніе къ глагольному корню восклицанія *e*, которое само по себѣ является прежде всего средствомъ обратить вниманіе слушающаго на то, что представляетъ особую важность для говорящаго. Какъ ни просто, однако, по своей структурѣ языкъ бали, и ему приходится пользоваться такими грамматическими элементами, которые по своему значенію соотвѣтствуютъ нашимъ предлогамъ. Именно, для выраженія направленія употребляется слово *má* (*te gé ma ndab*—я иду въ домъ), для указанія на пребываніе въ какомъ-нибудь мѣстѣ слово *ba*. Казалось бы, что въ такомъ первобытномъ языкѣ, какой мы видимъ въ лицѣ бали, междометія, какъ средство обращенія вниманія, должны бы были представляться въ большемъ изобиліи. Между тѣмъ нашъ источникъ приводитъ ихъ всего нѣсколько: *bété* (восхищеніе и удивленіе), *áé* (нѣчто въ томъ же родѣ, но съ оттѣнкомъ неудовольствія), *éé* (удивленіе, недоумѣніе). Обращаясь къ словарнымъ записямъ Хуттера, слѣдуетъ отмѣтить и здѣсь, какъ въ австралійскихъ записяхъ словъ, чрезвычайную рѣдкость звукоподражанія. *Misti* (дикая курица), *nwi* (собака), *kün* (свинья), *mbi* (коза, овца, а также орѣхъ кола) и мн. др. не заключаютъ въ себѣ, повидимому, никакого звукоподражательнаго элемента, какъ и названіе барабана *nkâ*. *Kokoloko* съ краткими гласными (пѣтухъ) представляетъ, несомнѣнно, звукоподражательное слово, но едва-ли можно колебаться въ предположеніи позднѣй-

шаго (европейскаго) заимствованія какъ самой птицы, такъ и названія ея у негровъ бали. Резюмируя все сказанное выше объ этомъ языкѣ, можно придти къ заключенію, что передъ нами языкъ совершенно иного типа, чѣмъ языки банту. Намѣренно я разсмотрѣлъ его здѣсь же, не переходя пока болѣе обстоятельно къ анализу грамматическаго строя этихъ послѣднихъ.

Я имѣлъ въ виду отмѣтить тотъ фактъ, что рядомъ съ болѣе высоко развитыми въ грамматическомъ отношеніи языками банту существуетъ языкъ, представляющій совершенно иной типъ строенія, языкъ, повидимому, гораздо болѣе первобытный и дикій, нуждающійся для дополненія своего, въ высшей степени скуднаго словаря въ жестикуляціи, особыхъ призывныхъ восклицаніяхъ и т. п. Въ культурномъ же отношеніи народы этой области Африки едва-ли стоятъ ниже или много ниже народовъ, говорящихъ на языкахъ банту. Такъ обособлены языки, и такъ связаны культуры. Этотъ выводъ, какъ мнѣ кажется, имѣетъ и общее значеніе для разрѣшенія вопроса объ общности языковъ у первобытнаго человѣчества. Въ данномъ случаѣ, какъ извѣстно, возможно предположеніе позднѣйшихъ миграцій народовъ, говорящихъ на различныхъ и разнотипныхъ языкахъ, но остается все-таки важнымъ и значительнымъ фактъ сосѣдства двухъ языковыхъ группъ, столь же противоположныхъ по принципу своего строенія, какъ языки русскій и китайскій. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы наблюдаемъ большія культурныя различія: весь укладъ жизни русскихъ и китайцевъ совершенно различенъ, и сохраненіе языковой независимости однихъ отъ другихъ легко объясняется пропастью, отдѣляющей ихъ обладателей въ государственномъ, религіозномъ и культурномъ отношеніяхъ. Фактъ подобной же языковой обособленности у народовъ, не представляющихъ въ иныхъ отношеніяхъ обособленныхъ культурныхъ формаций, указываетъ на присущую языкамъ устойчивость, поскольку не встрѣчается сознательное стремленіе *авторитетныхъ* людей къ измѣненію языка.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній я полагаю правильнымъ остановиться ближе на грамматическомъ строѣ языковъ банту. Основной ихъ особенностью является *законъ совпаденія*, требующій проведенія черезъ все предложеніе извѣстнаго префикса, иногда въ нѣсколько измѣненной языковой формѣ. Такъ, предложеніе: „приходитъ нашъ прекрасный чловѣкъ, котораго мы любимъ“, передается кафрами въ формѣ: „чловѣкъ нашъ прекрасный онъ появляется, мы его любимъ“ и звучитъ такъ:

u-mu-ntu w-etu o-mu-x'le u-ya-bonaka si-m-tanda,

но та же самая фраза во множественномъ числѣ получаетъ форму: *a-ba-ntu b-etu aba-x'le ba-ya-bonaka si-ba-tanda*, гдѣ префиксъ *ba* служитъ указаніемъ на множественное число каждаго слова. Если слово принадлежитъ въ Singularis къ классу *li*, а въ Pluralis къ классу *ma*, то получается слѣдующее образованіе: *i-li-zwe l-etu e-li-x'le li-ya-bonaka si-li-*

tanda (показывается наша страна, которую мы любим), а во множественном числѣ: *ama-zwe etu a-ma-x'le a-ya-bonaka si-wa-tanda*. Изъ этихъ примѣровъ ¹⁾ (ср. *G. von der Gabelentz. Die Sprachwissenschaft. 1901, стр. 420—421*), видно, какую сложность образованія формъ предполагаетъ этотъ законъ совпаденія. Почему въ первомъ предложеніи не *metu*, какъ *betu*, *letu* и т. д. въ другихъ, но особое образованіе съ губнымъ: *wetu*? Подобно этому, въ одномъ изъ языковъ группы банту, описанномъ польскимъ ученымъ Рогозинскимъ, ²⁾ наблюдается „аллитерація“, такъ что *motu tam*—мой человѣкъ, но *bātu bam*—мой люди, *mueta ma motu* (сердце человѣка) и т. п. Въ языкѣ *волофъ* (въ Сенегамбіи) къ существительному присоединяются различные гласные: *i* указываетъ на присутствіе его, *u* на близость и т. д., такъ что возникаютъ сочетанія *baye bi*, *baye bu* и т. д. (отецъ), но *digene di*, *digene du* (мать). Въ языкѣ *вей* (въ Гвинее) въ предложеніе входитъ тотъ или другой слогъ для обозначенія увѣренности въ исполненіи факта, но и здѣсь наблюдается колебаніе звукового состава этого слова (правда, въ области гласныхъ). *Bugne I. 103. 111*. Вызывается-ли это употребленіе опредѣленными законами измѣненія звуковъ или сохраняется только, благодаря устной передачѣ *готовыхъ*, установленныхъ изстари формъ, и насколько значителенъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ элементъ случайности? Не происходило-ли дѣло такъ, что извѣстное авторитетное лицо произнесло, положимъ, вмѣсто *mwetu* простое *wetu*, и это произношеніе, индивидуальное, отчасти случайное, отчасти вызванное требованіями большей легкости, вошло во всеобщее употребленіе. Хотя современное индоевропейское языкознаніе отрицаетъ элементъ случайности въ измѣненіи словъ и настаиваетъ на законмѣрности звуковыхъ законовъ, подлежитъ, однако, сомнѣнію, слѣдуетъ-ли исключить въ развитіи или, вѣрнѣе, преобразованіи некультурныхъ языковъ стихію *личнаго произвола* отдѣльныхъ лицъ? Объ этомъ произволѣ въ развитіи значеній словъ высказывается категорически Вундтъ, какъ будетъ подробно указано ниже.

Вопросу объ образованіи глагольных формъ въ языкахъ банту посвятилъ специальное изслѣдованіе С. G. Büttner ³⁾, который разсмотрѣлъ

¹⁾ Литература о языкахъ банту: *C. Meinhof. Grundriss einer Lautlehre der Bantusprachen* Berlin. 1910. *W. H. J. Bleek. A comparative grammar of South African languages*. London. 1869. *J. Torrend. A comparative grammar of the South-African Bantu languages*. London. 1891. *Brincker. H. Zur Sprachen- und Völkerkunde der Bantuneger und verwandter Stämme Südwestafrikas. Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. V. 1890* (главнымъ образомъ перечисленіе формообразующихъ суффиксовъ).

²⁾ *Rysy charakterystyczne murzyńskiego narzecza „bakwiri“ używanego w Górach Kamerunskich Rozprawy... Akad. Umjętn. XIII 1889.*

³⁾ *C. G. Büttner. Die Temporalformen in den Bantusprachen. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. B. 16. 1885.*

этого рода образования въ 13 языкахъ данной группы. Во всѣхъ нихъ онъ отмѣчаетъ тотъ же законъ совпаденія, который уже былъ рассмотрѣнъ выше, и общіе префиксы для образования различныхъ типовъ предложенья. Языки банту обладаютъ значительнымъ числомъ глагольныхъ формъ для обозначенія, напр., различныхъ отбѣнковъ прошедшаго времени. Въ основѣ этихъ послѣднихъ лежитъ присоединеніе къ глагольному корню приставки, представляющей собой мѣстоименіе; по мнѣнію Бютнера, *праформа* глагольныхъ образований, еще лишенная временного значенія, является именно такимъ соединеніемъ личнаго мѣстоименія съ глагольной основой; отсюда, уже отъ этой формы, образованы тѣ формы, которыя изслѣдователь называетъ аористомъ и перфектомъ (къ личному мѣстоименію въ аористѣ присоединяется *a*, въ перфектѣ—*ile*).

Долгой эволюціи подверглись, въ свою очередь, и личные мѣстоименія въ зависимости отъ того, употреблялись-ли они самостоятельно или стояли безъ ударенія, часто на концѣ предложенья ¹⁾. Такимъ образомъ, устанавливается какъ первоначальное единство языковъ банту, несмотря на ихъ современную обособленность и многочисленность, такъ и первичность ихъ своеобразнаго строенія, связанная съ закономъ проведенія *одного* типа мѣстоименія черезъ все предложенье. Эта необходимость приставлять къ каждому слову фразы слоги *ta*, *ba*, *le* и т. п., чтобы отмѣтить логическую связь этихъ словъ, иначе говоря принадлежность ихъ къ одной и той же фразѣ, указываетъ на неспособность мысли оторваться отъ конкретныхъ представленій. Первоначальная фраза—слово была какъ бы разбита на части, но эти части приведены къ единству повтореніемъ передъ каждой изъ нихъ связующаго элемента. Таковъ основной типъ языковъ банту.

Прежде, чѣмъ перейти къ отдѣльнымъ языкамъ Судана, я приведу нѣсколько замѣчаній новѣйшаго французскаго изслѣдователя о тѣхъ семьяхъ африканскихъ языковъ, которыя принадлежатъ населенію французской западной Африки, области между Сахарой и экваторомъ. По множеству и разнообразію языковъ въ этой странѣ Деляфоссъ ²⁾ называетъ ее истиннымъ Вавилономъ, такъ какъ здѣсь наблюдается не менѣе 16 лингвистическихъ группъ, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ къ типу агглютинирующихъ языковъ (соединеніе неизмѣняемаго суффикса или префикса съ неизмѣняемой основой), другія къ флексирующимъ (соединеніе основъ и окончаній, которыя могутъ при соединеніи подвергаться различнымъ измѣненіямъ), третьи, наконецъ, къ изолирующимъ (полное разъединеніе словъ при отсутствіи окончаній и различенія глагольныхъ и именныхъ основъ). Одинъ изъ этихъ языковъ, именно тотъ, на которомъ гово-

¹⁾ L. Homburger. Les pronoms de la 1-e et 2-e personne des parlers bantous. Mémoires de la Société de Linguist. de Paris. 1911.

²⁾ M. Delafosse. Les langues voltaïques (Boucle du Niger). Mémoires de la Société de linguistique de Paris. T. 16. 1911.

рить населеніе плоскогорія Вольта (колонія Haut-Sénégal-Niger), а также часть населенія Того, Дагомеи, Золотого берега и т. д., охватываетъ семь различныхъ группъ или 21 говоръ, при чемъ говоры настолько различаются, что авторъ статьи называетъ ихъ языками. Общая численность населенія, говорящаго на этихъ языкахъ, достигаетъ 4¹/₂ мил. человѣкъ, такъ что въ среднемъ на одинъ языкъ приходится около 200 тыс. говорящихъ на немъ. Грамматическое развитіе большинства этихъ языковъ, повидимому, представляетъ нѣчто среднее между изоляціей языковъ манде (на верхнемъ Нигерѣ) и агглютитаціей: слово представляетъ собою уже соединеніе основы съ суффиксомъ.

Остановимся подробнѣе на языкахъ суданскихъ народовъ. Народъ ньямъ-ньямъ состоитъ изъ многочисленныхъ, широко разсѣянныхъ племенъ, которыя управляются болѣе, чѣмъ сотней наслѣдственныхъ вождей. По словамъ путешественника по Африкѣ, Г. Швейнфурта ¹⁾, „изъ 35 самостоятельныхъ вождей, которые господствуютъ надъ территоріей свыше 48000 кв. миль, только немногіе заслуживаютъ названіе короля. Самыми могущественными являются Канна и Мофію, и ихъ владѣнія равняются дюжинѣ остальныхъ“. Въ культурномъ отношеніи ньямъ-ньямъ, какъ извѣстно, стоятъ довольно высоко, хотя въ массѣ еще придерживаются (или придерживались до сравнительно недавняго времени) обычая поѣдать своихъ враговъ. Несмотря на государственную разрозненность, которую Швейнфуртъ называетъ „нормальной анархіей африканскихъ республикъ“, народъ ньямъ-ньямъ въ языковомъ отношеніи не представляетъ рѣзкихъ діалектическихъ различій. Чрезвычайно цѣнно указаніе того же путешественника („Im Herzen von Afrika“, стр. 244) на то, что „произношеніе звуковъ въ устахъ одного и того же лица колеблется чрезвычайно рѣзко въ предѣлахъ извѣстныхъ звуковъ“. Эта неустойчивость произношенія въ языкахъ дикарей, о которой мнѣ уже приводилось говорить раньше, и которая составляетъ одну изъ ихъ характернѣйшихъ особенностей,—бросаетъ свѣтъ на первоначальныя формы человѣческихъ языковъ. Относительно же языка ньямъ-ньямъ Швейнфуртъ ограничивается немногими указаніями, которыя почти цѣликомъ, безъ всякихъ существенныхъ дополненій, повторяетъ за нимъ Фетерманъ (I. 22). Именно, нѣмецкій путешественникъ отмѣчаетъ здѣсь наличность особыхъ носовыхъ звуковъ (*ā* и *ih*) и неяснаго глухого звука, напоминающаго русское *ы*. Въ грамматическомъ отношеніи этотъ языкъ довольно бѣденъ: такъ, въ немъ отсутствуютъ средства для обозначенія временъ глагола. „Странныя нагроможденія согласныхъ встрѣчаются въ немъ; вообще, вокализмъ его развитъ менѣе, чѣмъ въ языкѣ бонго. Абстрактными понятіями онъ, разумѣется, бѣденъ“. Ньямъ-

¹⁾ G. Schweinfurth. Im Herzen von Afrika. Reisen und Entdeckungen im Centralen Aequatorial Afrika während der Jahre 1868 bis 1871. Neue umgearbeitete Original-Ausgabe. Leipzig. 1878.

нѣмъ занимають восточную часть Центральной Африки, а еще далѣе къ востоку, на огромной равнинѣ, по которой медленно струится Бѣлый Ниль, живетъ многочисленный народъ динка, занимающійся скотоводствомъ и земледѣліемъ. По сообщенію Швейнфурта, оба пола у этого племени вырываютъ нижніе зубы-рѣзцы; „непосредственнымъ послѣдствіемъ этого кажется намъ ихъ *неартикулированный* языкъ, звуки котораго мы могли бы, какъ я полагаю, воспроизвести только въ томъ случаѣ, если бы мы захотѣли точно также вырвать себѣ зубы. Нѣкоторые африканскіе народы заостряють себѣ рѣзцы, другіе, какъ напр., батокъ на верхнемъ Замбези, вырываютъ верхніе рѣзцы. Первый обычай представляется совершенно понятнымъ, такъ какъ его цѣль заключается въ усиленіи средствъ нападенія при поединкѣ; задача послѣдняго обычая создать подражаніе обожеествляемымъ жвачнымъ животнымъ; но причина обычая динка ускользаетъ отъ нашего пониманія“ (Schweinfurth. 41). Въ грамматическомъ отношеніи языкъ динка, который оказался недоступенъ для изученія нѣмецкому путешественнику, нѣсколько болѣе развитъ, чѣмъ нѣмъ-нѣмскій, хотя, по существу, принадлежитъ къ языкамъ безъ грамматическихъ категорій. Однако уже нѣкоторые элементы грамматическихъ образованій здѣсь работали: такъ, слово, употребляемое во множественномъ числѣ, иногда измѣняетъ долготу своего коренного гласнаго звука; если въ Singularis была краткость, въ Pluralis оказывается долгота, и обратно. Корень нерѣдко употребляется безъ измѣненій въ качествѣ существительнаго, прилагательнаго, глагола или даже предлога. Имя существительное лишено грамматическаго рода; множественное число образуется съ помощью внутреннихъ измѣненій, для которыхъ однако нельзя привести никакого общаго правила (Burghe I. 331 съ ссылкой на *Mitterrutzner*. Dinkasprache), а весьма часто и вообще нѣтъ никакой разницы между единственнымъ и множественнымъ числами. Весьма любопытное для психологіи рѣчи явленіе отмѣчено въ языкѣ Динка: дѣло въ томъ, что существительныя вообще образуются съ помощью указательнаго суффикса—*ke*, и вотъ отвлеченныя имена существительныя, обозначающія качество, образуются отъ прилагательныхъ съ помощью этого суффикса, такъ что названія качествъ, какъ прилагательныя, оказывается, предшествуютъ этимъ же названіямъ, какъ отвлеченнымъ существительнымъ: это бросаетъ свѣтъ на вопросъ о первичности значеній существительныхъ или прилагательныхъ (см. въ слѣдующей главѣ замѣчанія по поводу теоріи Вундта). „Падежи“, если можно употребить это слово въ примѣненіи къ языку динка, обозначаются или просто положеніемъ слова во фразѣ, мѣстомъ его въ предложеніи или присоединеніемъ „шести различныхъ префиксовъ, которые обозначаютъ свойства или качества“. Глаголы представляютъ простые корни, которые „часто употребляются безъ матеріальныхъ модификацій (without material modifications), какъ имена существительныя, прилагательныя или *предлоги*“. Съ

помощью специальных частиц языкъ различаетъ три основныя времени дѣйствія: въ настоящемъ передъ кореннымъ глаголомъ ставится слогъ *a* (*ran a gam*—человѣкъ вѣрить, *ghog a gam*—мы вѣримъ), въ прошедшемъ *aci* или *ci*, въ будущемъ *abi*. Но по лицамъ и числамъ, какъ и по временамъ, глагольная основа совершенно не измѣняется. Тотъ же звукъ *a* является и соединительной связкой передъ прилагательнымъ. Такимъ образомъ, въ формальномъ отношеніи языкъ динка представляетъ типъ безформенныхъ корней (изоляціи), въ которомъ однако уже намѣчаются зародыши грамматическихъ агглютивныхъ образованій въ видѣ частицъ, выражающихъ уже *только* грамматическія отношенія. На той же ступени стоятъ, какъ мы видѣли, и туземныя австралійскіе языки.

Къ югу отъ динка въ той же самой области живетъ народъ бонго, типичная раса суданскихъ негровъ. Это „маленькій народъ, несомнѣнно, обреченный на гибель“, какъ выражается Швейнфуртъ. „Его рѣзко выраженная индивидуальность и независимость отъ сосѣдей въ смыслѣ языка, расоваго типа и обычаевъ заслуживаютъ болѣе внимательнаго изученія, такъ какъ передъ нами типъ чисто африканской жизни. Принадлежа на половину уже минувшему, безъ государства и исторіи, безъ преданій какого бы то ни было рода, они угасаютъ, ихъ существованіе теряется, подобно прошлому отдѣльнаго человѣка, безслѣдно въ безконечной смѣнѣ временъ, точно какая-то испаряющаяся капля въ морѣ народовъ Центральной Африки“. Характерной особенностью бонго является ихъ разьединенность: въ 1856 г. Швейнфуртъ нашелъ всю территорію этого народа раздѣленной на множество мелкихъ округовъ и совершенно независимыхъ другъ отъ друга общинъ; въ каждой деревнѣ *былъ свой вождь*, причемъ такимъ вождемъ становился человѣкъ, который, будучи богаче другихъ, умѣлъ держать подъ своимъ вліяніемъ населеніе деревни. Въ нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ къ имущественному перевѣсу вождя присоединялась, какъ еще особое право его на занятіе высокопоставленнаго положенія въ деревнѣ, его репутація *колдуна*. Разумѣется, при такой организаціи жизни бонго не могли противопоставить организованному нападенію культурныхъ завоевателей никакого реального сопротивленія, и нубійцы безъ труда подчинили ихъ себѣ, землю ихъ раздѣлили, а населеніе объявили своими крѣпостными; массы плѣнныхъ были проданы въ рабство, въ нѣсколько лѣтъ населеніе уменьшилось на двѣ трети; и во второе свое путешествіе по Центральной Африкѣ Швейнфуртъ опредѣлялъ численность бонго уже всего въ 100 тыс. душъ. При той разрозненности народа, о которой говоритъ Швейнфуртъ, слѣдовало бы думать, что въ языкѣ бонго неминуемы значительныя діалектическія различія. Однако, названный путешественникъ, рѣшительно отрицаетъ это: „Ни въ одномъ изъ округовъ страны языкъ бонго не обнаруживаетъ діалектическихъ различій. Лучшимъ доказательствомъ этого факта служить для меня полное совпаденіе всякаго рода названій для предметовъ при-

роды во всѣхъ частяхъ этой территоріи. Языкъ бонго благозвученъ, изобилуетъ гласными; по своему грамматическому строенію онъ простъ, но зато отличается большимъ разнообразіемъ выраженій для всѣхъ конкретных понятій. Мое собраніе словъ содержитъ почти тысячу различныхъ выраженій. Этимологія сложныхъ словъ и расчлененіе отдѣльныхъ оборотовъ рѣчи въ языкѣ бонго представляетъ не мало интереснаго и переноситъ изслѣдователя непосредственно въ наивный міръ его первобытной жизни. Самыя обыкновенныя изъ нашихъ отвлеченныхъ понятій, въ родѣ *духъ*, *душа*, *надежда* и т. под., повидимому, совершенно отсутствуютъ; опыты показываютъ, что и другіе негрскіе языки въ этомъ отношеніи не болѣе щедро одарены природою. Къ сожалѣнію, о типѣ грамматическихъ образованій въ языкѣ бонго Швейнфуртъ ничего не говоритъ. Словарь языка бонго былъ обнародованъ Швейнфуртомъ въ „Linguistische Ergebnisse einer Reise nach Centralafrika“ (Zeitschrift für Ethnologie. IV. Supplement Band 1872). Составъ этого словаря, по крайней мѣрѣ, насколько онъ обнародованъ путешественникомъ, не обнаруживаетъ той особенности, о которой онъ говоритъ въ самомъ описаніи своего путешествія, т. е. особеннаго обилія конкретныхъ выраженій. Правда, онъ приводитъ 4 слова для *черепахи*, но эти четыре слова бонго соотвѣтствуютъ *четыремъ* же латинскимъ названіямъ (Stellio, Scineus, Geko, Varanus), а стало быть передаютъ различныя породы этого животнаго, и то же слѣдуетъ сказать относительно антилопы. Вообще же, въ соотвѣтствіе одному нѣмецкому слову Швейнфуртъ приводитъ одно слово бонго (за весьма рѣдкими исключеніями). Второй фактъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе, это рѣдкость и въ этомъ языкѣ звукоподражательныхъ словъ. *Sa* (корова), *dongo* (лошадь), *bini* (собака), *dedda* (шимпанзе), *ndollo*, *manga*, *gumbi* (другія породы обезьяны), *pull* (левъ), *nilu* (гіена), *mbira-u* (кошка), *kitibu* (голубь), *keke* (попугай), *gaki* (воронъ) и т. д.: во всѣхъ этихъ словахъ и въ десяткахъ другихъ, означающихъ ревушихъ звѣрей, кричащихъ птицъ и т. под., звукоподражательный элементъ, можно сказать, совсѣмъ отсутствуетъ. Чтобы не отвлекаться отъ этого предмета, я здѣсь же укажу на тѣ слова, которыя Rogozinskій считаетъ звукоподражательными въ языкѣ баквири: это *сто-сот* (мѣдныя браслетки, носимыя на плечѣ), *ngingi* (звонокъ), *jetiti* (мракъ, когда начинаютъ трещать цикады: *ти-ти-ти*), *са-са* (бѣги, кричатъ на собакъ, желая ихъ отпугнуть), *koba-koba* (индюкъ), *putu-putu* (морское волненіе), *ndžassu-ndžassu* (ножницы), *čaki-čaki* (икота). Вотъ и все! Да и въ этихъ словахъ звукоподражательный элементъ весьма сомнителенъ: чѣмъ, дѣйствительно, *putu* напоминаетъ морское волненіе, *koba*—индюка, а *čaki*—икоту?

Къ югу отъ народа динка живутъ *манбутту*, одинъ изъ самыхъ культурныхъ народовъ Центральной Африки, съ густотой населенія до 250 чел. на 1 кв. милю. Общая численность манбутту во времена путе-

шестья Швейнфурта достигала 1 милліона; здѣсь царствовали, въ двухъ частяхъ страны, два вождя, облеченные очень большою властью; мужчины проводили свое время въ войнахъ или охотахъ, женщины обрабатывали землю и занимались хозяйствомъ. Въ языковомъ отношеніи манбутту отличаются отъ семейства ньям-ньямъ или Сандэ и принадлежатъ къ нубійской группѣ, въ виду чего я не буду здѣсь останавливаться на этомъ языкѣ. Изъ сочиненія же Швейнфурта я приведу еще нѣкоторыя данныя, относящіяся къ карликовому племени Африки, акка. „Постоянная смѣна выраженій на лицѣ, которая, какъ говоритъ Лихтенштейнъ, дѣлаетъ бушмена болѣе похожимъ на обезьяну, чѣмъ на человѣка, составляетъ въ высокой степени отличительную особенность акка: тоже самое опусканіе и подниманіе бровей при говореніи, но здѣсь еще болѣе подчеркиваемое чрезвычайной живостью ихъ большихъ глазъ, жестикуляція руками и ногами, которая должна помочь ихъ неартикулированному языку, непрерывное качаніе головой“. Эта картина, какъ мнѣ кажется, чрезвычайно близка къ тому, что мы можемъ возстановить въ глубокомъ мракѣ древности, когда человѣкъ, еще дѣйствительно первобытный, не настолько овладѣлъ новымъ средствомъ сообщенія своихъ переживаній другимъ, чтобы онъ могъ ограничиться говореніемъ, не прибѣгая къ мимикѣ и жестикуляціи. Къ сожалѣнію, Швейнфуртъ не могъ собрать систематическихъ записей словаря акка, такъ какъ онъ видѣлъ этихъ послѣднихъ только въ столицѣ манбутту. Кромѣ того, онъ и потерялъ то, что записалъ. У него сохранилось въ памяти только то обстоятельство, что звуки языка акка „не были артикулированы“, и что ихъ нельзя было передать съ помощью обычной европейской азбуки.

Послѣ этихъ къ сожалѣнію, краткихъ и отрывочныхъ замѣчаній о языкахъ африканскихъ первобытныхъ народовъ я перейду къ тѣмъ лингвистическимъ обобщеніямъ, которыя содержитъ уже не разъ цитированный мною трудъ Мейнгофа. Въ главѣ, посвященной эволюціи африканскихъ языковъ, онъ приводитъ для сравненія ихъ нѣсколько фразъ. Такъ, въ суданскомъ языкѣ эве предложеніе: „онъ далъ дѣтямъ грифель“ звучитъ такъ: *e-tso kpe-nlo-na la ni de-vi-wo*. Всѣ части этого предложенія состоятъ изъ отдѣльныхъ односложныхъ словъ, которыя могутъ употребляться въ языкѣ и отдѣльно. Именно, слова приведенной фразы означаютъ слѣдующее: *e* (онъ) *tso* (братъ), *kpe* (камень), *nlo* (писать), *ni* (вещь, нѣчто), причемъ сочетаніе *kpe-nlo-ni* означаетъ камень, которымъ можно писать что-нибудь или грифель; далѣе, *la* означаетъ нѣчто въ родѣ члена или представляетъ собою частицу съ указательнымъ отгѣнкомъ значенія, *na* (давать), *de* (кто-то, какой-то), *vi* (дѣтя), и, наконецъ, *wo* (они, или просто частица, указывающая на множественное число). Такимъ образомъ, предложеніе можетъ быть буквально переведено: „онъ братъ камень писать нѣчто это давать какіе-то дѣтя они“ или по смыслу:

„онъ беретъ грифель, даетъ его дѣтямъ“. Это, какъ справедливо указываетъ Мейнгофъ, не есть простое обозначеніе дѣйствія, но описаніе его. „Подобнымъ образомъ, каждый глаголъ, который обозначаетъ сложную дѣятельность, распадается по своему значенію на отдѣльныя формы этой дѣятельности“. Предметы, ранѣе неизвѣстные, получаютъ *описательныя* названія: часы—„желѣзо-само-бьетъ“, иглока—„желѣзо-широкая головка“, кухня—„что-то варить мѣсто“. Что касается указательныхъ частицъ, приведенныхъ выше, то Мейнгофъ прибавляетъ, что въ сущности ихъ нельзя сравнивать съ нашими мѣстоименіями или съ какими-нибудь морфологическими элементами нашихъ языковъ: „это есть только кажущееся сходство“, въ дѣйствительности же языкъ лишенъ всякихъ признаковъ грамматической связи, кромѣ мѣстоположенія слова въ предложеніи. Въ языкѣ изъ группы банту, суахели, фраза: „Старый ножъ обрѣзалъ пальцы маленькаго ребенка“ передается такъ: „*ki-le ki-su ki-kuku-u ki-me-vi-khata vi-le vi-dole vya m-toto m-dogo*“. Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду прежде всего, что приставки *ki*, *vi*—и *m*—обозначаютъ три имени существительныя: *ki-su* (ножъ), *vi-dole* (пальцы) и *m-toto* (дитя), указывая на ихъ принадлежность къ опредѣленнымъ категоріямъ или классамъ: именно *ki*—указываетъ на орудіе, *m*—на человѣка, и слово непременно должно состоять изъ обоихъ элементовъ, приставки и основы. Единственному числу *ki* соотвѣтствуетъ во множествѣ *vi*. „Приставки обнаруживаютъ далѣе, какія слова грамматически принадлежатъ къ именамъ существительнымъ; ибо каждое такое слово получаетъ приставку соотвѣтствующаго существительнаго“. Такъ, въ этой фразѣ *m-dogo* (маленькій) относится къ *m-toto* (дитя), *ki-kuku-u* (старый) къ *ki-su* (ножъ); въ глагольной формѣ *kimevikhata* (онъ обрѣзалъ ихъ) субъектомъ представляется *ножъ*, вслѣдствіе чего въ началѣ ея стоитъ *ki* (какъ въ *kisu*); затѣмъ слѣдуетъ *me*, какъ знакъ совершившагося дѣйствія, затѣмъ *vi*, которое подчеркиваетъ отношеніе дѣйствія къ пальцамъ (*vidole*) и наконецъ глагольная основа *khata* (рѣзать), окончаніе которой—*a* есть старое глагольное окончаніе. Такимъ образомъ, слово *ki-me-vi-khata* состоитъ изъ основы *khat* и ряда приставокъ, опредѣляющихъ отношеніе этого слова къ другимъ частямъ предложенія или имѣющихъ грамматическое значеніе. Въ этомъ образованіи фразы сказывается, пожалуй, еще бѣлая безпомощность мысли, чѣмъ въ изолирующемъ типѣ суданскихъ языковъ. Отношенія между предметами мыслятся настолько конкретно, что необходимы внѣшнія средства для того, чтобы указать на отношенія словъ, и часть одного слова представляется ко всѣмъ тѣмъ, которыя стоятъ въ извѣстной грамматической связи съ нимъ.

Для исторіи первыхъ стадій въ развитіи человѣческихъ языковъ, когда они, по моему убѣжденію, заключали въ себѣ еще много музыкальных элементовъ, представляетъ большой интересъ то, что Мейнгофъ со-

общаетъ объ удареніи, ритмѣ и „мелодіи“ въ африканскихъ языкахъ. Въ суданскихъ языкахъ, при односложности ихъ состава, отсутствуетъ выдыхательное (эспираторное) удареніе, выделяющее одинъ слогъ передъ другими по силѣ дыханія. Зато здѣсь оказывается значительно развитымъ музыкальное удареніе, состоящее въ томъ, что тонъ гласнаго звука повышается или понижается при произношеніи. Въ языкѣ эве слогъ съ однимъ звуковымъ составомъ, но съ различными удареніями нерѣдко имѣютъ совсѣмъ разныя значенія. Такъ, если обозначить черезъ *ù* звукъ *y*, произносимый съ пониженіемъ тона, а черезъ *í* тотъ же звукъ, но съ повышеніемъ тона, то окажется, что *vù* означаетъ кровь, а *ví*—корабль, или *fù*—море, *fí*—кость, или съ нѣсколькими иными произношеніемъ *v* и *f*: *vù*—дыра, *ví*—разрывать, *fù*—страданіе, *fí*—волосы. Одна и та же фраза, представляя различныя мелодіи, обладаетъ совершенно разными значеніями: *èlè àfí* (онъ здѣсь), *élè àfí* (онъ натеръ себя золою), *éle àfé* (онъ поймалъ мышъ). „Въ языкѣ эве, говоритъ Мейнгофъ, на первомъ планѣ стоитъ мелодія. Она составляетъ необходимую часть слова. Мы привыкли выражать понятія съ помощью согласныхъ и гласныхъ, но здѣсь еще необходимую составную часть выраженія представляетъ музыкальное удареніе. Оно служить не къ тому, чтобы выражать эффекты и настроенія, какъ у насъ, но къ тому, чтобы точно описать съ помощью изобразительныхъ средствъ, заключающихся въ модуляціяхъ голоса, тотъ предметъ, который хотятъ назвать“. Какъ примѣръ этого рода фактовъ, Мейнгофъ приводитъ изъ грамматики языка эве любопытный образчикъ: одно и то же прилагательное *goli* (круглый) произносится съ повышеніемъ тона, когда обозначаетъ маленькіе круглые предметы, и съ пониженіемъ, когда означаетъ большіе. Музыкальность развита не во всѣхъ африканскихъ языкахъ въ равной мѣрѣ: именно, въ языкахъ банту наряду съ музыкальнымъ удареніемъ выступаетъ и выдыхательное, а чѣмъ ближе къ Судану, тѣмъ явственнѣе выступаетъ необходимость различать одинаковые слогъ съ помощью различныхъ удареній; вообще же, чѣмъ сложнѣе грамматическое развитіе языка, тѣмъ менѣе языкъ нуждается въ „музыкальномъ изображеніи“ предметовъ. Въ языкѣ суахели музыкальное удареніе отсутствуетъ вовсе, въ готтентотскомъ оно встрѣчается наравнѣ съ эспираторнымъ. Этими замѣчаніями я заканчиваю свой обзоръ явленій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ задачѣ настоящаго изслѣдованія и почерпнутыхъ изъ африканскихъ языковъ.

Перейдемъ къ южно-американскимъ дикимъ народамъ. Племена, изученныя Штейненомъ во время его путешествія по Центральной Бразиліи, представляютъ много интереснаго не только въ культурно историческомъ, но и въ лингвистическомъ отношеніяхъ. Вотъ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ одному изъ самыхъ дикихъ племенъ земли, бакайри. „Въ высшей степени замѣчательна была быстрота, съ которой они сочетали

неизвѣстныя имъ вещи съ извѣстными, при чемъ они немедленно и безъ всякихъ ограничительныхъ добавленій давали этимъ ранѣе неизвѣстнымъ предметамъ названія извѣстныхъ. Они обрѣзають волосы острыми раковинами или зубами рыбы *тиранья*, и мои ножницы, предметъ безграничнаго восхищенія, орудіе, которое такъ гладко и ровно обрѣзало волосы, они называли просто зубомъ *пиранья*. Зеркало оказалось *водой*! Покажи воду, кричали они, когда хотѣли посмотрѣть на зеркало ¹⁾. И я производилъ этимъ послѣднимъ гораздо меньше впечатлѣнія, чѣмъ я ожидалъ. Компасъ былъ названъ *солнцемъ*, часы *мѣсяцемъ*. Я показалъ имъ, что игла компаса, какъ я ни вертѣлъ его оболочку, всегда поворачивалась на сѣверъ, а часы, которые были очень похожи на компасъ, и стрѣлку которыхъ они называли перомъ, казались имъ чѣмъ-то противоестественнымъ, между прочимъ, и потому, что *они ночью не спятъ*. Нерѣдко во время бесѣды они настаивали на томъ, чтобы я вынулъ часы, и при этомъ смѣялись съ довольнымъ видомъ, по поводу того, что они постоянно бодрствовали и тикали. Было бы весьма ошибочно думать, что въ основаніи этого простодушнаго любопытства и восхищенія лежала дѣйствительная любознательность или болѣе глубокая потребность въ пониманіи. Дальше вопроса: „это ты сдѣлалъ?“ они не шли. Просто я далъ имъ свое какое-то цирковое представленіе, показалъ всѣ свои фокусы, и люди радовались, что я могу повторить ихъ во всякую минуту съ тѣмъ же самымъ проворствомъ рукъ, и никогда не порицали меня“. Оставляя нѣсколько интересныхъ примѣровъ того интеллектуальнаго безразличія, съ которымъ бакайри узнавали новые предметы, я перейду къ дальнѣйшимъ выводамъ Штейнена. „Стремленіе бакайри проникать въ существо новыхъ вещей исчерпывалось, кромѣ вопроса, я ли это сдѣлалъ, еще другимъ вопросомъ, *объ имени*. Какъ это называется, кричало хоромъ все общество, и всѣ принимались, не щадя себя, повторять португальскія слова. И долго еще, когда разговоръ переходилъ уже на другіе предметы, тотъ или другой шепталъ про себя это слово. Сочетаніе двухъ согласныхъ они не могли произнести. Если же кому нибудь удавалось воспроизвести хорошо подходящее слово, радость его была велика, и я получалъ впечатлѣніе, что и самый предметъ становился имъ какъ-то ближе. Такъ, у нихъ получило право гражданства слово *papéra* (отъ португальскаго *papel*—бумага) для обозначенія моей записной книжки, и въ то время, какъ сначала они не могли достаточно насмотрѣться и ощупать эту непонятную вещь, теперь они стали къ ней совершенно равнодушны, потому что теперь это была для нихъ просто *papéra*, и больше ничего“. ²⁾

¹⁾ Я здѣсь же отмѣчу, что это не была метафора, не былъ „поэтический“ переносъ значенія, а просто названіе, общее для сходныхъ образовъ.

²⁾ K. v. d. Steinen. Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens 1897, стр. 78—80.

О словарномъ составѣ языка бакайри Штейненъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. „Обыкновенный разговоръ, который не выходилъ изъ рамокъ обычной жизни, не представлялъ никакихъ трудностей. Съ 50—80 словами возможно обойтись, при нѣкоторомъ навыкѣ, со всякимъ чужимъ языкомъ... Даже съ небольшой частью этихъ словъ можно устроиться вполне удовлетворительно, и было бы очень скверно, если бы было иначе. Ибо основныя грамматическія различія между, напр., португальскимъ и любимъ индѣйскимъ языкомъ Бразиліи настолько велики, что ни одинъ колонистъ или солдатъ не могли бы проникнуть въ ихъ сущность, такъ какъ уже мѣстоименныя приставки и постпозиціи представляютъ непреодолимое затрудненіе. Къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ совершенно не удается выдѣлить основу слова, въ которой наше языковое сознаніе нуждается прежде всего, изъ сплава элементовъ, связанныхъ съ нею. Основа глагола, не говоря уже о соединеніи ея съ мѣстоименными приставками, до такой степени подвергается смѣшенію и передѣлкѣ, для того, чтобы передать то, что мы называемъ флексіей,—что несчастный, начинающій учиться этому языку, впадаетъ въ полное отчаяніе. Такъ, *gáte* и *kanadile* представляютъ въ бакайри различныя формы съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ: „я беру вмѣстѣ съ...“ Какъ мнѣ догадаться, что глагольная основа *ga*, которая превращается согласно фонетическимъ законамъ языка въ *ha* или *a*, воспроизведена въ видѣ *a* въ *k-an-a-dile*? Такъ, въ этомъ языкѣ *ты видишь* гласитъ *meta* съ (уже измѣненной) глагольной основой *e*, а *ты не видишь*—*menepürama*, при чемъ эти формы слѣдуетъ расчленивъ такимъ образомъ: *m* (ты) + *e* (основа) + *ta* (флексія) и *m* (ты) + *an* (флексія) + *e* (основа) + *püra* (не) + *ama* (ты). Простымъ слѣдствіемъ этой сложности является то, что къ основѣ относится все возможное, даже и то, что и вовсе не относится къ ней, и одна и та же форма употребляется во всевозможныхъ случаяхъ, безъ указанія на лицо, время и другіе отбѣнки значенія. Органическое расчлененіе словъ прекращается, и предложеніе превращается въ *грубѣйшую мозаику* изъ однихъ обломковъ. О томъ, чтобы ее можно было понимать, все таки наблюдается нѣкоторая забота; индѣйцу при его талантѣ находить и пользоваться самымъ характернымъ (bei seinem Talent für das Charakteristische) достаточно для пониманія фразы, вмѣсто цѣлаго предложенія, оборваннаго куска слова, и къ тому же онъ самъ приспосабливаетъ для своихъ требованій новыя выраженія (et selbst eignet sich bald die neue Ausdrucksweise an); люди ведутъ другъ съ другомъ оживленный разговоръ, пользуясь для обмѣна вмѣсто настоящихъ словъ какъ бы плохо отчеканенной размѣнной монетой. Что не мало препятствовало моему общенію съ бакайри, это то обстоятельство, что они не понимали моего *вопросительнаго тона*. Вмѣсто того, чтобы отвѣчать, они подражали мнѣ. Для того, чтобы узнать названія имѣвшихся на лицо предметовъ,

не требовалось никакихъ усилій; они даже сами шли на встрѣчу мнѣ, показывали на такіе предметы, о которыхъ я не спрашивалъ, и называли ихъ имена. Очень подробно я записалъ названія частей тѣла, такъ какъ они всегда связаны съ мѣстоименными префиксами, и индѣецъ, такимъ образомъ, никогда не скажетъ просто *языкъ*, но всегда съ прибавленіемъ лица: *мой языкъ*, *твой языкъ*, *его языкъ*. Поэтому этой категоріи указаній присуще извѣстное грамматическое значеніе, и необходимо было внимательно слѣдить за тѣмъ, показываешь ли на себѣ самомъ или на другомъ ту часть тѣла, основное названіе которой хочешь узнать, ибо отвѣтъ гласилъ соответственно этому; твой *âlu*, мой *ulu*, его *ilu* или вообще *kulu*, насъ всѣхъ, которые здѣсь находятся, языкъ. Записывать названія животныхъ было истиннымъ наслажденіемъ, такъ какъ здѣсь особенно художественно выступало подражаніе съ помощью жестовъ и криковъ. Иногда на песокъ рисовали при этомъ змѣю, голову аллигатора и т. под. Для меня было большою помѣхой множество отдѣльныхъ указаній, такъ какъ я не былъ достаточно знакомъ съ голосами и образомъ жизни ихъ животныхъ; они предлагали мнѣ такія тонкости въ различеніи видовъ, какихъ я, къ ихъ удивленію, не могъ оцѣнить, и иногда я опасался выдать совершенно непостижимые пробѣлы въ самомъ обыкновенномъ школьномъ образованіи. Самая трудная задача заключалась въ *глаголахъ*, и при томъ не только вслѣдствіе сложности ихъ формъ. Если мнѣ удавалось записывать коротенькія предложенія, въ которыхъ заключались сужденія о какомъ-нибудь только что произошедшемъ событіи, если я даже самъ совершалъ всяческія дѣйствія, въ родѣ, напр., питья или ѣды того или другого, то все же были неизбѣжны грубыя ошибки. Къ сожалѣнію, они часто говорили другія вещи, чѣмъ я хотѣлъ, и вмѣсто того, чтобы назвать дѣйствіе, критиковали его. Они думали за себя (*für sich*), а не за меня. И при этихъ усиліяхъ въ высокой степени вредное вліяніе оказывала ихъ готовность подражать. Я полагалъ, что нѣтъ ничего проще, какъ записать, по крайней мѣрѣ, тѣ непереходные глаголы, которые выражались съ моей стороны мимикой, не допускающей двоякаго толкованія, и что мнѣ нужно только чесаться, каплять, плакать, вставать, садиться, падать и т. д., чтобы получить нужные мнѣ глаголы. Но они или принимали совершенно въ серьезъ мое поведеніе, думали, что я хочу уйти, когда я вставалъ, добросовѣстно зѣвали вмѣстѣ со мной, когда также бывали утомлены, или просто отъ души забавлялись надъ моими выходками и принимались съ хохотомъ продѣлывать тоже, что и я, т. е. чихать, кашлять, чесаться, не произнося, однако, нужнаго мнѣ слова. Наконецъ, Штейненъ нашелъ способъ узнавать слова; онъ твердилъ: „португалецъ говоритъ такъ, а какъ говоритъ бакаири?“ И тутъ, однако, встрѣчались различныя препятствія. „Меня очень огорчало, что я не могу добиться, чтобы они лучше понимали меня, и, смѣшивая слышаніе съ пониманіемъ, они упрасивали меня подѣлать ихъ;

я долженъ былъ брать слюну на палецъ и тереть ею ихъ слуховой проходъ. Ихъ способность владѣть португальскимъ языкомъ была еще ничтожныѣ, чѣмъ они сами думали. Въ ихъ языкѣ не имѣется, напр., *f*, и его приходится замѣнять звукомъ *p*. Если я произносилъ *fogo* (огонь), *fumo* (табакъ), они повторяли *rogo*, *pumo*. Но они слышали, вѣрнѣе, воспринимали *f* также, какъ *p*, и, насколько я могъ замѣтить, были совершенно убѣждены, что выговариваютъ именно тотъ самый звукъ, который я произносилъ передъ ними. Дѣло въ томъ, что они обнаруживали совершенно иное отношеніе, когда я задавалъ имъ слишкомъ длинное слово, они жаловались и приходили въ отчаяніе, но *fogo*, *fumo*, *f...*, чѣмъ настойчивѣе и громче я произносилъ эти слова, тѣмъ настойчивѣе и громче былъ ихъ отвѣтъ: *rogo*, *pumo*, *p...* съ явнымъ возмущеніемъ по поводу моего неудовольствія. Что касается словарнаго состава языка бакайри, то по этому поводу въ названномъ сочиненіи Штейнена мы встрѣчаемъ слѣдующія указанія: „Особенно странное впечатлѣніе производила на меня ихъ радость по поводу богатства ихъ словаря. Они обнаруживали большое удовольствіе вслѣдствіе того, что для каждой вещи у нихъ есть свое слово, какъ будто бы названіе это и было самой вещью“ и означало обладаніе ею. Совершенно ясно было, что число понятій зависитъ прежде всего отъ особенностей интересовъ; съ одной стороны, наблюдалось, по сравненію съ нашими языками, обиліе словъ, въ родѣ названій животныхъ и родства, съ другой же скудость, которая сначала просто поражала: *yelo* значить и *громъ* и *молнія*, *kdrö*—*дождь*, *бура* и *облако*. Это потому, что въ ихъ странѣ почти всѣ дожди связаны съ явленіями грозы, а облако на небѣ имѣетъ для нихъ лишь тотъ интересъ, что возвѣщаетъ надвигающуюся грозу ¹⁾. Настоящая бѣдность словаря заключается въ отсутствіи общихъ понятій, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Они имѣютъ слово для *попугая*, которое, вѣроятно, означаетъ *крылатого*, но сѣверные карайбы имѣютъ другую основу: *toro*—или *tomo*,—которая означаетъ у бакайри, кромѣ того, опредѣленныхъ, очень обыкновенныхъ птицъ, одинъ видъ попугаевъ и одинъ видъ дикихъ курочекъ. Каждый попугай получаетъ свое особое названіе, и болѣе общее понятіе *попугай* всецѣло отсутствуетъ, какъ и понятіе *пальма*. Но свойства каждаго вида попугаевъ и пальмъ они знаютъ прекрасно: они до такой степени опутаны этими отдѣльными многочисленными познаніями, что уже не заботятся объ общихъ признакахъ, которые и не имѣютъ для нихъ никакого интереса. Отсюда видно, что эта словарная бѣдность сводится, въ сущности, къ недостатку высшихъ обобщающихъ единицъ; они утопаютъ въ массѣ матеріала и не могутъ экономически распорядиться имъ“.

¹⁾ Въ главѣ о значеніи словъ мы увидимъ, что, дѣйствительно, знаніе слова есть въ глазахъ наивно мыслящаго человѣка почти обладаніе предметомъ.

Этими указаниями я ограничусь пока, желая резюмировать содержаніе тѣхъ важныхъ свѣдѣній, которыя даны намъ выдающимся нѣмецкимъ ученымъ, путевыя замѣтки котораго, какъ извѣстно, уже положены нѣкоторыми этнологами въ основаніе новыхъ взглядовъ на происхожденіе нашей культуры. И для психологіи той первобытной среды, которую представляло собой на извѣстныхъ стадіяхъ развитія, вѣроятно, все человѣчество, трудъ Штейнена даетъ такъ много, что я считалъ необходимымъ привести изъ его сочиненія рядъ крупныхъ извлеченій. Я считаю правильнымъ напомнить, на основаніи записей Штейнена, слѣдующее: 1) названія вещей переносятся бакайри съ одного предмета на другой безъ всякаго *метафорическаго* оттѣнка: зеркало *есть* вода, часы—мѣсяцъ, а вовсе не такъ, что *зеркало, какъ вода*, и мѣсяцъ подобенъ своей формой часамъ. 2) Психологически этотъ процессъ перенесенія основывается на убѣжденіи, что *название* есть самая *вещь*, и такимъ образомъ, онъ обнаруживаетъ полное отсутствіе вдумчивости въ существо явленій: если карманные часы и мѣсяцъ одно и то же, то у насъ естественно возникъ бы вопросъ, какъ могли эти часы оказаться на небѣ; мысль бакайри на этомъ не останавливается: сходство между явленіями устанавливаетъ для него ихъ тождество, которое въ дальнѣйшемъ не вызываетъ никакихъ недоумѣній; это можетъ объясняться лишь полнымъ несоотвѣтствіемъ психики культурнаго человѣчества дикарской, о чемъ современная наука (напр. Леви-Брюль, Фиркандтъ и др.) говоритъ все болѣе настойчиво. 3) Какъ и въ языкахъ банту, у бакайри предложеніе сливается, собственно, въ одно слово: отсутствіе раздѣльности словъ обнаруживается тамъ необходимостью повторять существенную принадлежность основного слова при каждомъ новомъ словѣ той же фразы, здѣсь тѣмъ, что это слово со всѣми относящимися къ нему вступаетъ въ неразрывную фонетическую связь. 4) Слова, *всегда* конкретныя, всегда обозначающія именно *этотъ* видъ явленій, а не вообще явленіе, не обнаруживаютъ звукоподражательнаго происхожденія, но требуютъ для достиженія ихъ полного пониманія побочныхъ изобразительныхъ средствъ, жестикულიціи, мимики и т. под. 5) Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить неопредѣленность и неразвитость фонетической стороны языка.

Не имѣя ни надобности, ни возможности исчерпать матеріалъ, представляемый языками Южной Америки, я остановлюсь здѣсь на характеристикѣ нѣсколькихъ языковъ бразильскихъ индѣйцевъ и на тѣхъ данныхъ, которые представляютъ сочиненія Петермана, Байрна и Фр. Мюллера. Такъ, словарный составъ языка акуэ¹⁾ (въ Центральной Бразиліи) представляетъ уже отмѣченную мною въ предшествующихъ обзорахъ бѣдность словъ, которыя *могутъ* имѣть звукоподражательное происхожденіе: такъ, *таки*

¹⁾ P. Ehrenreich. Materialien zur Sprachenkunde Brasiliens. Zeitschrift für Ethnologie. 1895.

(утка), *na* (голубь), *warso* (собака), *kuti vayanproa* (лягушка), *siia* (птица), *tawä-yanyä* (громъ), *ton* (дождь) и др., повидимому, ничѣмъ не напоминаютъ естественныхъ звуковъ, издаваемыхъ этими животными или явлениями природы. Рѣшительно ни одного звукоподражательнаго слова не приведено Эренрейхомъ въ томъ длинномъ словарномъ спискѣ, который имъ данъ. Слѣдуетъ здѣсь отмѣтить еще множественность названій для различныхъ видовъ попугая (мелкаго, краснаго, голубого, бѣлаго), хотя извѣстно и общее названіе этой птицы. *Нѣсколько разныхъ* названія (однако, съ повтореніемъ основной части слова) носятъ различные виды и другихъ животныхъ: такъ, нѣтъ общаго слова для муравьяда, но есть отдѣльныя названія маленькаго и большаго вида этихъ животныхъ, какъ и три названія видовъ муравья. Однако, было бы неправильно думать, что эти отдѣльныя слова для обозначенія отдѣльныхъ видовъ животныхъ или растений исключаютъ наличность родовыхъ названій. Это послѣднее явленіе, констатируемое въ различныхъ дикарскихъ языкахъ, не находитъ себѣ примѣненія въ данномъ случаѣ, такъ какъ языкъ акуэ знаетъ такія слова, какъ *рыба* вообще, *змея* и т. д.

Отъ Кордильеръ до Атлантическаго океана, отъ Лаплаты до Антильскихъ острововъ, говоритъ Штейненъ, распространены четыре языка съ ихъ діалектами. Это караибы, нуаруакъ, тупи и тапуа. Первые живутъ въ сѣверномъ бассейнѣ рѣки Амазонки, языкъ ихъ совершенно отличенъ (*grundverschieden*) отъ тупи, которые занимаютъ огромное пространство: ихъ сѣверная граница лежитъ, въ общемъ, на сѣверныхъ притокахъ Амазонки, они живутъ по берегу океана отъ устья Амазонки до впаденія Лаплаты, но встрѣчаются и во многихъ мѣстностяхъ внутренней Бразиліи. Въ глазахъ первыхъ путешественниковъ и миссіонеровъ чуть не всякій туземецъ Бразиліи былъ *тупи*, а ихъ языкъ разсматривался іезуитами, какъ *lingoa geral* (общераспространенный языкъ международныхъ отношеній). Нуаруакъ занимаютъ верхнее теченіе Амазонки, а тапуа представляютъ туземное населеніе восточной Бразиліи, ея дѣйственныхъ лѣсовъ; языкъ акуэ принадлежитъ именно къ этой группѣ. Грамматическій строй языковъ аруакъ представляетъ, согласно изложенію Фр. Миллера, слѣдующія особенности. Мужескій и женскій родъ различаются своими окончаніями: *elonti*—мальчикъ, *elontu*—дѣвочка; *ahuduti*—умирающій, *ahudutu*—умирающая; *oikari*—купецъ, *oikare*—купчиха и т. д., но въ отличіе отъ нашихъ языковъ суффиксы присоединяются не къ концу основы, принимая сами окончанія флексіи, но къ концу всего слова: такъ, *basabantikan* (маленькій мальчикъ), а *basabantukan* (маленькая дѣвочка). Къ основѣ же присоединяются суффиксы для обозначенія множественнаго числа: *iti-iti-nuti* (отецъ-отцы), *kalipi-kalipina* (караибъ-караибы). Грамматическими признаками падежи не различаются, но грамматическія отношенія словъ опредѣляются ихъ положеніемъ во фразѣ: именно, субъектъ предшествуетъ

глаголу, объектъ слѣдуетъ за нимъ; при отношеніи родительнаго падежа опредѣляющее слово просто ставится передъ опредѣляемымъ. Для обозначенія другихъ именныхъ отношеній къ основѣ имени существительнаго присоединяются приставки: такимъ образомъ *datiamün* (моему отцу) состоитъ изъ частей: *da* (я)—*iti* (отецъ)—*amün* (суффиксъ). Съ помощью присоединенія различныхъ элементовъ отъ основы, которая можетъ быть и именной, образуются глаголы: *aeke* (платье), *k-aeke-de* (я имѣю одежды), *amün* (къ, суффиксъ дательнаго падежа), *k-amün-in* (присутствовать), *d-amün-in* (присутствовать при мнѣ), *l-amün-in* (присутствовать при немъ). Отъ вышеприведеннаго *damünin*, въ свою очередь, образуются слѣдующія формы: *d-amün-i-ka-bi* (ты присуствуешь при мнѣ), *l-amün-i-ka-de* (я присуствую при немъ), *l-amün-i-ka-u* (мы присуствуемъ при немъ) и т. под. Повидимому, однако, такихъ сложныхъ образований немного, и обычно глагольная основа снабжается только спереди личнымъ мѣстоименіемъ для обозначенія лицъ спряженія, не подвергаясь никакимъ нарощеніямъ суффиксовъ. Но спеціальныя болѣе рѣдкія глагольныя формы, какъ напр. нѣкоторые залогі и наклоненія, образуются съ помощью присоединенія суффиксовъ къ основѣ, вѣлѣдствіе чего возникаютъ иногда чрезвычайно длинныя и сложныя формы. Такъ, Фр. Мюллеръ приводитъ форму *Optativum Praeteriti* отъ глагола *aiyahad* (бродить): прежде я хотѣлъ бы бродить—*daaiyahadinikubama*, а Байрънъ (I, 202) приводитъ еще болѣе длинную форму: *massukussukuttunnuanikaebiba* (если бы вы не мылись сегодня). Но такія формы не могутъ быть обычны. Обыденныя требованія разговора ограничиваются простѣйшими образованиями. Какъ бы то ни было, эти данныя показываютъ, что аруакскій языкъ предполагаетъ такія грамматическія образования, въ которыхъ цѣлое предположеніе превращается въ одно слово: *d-ansika-bi* (я тебя люблю), *m*—(отрицаніе)—*aiyahad-inika-de*—отрицательная форма настоящаго времени съ мѣстоименнымъ суффиксомъ. По существу, это представляетъ только иной способъ для выраженія той же потребности превратить всѣ элементы фразы въ одно тѣсно соединенное цѣлое, какая господствуетъ и въ изолирующихъ языкахъ и въ группѣ банту. Въ отношеніи фонетическомъ языкъ аруакъ, повидимому, не обладаетъ никакими особенными звуками, поражающими европейское ухо.

Судя по грамматическому очерку караибскаго языка, данному Фр. Мюллеромъ, онъ не представляетъ существенныхъ отличій отъ нуаруакскаго. И здѣсь надежи опредѣляются или положеніемъ слова во фразѣ, или особыми приставками, а глаголы образуются отъ основъ существительныхъ съ помощью различныхъ суффиксовъ, при чемъ и здѣсь возникаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ необычайно длинныя и сложныя образования. „Массивный характеръ“ караибскаго языка, по выраженію Байрна, зависитъ „отъ нагроможденія опредѣляющихъ элементовъ, которые переполняютъ предположеніе“. Таковы формы объективнаго спряженія, распространен-

наго, какъ извѣстно, не только въ языкахъ дикарей, но и въ агглютивныхъ языкахъ, какъ напр., венгерскомъ или мордовскомъ. Въ объективномъ спряженіи караибскаго языка къ основѣ глагола присоединяются частицы *kwa* (собственный) и *уен* (я дѣлаю), вслѣдствіе чего отъ глагола *скрывать*—*arameta* образуется, напр., форма: я *скрываю тебя*, буквально: „скрывать-собственно-я-дѣлать-ты“—*arameta-kwa-n-yen-ti-bu*“; онъ самъ скрывается—*arameta-kwa-l-yen-l-o-kwa*“. Несмотря на такую сложность образованія, мы, несомнѣнно, видимъ передъ собой всего лишь одно реченіе, которое съ очевидной безпомощностью отвлеченнаго мышленія заключаетъ въ себѣ самостоятельныя слова: *kwa* (два раза), *li* (два раза) и *уен* (дѣлать). Едва-ли говорящее лицо, произнося эти слова, забываетъ объ ихъ собственномъ значеніи и сознаетъ только тотъ результатъ дѣйствій, который содержится въ нашемъ словѣ: *скрывается*. Напротивъ, можно думать, что въ его сознаніи этотъ результатъ является въ видѣ представленій о дѣйствіи чело­вѣка, который собственную свою особу дѣлаетъ скрытой. Ни процессъ представленій объ этомъ дѣйствіи, ни результатъ этого процесса не соотвѣтствуютъ нашимъ: здѣсь слово не является *указаніемъ* на дѣйствіе, но перечисленіемъ тѣхъ моментовъ, которые приводятъ къ извѣстному результату, вслѣдствіе чего конкретный характеръ словеснаго образованія не утрачивается. Только держа въ памяти эти составныя элементы дѣйствія, можно создавать такія чудовищно-громадныя грамматическія образованія, какъ приведенное выше ¹⁾).

Языкъ *тупи*, о распространеніи котораго я уже говорилъ выше, принадлежитъ точно также къ языкамъ агглютивнымъ. По замѣчанію Ф. Мюллера, (II. 1.382), „онъ очень богатъ словообразующими элементами, и поэтому можетъ выражать всѣ отличительныя особенности представленія (die Hauptunterschiede innerhalb der Anschauung), но при ближайшемъ разсмотрѣніи эти элементы оказываются довольно грубыми и матеріальными. Такъ напр., въ *тупи* отъ *уика*—убивать образуются *уика-sara*—убійца и *уика-saba*—убійство. Для нашего (европейскаго) пониманія этого достаточно. Но языкъ *тупи* идетъ еще дальше и образуетъ *уика-sagoera*—убійство, которое уже совершено, въ отличіе *уика-saõata*—убійство, которое будетъ совершено. Это различіе вноситъ временный моментъ въ сферу имени существительнаго, т. е. смѣшиваетъ двѣ сферы, которыя должны быть различны“. Таково же, какъ мы видѣли выше, по-

¹⁾ Изъ *Breton. Grammar Caraibe* Байрънъ приводитъ слѣдующія грамматическія образованія отъ того же глагола: *arameta-kua-n* ^{его} — *i - em* (я скрываю), *arameta-kua-n-i en-li* (я скрываю его), *arameta-kua-n-i-em-buka* (я скрывалъ), та же форма съ присоединеніемъ *bu* (тебя) передъ *buka* означаетъ: „я скрывалъ тебя“; затѣмъ мы находимъ здѣсь такія образованія какъ *aka-n-arameta-kua-haman* (если я скрываю), *aka-na-mhem-arameta-kua-n-o-a-ti-bu* (если бы я скрывалъ васъ) и т. под.

ложеіе вещей въ другихъ южно-американскихъ языкахъ. Такимъ образомъ, по своему грамматическому строю языкъ тупи едва-ли отличается отъ разсмотрѣнныхъ выше.

Падежныя отношенія выражаются здѣсь въ еще болѣе неопредѣленной формѣ, т. е. болѣе или менѣе опредѣляются мѣстомъ слова въ предложеніи или частицами, которыя имѣютъ ясное конкретное значеніе. Таковы же грамматическіе элементы, присоединяемые къ основамъ для образованія различныхъ отбѣнковъ глагольных значеній: такъ, *biā* означаетъ *тогда* и служить указаніемъ на прошедшее время, причѣмъ присоединяется не только къ глагольной основѣ, но и къ цѣлой фразѣ: *a-so-biā* (я шелъ), *a-yuka-abā-biā* (я убилъ человѣка, т. е. я—убить—человѣкъ—тогда). Въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ отмѣтить тотъ же характеръ глагольных спряженій переходнаго и не переходнаго значеній, какой былъ разсмотрѣнъ выше. До какой степени безпомощенъ этотъ языкъ въ передачѣ самыхъ простыхъ выраженій, обнаруживаетъ слѣдующій примѣръ: отъ глагольной (и именной вмѣстѣ съ тѣмъ) основы *yuka* (убивать) 3-е лицо гласитъ: *o-yuka* (онъ убиваетъ), такъ что *o-yuka Pedro* значитъ: *онъ убиваетъ Петра*; но предложеніе *Pedro Ioane oyuka* могло бы означать и то, что Іоаннъ убиваетъ Петра, и обратное, и вотъ находится выходъ ихъ недоумѣнія въ видѣ такого предложенія: *Pedro i-yuka-sara Ioane i-yuka-pira*, т. е. „Петръ есть его убивающій (ein tödtender), Іоаннъ есть его убитый“, или еще проще: „Петръ—свой—убивать, Іоаннъ—свой—убитый“. Въ другихъ грамматикахъ южно-американскихъ языковъ, разсмотрѣнныхъ въ трудѣ Байрна, отличительной особенностью является то же строеніе. Такъ, въ языкѣ *kure* (въ Гватемалѣ) „синтетическая тенденція обнаруживается главнымъ образомъ въ образованіи глагольных формъ“, но и самыя простыя сочетанія словъ представляютъ большую сложность. „Кровь нашего Господа“ передается черезъ *и* (3-е лицо притяжат. мѣстоименія) — *kik* (кровь) — *el* (элементъ соединенія) — *k* (нашъ) — *ahan* (господинъ) — *al* (тоже элементъ соединенія). Здѣсь, по словамъ Байрна, „*el* относится къ *kik*, соединяя его съ *и*, а *и* относится къ обладателю“. Въ языкѣ Юкатана, Майя, „синтетическая тенденція обнаруживается главнымъ образомъ въ глагольных сложеніяхъ и производныхъ. Глаголь можетъ инкорпорировать имя, которое является его прямымъ объектомъ: *t'a-ha-a* (носить воду, какъ одно слово“). Языкъ *kurya* (въ перу), принадлежа къ типу „мегасинтетическихъ“ языковъ (многосложныхъ), обладаетъ будто бы такими совершенными средствами для выраженія сложныхъ идей въ кратчайшей формѣ, какихъ нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Такъ, выраженіе: „будучи индѣйцемъ, я не понялъ“ передается однимъ словомъ: *ripa-katay-ni-y-pi-mapa-upa-pu-t'i*, гдѣ *ka* означаетъ глаголь *быть*, *ma* суффиксъ, означающій существованіе, *kata*—„существованіе бытія (the essence of being), разсматриваемое, какъ глаголь, образуетъ для инфини-

тива или глагольного имени форму *катау*“, *ni* есть мѣстоименный элементъ; наконецъ, *гуна* означаетъ *человѣкъ*, *нѣкто* (*тап*), *у-мой*, *pi* въ, *тапа-не*, *ина*-понимать. Въ такомъ же духѣ формальныя образованія и въ другихъ южно-американскихъ языкахъ, на которыхъ я уже не буду здѣсь останавливаться, хотя нѣкоторые изъ нихъ (напр. *кирири* въ Байѣ) представляютъ очень любопытныя образованія (такъ, въ языкѣ *кирири* 12 „частицъ согласія“—*particles of concord, as prefixes*—при соединеніи имени прилагательнаго съ существительнымъ). Какъ видно отсюда, всѣ разсмотрѣнные выше южно-американскіе языки представляютъ одинъ типъ грамматическихъ образованій: предложеніе—слово.

Къ этимъ даннымъ слѣдуетъ присоединить нѣкоторыя указанія, которыя находятся въ 3 томѣ сочиненія Петермана „*Social History of the races of Mankind*“. Такъ, говоря о языкѣ караибовъ, онъ указываетъ на существованіе особаго языка у стариковъ и на то, что „раньше существовалъ разговорный языкъ, который относился къ войнѣ, и который не былъ понятенъ женщинамъ“. Тотъ же фактъ отмѣчаетъ и Ф. Мюллеръ у островныхъ караибовъ, гдѣ женщины говорятъ на аруакскомъ языкѣ, а мужчины на караибскомъ. Причина этого оригинальнаго явленія, которое въ первобытныя времена человѣчества имѣло, вѣроятно, гораздо большее примѣненіе и могло служить важнымъ фактомъ въ распространеніи извѣстнаго языка въ новой области, заключалось въ томъ, что караибскіе войны, перебравшись съ материка на ближайшіе острова, перебили на нихъ всѣхъ мужчинъ, а женщинъ взяли замужъ за себя. Но такъ какъ исключительно на женщинахъ лежитъ все воспитаніе мальчиковъ до 10—12 лѣтъ, то и мужескій полъ этого народа пріобрѣлъ знакомство съ аруакскимъ языкомъ. Въ свою очередь, женщины узнали отъ мужчинъ, своихъ новыхъ мужей, важнѣйшія слова ихъ языка, такъ что на караибскихъ островахъ господствуютъ оба языка, мужчины говорятъ съ мужчинами по-караибски, а женщины съ женщинами на аруакскомъ языкѣ; мужчины съ женщинами говорятъ то на одномъ, то на другомъ языкѣ. Повидимому, такое положеніе вещей никого не тяготитъ, такъ какъ и въ своемъ быту мужчины и женщины значительно отличаются другъ отъ друга, какъ у многихъ дикихъ народовъ. Извѣстныя различія въ словоупотребленіи у разныхъ половъ отмѣчаются и въ другихъ южно-американскихъ языкахъ: такъ, чикито, живущіе на плоскогоріи, которое отдѣляетъ долину Амазонки отъ бассейна Лаплаты, называютъ *отца* (мужчины) словомъ *йуай*, а (женщины) словомъ *ужири*. „Названія предметовъ въ языкѣ женщинъ или отличаются отъ названій, употребляемыхъ мужчинами, или имѣютъ другія окончанія“ (Featherman. III. 315). И здѣсь, такимъ образомъ, возможно предположить иммиграцію мужского племени (безъ женщинъ) въ новую область, гдѣ мужское населеніе было перебито завоевателями. Какъ великъ иногда бываетъ путь, совершаемый такими переселенцами, видно

изъ того ¹⁾, что одно изъ немногочисленныхъ южно-американскихъ племенъ *Aniaka* совершило переходъ съ рѣки Тараѳоз на Токантинсъ, т. е. прошло пространство въ 10 градусовъ широты черезъ земли нѣсколькихъ дикихъ и воинственныхъ племенъ.

Съ подобными фактами далекаго и неожиданнаго появленія родственныхъ языковъ на пространствахъ, отдѣленныхъ громадными разстоянiями, какъ и съ послѣдствiями подобныхъ переселенiй, въ родѣ созданiя отдѣльныхъ мужскихъ и женскихъ языковъ, приходится, непремѣнно, считаться изслѣдователю первобытныхъ языковыхъ отношенiй. Слѣдуетъ также считаться и съ фактомъ, уже отмѣченнымъ выше, когда рѣчь шла о зубныхъ звукахъ въ африканскихъ языкахъ, именно съ искаженiемъ языка, происходящимъ отъ прободенiя губъ, выбиванiя зубовъ и т. п. По словамъ Фетермана (Ш. 356), языкъ ботокудовъ, которые живутъ въ Бразилiи и раздѣляются на многочисленныя, не зависящiя одно отъ другого племена, отличается „варварствомъ“ въ своемъ грамматическомъ строенiи и грубостью произношенiя. „Такъ какъ ихъ нижняя губа до извѣстной степени лишена возможности участвовать въ образованiи звуковъ *вслѣдствiе своей грубой орнаментации* (by their clumsy ornamentation), то язычные звуки оказываются по большей части гортанными и носовыми“. Къ этому нашъ источникъ присоединяетъ, что въ разговорѣ ботокудовъ тонъ голоса крайне однообразенъ, а когда они хотятъ усилить выраженiе своей рѣчи, то звуки ихъ исходятъ точно изъ глубины груди, и получается очень рѣзкiй, крикливый, непрiятный для слуха крикъ. Языкъ ботокудовъ не имѣетъ недостатка въ гласныхъ звукахъ, но когда встрѣчается вмѣстѣ нѣсколько согласныхъ звуковъ, они сливаются такъ, что ихъ нельзя различить въ отдѣльности. Отдѣльное слово, означающее общее понятiе, употребляется съ различными объяснительными добавленiями для выраженiя родственныхъ идей. Такъ, словомъ *taru* обозначается всякое блестящее явленiе, и оно примѣняется какъ къ солнцу, такъ и къ мѣсяцу: *taru te ning* означаетъ восходящее солнце (буквально: солнце поднимается), *taru nion*—пасмурный день (бѣлое или пасмурное солнце). Для того, чтобы обозначить различiе между солнцемъ и мѣсяцемъ, они употребляютъ слово *taru*, когда оно должно означать солнце, въ связи съ его теченiемъ по небу, и они примѣняютъ *taru* къ мѣсяцу во время его появленiя, когда не употребляется никакая пища, т. е. ночью“. Изъ этихъ неотчетливыхъ и отрывочныхъ замѣчанiй можно все-таки извлечь убѣжденiе, что въ языкѣ ботокудовъ, какъ и въ другихъ первобытныхъ, только конкретныя слова являются элементами словаря. Грамматическiй строй ботокудскаго языка чрезвычайно примитивенъ; формальные элементы едва намѣчены, и глаголы употребляются всегда въ „неопредѣленномъ наклоненiи“, а имена существительныя знаютъ только два падежа.

¹⁾ P. Ehrenreich. Materialien zur Sprachenkunde Brasiliens. Zeitschrift für Ethnologie. 1895. m. XXVII. 169.

Конечно, наши грамматическія категоріи не могутъ быть примѣнены къ этому языку. Не лишены интереса тѣ данныя, которыя нашъ источникъ приводитъ о немногочисленномъ (около 2 т. чел. въ 1820 г.) и чрезвычайно первобытномъ племени короадосъ въ Южной Бразиліи. „Языкъ его находится еще въ первобытномъ неразвитомъ состояніи, какъ онъ былъ переданъ короадосамъ ихъ отдаленными предками, отъ которыхъ они не отличаются существенно ни образомъ жизни, ни своими обычаями, одеждой, пищею или занятіями. И хотя они и подвигались,—какъ бы медленно ни совершался этотъ процессъ,—по пути социальнаго и политическаго развитія, все-таки имъ не представлялось случаевъ для приобрѣтенія и развитія новыхъ словъ и выраженій; ихъ ограниченныя умственные способности, ихъ изоляція, примѣненіе исключительно физическихъ силъ и *инстинктивный интуитивный способъ воспріятія впечатлѣній* не дѣлали необходимымъ для нихъ увеличивать основное количество словъ ихъ языка или придавать точность ихъ выраженіямъ. Ихъ словарь обладаетъ спеціальными названіями для всѣхъ предметовъ ихъ обычной жизни, которые составляютъ часть окружающаго ихъ физическаго міра, въ то время какъ преобладающее качество вещей часто выражается *подражательными* звуками. Какъ животныя, такъ и растенія, съ которыми они сталкиваются въ своемъ быту почти ежедневно, и которыя служатъ для нихъ пищею или употребляются для какихъ-нибудь иныхъ экономическихъ цѣлей, или вредятъ имъ какими-нибудь своими свойствами, называются самостоятельными словами (*by proper words*), и ихъ части точно опредѣляются и различаются спеціальными терминами. Хотя они не имѣютъ яснаго представленія о классификаціи, они все-таки обозначаютъ отличительные признаки, которыми опредѣляются различные виды того же самаго класса животныхъ, и они имѣютъ спеціальныя названія для каждаго отдѣльнаго индивидуума¹⁾. Собственно говоря, короадосъ не имѣютъ никакого представленія объ отвлеченныхъ идеяхъ, и ихъ языкъ не содержитъ въ себѣ выраженія даже для такихъ качественныхъ обобщеній, какъ цвѣтъ, полъ, тонъ или видъ. Единственная идея о коллективной единицѣ, которую они имѣютъ, выражается глагольнымъ инфинитивомъ, который находится въ большемъ употребленіи. Ходить, ѣсть, плясать, слышать обладаетъ въ ихъ глазахъ значеніемъ коллективнаго дѣйствія безъ всякаго отношенія къ агенту, отъ котораго исходить дѣйствіе“. Само собой разумѣется, что въ словарь такого языка отсутствуютъ названія высшихъ отвлеченныхъ понятій, въ родѣ души, воздуха и т. п. „Такъ какъ они не имѣютъ правильнаго

¹⁾ Это, конечно, надо понимать не въ томъ смыслѣ, что каждый отдѣльный предметъ имѣетъ свое отдѣльное названіе (ср. по этому поводу взглядъ А. А. Потебни на первичное значеніе словъ, приведенный въ слѣдующей главѣ), но въ томъ смыслѣ, что каждый видъ предметовъ имѣетъ свое видовое названіе при отсутствіи общаго, родового.

построенія предложеній и окружены въ своемъ быту естественными первобытными условіями, то они оказываются достаточно понятны другъ другу, выражая свои простыя желанія безъ помощи грамматическаго измѣненія глаголовъ или именъ существительныхъ. Глаголь употребляется обычно въ неопредѣленномъ наклоненіи, а признаки времени и лица, какъ и другія отношенія, связанныя съ дѣйствіемъ, обозначаются *удареніемъ*, медленностью или живостью произношенія, извѣстными знаками, которые дѣлаются рукой или *ртомъ*, и характерными жестами, довершающими пониманіе и выполняющими недостатокъ грамматическаго построенія. Если кароадосъ хочетъ сказать: я пойду въ лѣсъ, онъ употребитъ только два слова: *лѣсъ-идти* и поведетъ ртомъ (*pusch out their mouth*) въ ту сторону, въ которую онъ намѣренъ двинуться; особенностью языка кароадосъ является обиліе въ немъ носовыхъ и гортанныхъ звуковъ. На этомъ обрываются краткія, но не лишеныя значенія замѣчанія Фетермана. Сопоставляя ихъ съ сообщеніями Штейнена о языкѣ бакаири, мы видимъ въ этихъ примитивныхъ языкахъ кое-какія общія типичныя черты, восходящія, вѣроятно, къ основнымъ особенностямъ всякаго первобытнаго языка. Здѣсь такими особенностями являются слѣдующія: достаточный запасъ словъ для обозначенія предметовъ окружающаго міра при отсутствіи общихъ названій, а въ области звуковой необходимость дополнять рѣчь особыми удареніями, интонаціей, мимикой и жестами. При отсутствіи грамматическаго измѣненія словъ въ предложеніи совокупность словъ составляетъ какъ бы одно слово—предложеніе. Наконецъ, очень значительно для первоначальныхъ стадій культурнаго развитія человѣчества замѣчаніе автора относительно того, что взаимное пониманіе въ общеніи этихъ дикарей между собой настолько облегчается одинаковостью ихъ переживаній, вызываемою тождествомъ условій, въ которыхъ они находятся, что иногда просто не является надобности въ произносимыхъ словахъ. Звукъ, изданный однимъ изъ нихъ, жестъ его, выраженіе лица понимаются другими безъ словъ. Это, такъ сказать, состояніе первобытнаго общенія людей между собой, предшествующее возникновенію языка. Уже отсюда вытекаетъ то слѣдствіе, что первоначальными словами не могли быть обозначенія предметовъ, но служили эмоциональныя выраженія чувствъ, желаній, гнѣва и т. под. Ср. объ этомъ подробнѣе въ концѣ слѣдующей главы.

Въ приведенномъ мною извлеченіи изъ сочиненія Фетермана этотъ авторъ повторяетъ, въ сущности то, что рассказали о языкахъ бразилійскихъ индѣйцевъ (не только короадосъ) извѣстные путешественники начала прошлаго вѣка, Спиксъ и Мартіусъ¹⁾. Не повторяя, поэтому, выше-

¹⁾ *Spix und Martius. Reise in Brasilien, in den Jahren 1817 bis 1820 gemacht und beschrieben. München. 1823—1831. 3 тома. Приведенное здѣсь мѣсто въ I томѣ, стр. 384—387. Здѣсь было обѣщано дать словари этихъ языковъ въ приложеніи ко II части. Къ сожалѣнію, его нѣтъ.*

изложеннаго, я приведу только такія данныя изъ подлиннаго описанія этихъ путешественниковъ, которыя пропустилъ англійскій авторъ. Такъ, очень цѣнно указаніе ихъ на множество языковъ въ Бразиліи; въ провинціяхъ Minas Geraes, Bahia, Piauí, Maranhão, Pará и Rio Negro они изслѣдовали 39 *отдѣльныхъ* языковъ. Крайне замѣчательно большое число различныхъ языковъ, которые встрѣчаются у американскихъ индѣйцевъ, и при томъ это не діалекты основнаго языка, а именно отдѣльные языки, такъ какъ у нихъ очень мало общихъ корней, и вообще они настолько отличаются одинъ отъ другаго, что индѣйцы, принадлежащіе къ разнымъ племенамъ, зачастую не понимаютъ другъ друга, и совершенно такъ же, какъ европейцы, которые вступаютъ съ ними въ общеніе, должны объясняться знаками“. Кромѣ того, Спиксъ и Мартіусъ обратили вниманіе на особенное обиліе въ южно-американскихъ языкахъ гортанныхъ и носовыхъ звуковъ.

Послѣ этихъ замѣчаній я перейду къ сѣверо-американскимъ языкамъ. Обзоръ ихъ сдѣланъ Поуэлемъ въ „Seventh Annual Report of the Bureau of Ethnology“ (1891) въ статьѣ „Семьи индѣйскихъ языковъ въ Америкѣ къ сѣверу отъ Мексики“, а психологическій анализъ данъ въ книгѣ К. Брейзига „Die Völker ewiger Urzeit“ I. Band. 1907, гдѣ приведена и литература. По даннымъ Поуэля (ibid. 44), индѣйскія племена Сѣверной Америки говорятъ на разныхъ языкахъ, принадлежащихъ различнымъ семьямъ, которыя, повидимому, не имѣютъ общаго происхожденія. Самое это индѣйское населеніе, въ противоположность нѣкоторымъ предшествовавшимъ изслѣдователямъ, было, по мнѣнію Поуэля, всегда малочисленнымъ, разсѣяннымъ на огромныхъ пространствахъ, при чемъ отдѣльныя немногочисленныя племена занимали, разселяясь весьма рѣдко, обширныя территоріи; племенъ же этихъ было, напротивъ, несоразмѣрно много. До появленія въ Сѣверной Америкѣ европейцевъ индѣйскія племена находились, повидимому, въ культурномъ отношеніи въ состояніи равновѣсія и вели по преимуществу осѣдлый образъ жизни, отъ котораго они перешли къ бродячему только послѣ того, какъ европейцы ввели лошадь въ Америкѣ и познакомили ея населеніе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Такимъ образомъ, опираясь на выводы американскаго этнолога, мы стоимъ передъ уже знакомой намъ картиной: многочисленныя, немногочисленныя племена, разсѣянныя на громадныхъ пространствахъ и говорящія на множествахъ языковъ, совершенно неродственныхъ между собой. Такое же положеніе вещей наблюдается въ лѣсахъ Южной Америки и въ пустыняхъ внутренней и южной Австраліи, гдѣ точно также первобытное населеніе занимается охотой. Только во внутренней Африкѣ, съ ея обширными равнинами, на которыхъ искони ведется скотоводство, возникли большія деспотическія государства, и количество людей, говорящихъ на одномъ языкѣ, достигаетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ сравнительно громадной цифры въ нѣсколько

милліоновъ человѣкъ. Самъ Поуэль насчитываетъ въ своемъ изслѣдованіи сѣверо-американскихъ языковъ 58 самостоятельныхъ языковъ (*linguistic families*). Не имѣя надобности повторять вслѣдъ за нимъ характеристику отдѣльныхъ этихъ фамилій, я ограничусь тѣми существенными для моей темы замѣчаніями, которыя разбросаны въ его изслѣдованіи.

Крошечное племя адаи, которое въ 1792 г. состояло изъ 40 семей, а въ 1820 г. насчитывало уже всего 30 человѣкъ (у озера Лас Масдон), говорило на языкѣ, который „отличался отъ всѣхъ остальныхъ и былъ такъ труденъ для пониманія и произношенія, что ни одинъ народъ не могъ сказать на немъ десяти словъ“. Алгонкины, занимавшіе обширную территорію отъ Лабрадора до Скалистыхъ горъ, распадались въ свою очередь на цѣлый рядъ племенъ (діалектовъ), численность которыхъ была очень невелика, колеблясь между нѣсколькими сотнями и нѣсколькими тысячами людей. То же слѣдуетъ сказать про широко разбросанное племя атонаска, занимавшее почти всю Британскую Колумбію и часть Аляски. Семейство языковъ Каддо (въ сѣверной Дакотѣ) состояло по даннымъ 1889 г. всего изъ 2259 человѣкъ, которые однако дѣлились на семь племенъ: хотя, несомнѣнно, это были уже остатки вымиравшихъ народовъ, тѣмъ не менѣе въ суровыхъ условіяхъ своего существованія едва ли они были когда-нибудь значительно многочисленнѣе, и слѣдуетъ допустить, что и въ лучшія времена жизни народа сумма лицъ, говорящихъ на одномъ изъ нарѣчій этой семьи, была совсѣмъ ничтожна. Чимакумъ (у залива Педжетъ), по словамъ одного изъ первыхъ изслѣдователей этого нѣкогда довольно многочисленного племени, „остаются непонятны для всѣхъ своихъ сосѣдей, повидимому они держатъ свой языкъ въ тайнѣ“. Языкъ Коахуильтеканъ (въ югозападномъ Техасѣ и въ Мексикѣ), нынѣ почти совершенно вымершій, раздѣлялся еще въ 1760 году на 23 діалекта; языкъ копеханъ (около Mount Chasta) распадался на двѣ главныя группы и на 22 діалекта. Эскимосы, общая численность которыхъ въ Сѣверной Америкѣ достигаетъ около 35 тыс. человѣкъ, говорятъ на огромномъ числѣ отдѣльныхъ нарѣчій, которыя объединяются въ цѣлый рядъ группъ. Подсчетъ Поуэля указываетъ 70 отдѣльныхъ поселеній и діалектовъ. Еще и теперь довольно многочисленное племя ирокезовъ (около 43 тыс. человѣкъ) раздѣляется на 13 говоровъ, причемъ количество людей, говорящихъ на томъ или другомъ, колеблется между нѣсколькими сотнями (400—700) и 27 тыс. (чероки). Семейство языковъ селишъ (близъ береговъ Орегона) охватываетъ всего около 18 тыс. человѣкъ. По словамъ Поуэля (*ibid.* 104), „на территоріи его наблюдается большое различіе языковъ и значительная разница въ обычаяхъ. Языкъ распадается на множество діалектовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, несомнѣнно, взаимно другъ другу непонятны“. Именно, Поуэль перечисляетъ 64 діалекта¹⁾, на которыхъ говоритъ, та-

¹⁾ *H. H. Bancroft.* (The native races of the pacific states of North Ame-

кимъ образомъ, всего 18 тыс. человѣкъ, раньше, быть можетъ, нѣсколько больше; но едва-ли когда-либо болѣе 500—600 человѣкъ составляли здѣсь группу лицъ, говорящихъ на одномъ діалектѣ. Семейство языковъ Siu (Siouan family), которому въ настоящее время принадлежатъ обширныя пространства (отъ 53 до 33° сѣв. шир.), и которое пришло сюда, по предположенію нашего источника (Powell. 112), съ рѣки Миссиссиппи,—это семейство охватываетъ теперь около 43 тыс. говорящихъ людей и распадается на 18 главныхъ племенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя раздѣляются въ свою очередь на подотдѣлы. Таковы же отношенія и въ другихъ семействахъ сѣвероамериканскихъ языковъ, которыя было бы бесполезно и утомительно перечислять въ подробностяхъ. Заключение, къ которому приходитъ Поуэль на основаніи своего обширнаго матеріала, бросаетъ свѣтъ на всѣ тѣ первоначальныя языковыя отношенія, которыя господствовали когда-то въ Сѣверной Америкѣ. „Существующіе языки, какъ они ни многочисленны, указываютъ на то болѣе примитивное состояніе, когда число распространенныхъ языковъ было гораздо больше. Если мы встрѣчаемъ два или болѣе языковъ той же самой группы, то представляется вѣроятнымъ, что эта дифференціація на различные языки обязана своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, поглощенію чужероднаго матеріала. Такимъ образомъ это размноженіе діалектовъ и языковъ одной группы представляетъ доказательство того, что въ прежнее время здѣсь существовали еще другіе языки, которые теперь исчезли цѣликомъ, оставивъ развѣ слѣды свои въ чужеродныхъ элементахъ этой группы“. Это свое предположеніе американскій этнологъ основываетъ, между прочимъ, на убѣжденіи въ ошибочности ходячаго мнѣнія, согласно которому „низшіе“ языки измѣняются съ большою быстротой. Поуэль отрицаетъ эту особенность дикарскихъ языковъ. Напротивъ, говоритъ онъ: „эти языки отличаются особой силой сопротивленія, и языкъ, который зависитъ въ своемъ существованіи отъ устной традиціи, не такъ-то легко измѣняется. Тѣ же самыя слова въ той же самой формѣ повторяются изъ поколѣнія въ поколѣніе, такъ что лексическіе и грамматическіе элементы приобрѣтаютъ жизнь, которая измѣняется очень медленно. Это особенно вѣрно въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстожителство племени остается безъ перемѣнъ. Миграція вноситъ могущественный факторъ измѣненія, новая окружающая среда налагаетъ свой отпечатокъ на языкъ, обнаруживая свое вліяніе скорѣе перемѣнами въ конкретномъ содержаніи языка, въ его словарномъ составѣ, нежели измѣненіями его формальной стороны. Здѣсь воздѣйствуетъ другой факторъ измѣненія языка, оказывающій огромное и заключающійся въ соединеніи одного языка вліяніе съ другими. Когда по мирнымъ или воинственнымъ побужденіямъ одинъ народъ погло-

rica. Volume III. Myths and languages. 1875) въ III томѣ (стр. 562—573) перечисляетъ только на тихоокеанскомъ берегу около 600 діалектовъ, которые онъ называетъ „туземными языками“ (the aboriginal languages).

щается другимъ, въ языкъ этого послѣдняго вторгаются новые матеріалы, и воспріятіе этого матеріала сказывается главнымъ факторомъ въ дифференціаціи языковъ одного и того же происхожденія“ (Powell. 140—141). Такимъ образомъ, для первоначальнаго населенія Сѣверной Америки, если хоть отчасти принять эту точку зрѣнія, слѣдуетъ предположить не менѣе тысячи отдѣльныхъ независимыхъ языковъ, которые принадлежали племенамъ, насчитывавшимъ каждое едва-ли болѣе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Остановимся на грамматическомъ строѣ сѣверо-американскихъ языковъ. Почти всѣ они представляютъ въ этомъ отношеніи общія черты, которыя объединяютъ ихъ въ одну морфологическую семью [при всемъ различіи ихъ словарнаго и фонетическаго состава. Основная особенность ихъ заключается въ стремленіи, присущемъ, какъ мы уже видѣли раньше, многимъ дикарскимъ языкамъ, связывать всѣ элементы предложенія въ одно цѣлое такъ, чтобы въ результатѣ получилось одно слово. По выраженію Фетермана (III. 2), здѣсь образуются цѣлыя фразы изъ множества маленькихъ обломковъ простыхъ словъ. При этомъ такая формація оказывается настолько эластичной, что ея составные элементы подвергаются всевозможнымъ сокращеніямъ и приспособленіямъ, а цѣлое выражаетъ сложную идею. Какъ примѣръ подобныхъ образований, одинъ изъ изслѣдователей американскихъ языковъ, Депоно, даетъ ласкательное обращеніе делаварской женщины къ собакамъ, означающее: „дай мнѣ свою маленькую хорошенькую лапку“. На делаварскомъ языкѣ это предложеніе превращается въ одно слово *kuligatschis*, гдѣ *k* (вмѣсто *ki*) означаетъ *ты*, *uli* изъ *wulit* что-нибудь изящное, красивое, *gat* вмѣсто *witschgat* означаетъ лапу, а *schis* представляетъ уменьшительную частицу, такъ что цѣлое означаетъ буквально: „ты хорошенькая маленькая лапа“, и вмѣсто *kiwulitwitschgatschis* получилось *kuligatschis*. Другой путешественникъ приводитъ изъ того же самаго языка слово *nadholineen*, которое означаетъ: „пріѣзжай на кану и перевези насъ черезъ рѣку“, а восходитъ къ сложенію усѣченныхъ словъ: *nateu* (достигать, прибыть), *amochol* (лодка, кану), *ineen* или *millineen* (дай намъ), т. е. буквально: „придти лодку дать намъ“. Длинное слово *amanganaschiquiminschi*, означающее „дерево, которое имѣетъ широчайшіе листья, похожіе на руку“, является названіемъ дуба, введеннаго испанцами. Множество діалектовъ и языковъ, которые принадлежатъ населенію Сѣверной Америки, Фетерманъ справедливо сводитъ къ разбѣйности этого населенія на огромныхъ пространствахъ и къ особенностямъ бытовыхъ условій, окружавшихъ каждое изъ племенъ. „Перебѣгая мѣста, въ которыхъ они охотились, и селясь въ новыхъ областяхъ своей страны, они постоянно встрѣчались съ новыми предметами; вводились новые обычаи, вызванные мѣстными особенностями и новыми условіями ихъ обстановки; будучи отдѣлены отъ ближайшихъ родственныхъ племенъ, они были вынуждены силою вещей образовать со

временемъ множество новыхъ словъ, такъ какъ первоначальныя выраженія подверглись измѣненіямъ въ произношеніи и составѣ вслѣдствіе комбинаціи слоговъ. И, кромѣ грамматическаго организма языковъ, который отражаетъ типъ интеллектуальнаго склада человѣка, не осталось иного неразрушимаго признака, свидѣтельствующаго объ ихъ родствѣ; этотъ же признакъ не могли уничтожить ни обстоятельства, ни время, ни пространство. Эти сложные образованія происходятъ, по мнѣнію Брейзига (294), отъ стремленія выдвинуть на первый планъ глаголь, что является „признакомъ большой рѣшительности“ въ характерѣ сѣверо-американскаго индѣйца. Каждое такое слово оказывается „попыткой подчинить въ цѣломъ предложеніи дѣятельности глагола всѣ или возможно многія выраженія иного рода“. Психологическое обоснованіе такихъ длинныхъ глагольных образованій остается, конечно, сомнительнымъ, но и здѣсь выступаетъ, какъ въ другихъ дикарскихъ языкахъ, стремленіе представить предложеніе, какъ одно слово. Если можно спрягать предложеніе *i-rina-sara-to-tra tik* (онъ заставляеть кого-нибудь провести ночь въ томительномъ и скучномъ ожиданіи), то очевидно, сознанію говорящаго лица это предложеніе представляется лишь однимъ словомъ. Такова вообще, за немногими исключеніями (напр., языка Тлинкитъ), структура сѣверо-американскихъ туземныхъ языковъ. Что касается словаря ихъ, то по обыкновенію мы слышимъ объ обиліи словъ для обозначенія конкретныхъ представленій и объ отсутствіи отвлеченныхъ понятій.

Нѣсколько родственныхъ типовъ грамматическаго строенія сѣверо-американскихъ языковъ приводитъ Фр. Мюллеръ (II томъ, 1 отд.). Языкъ чиппевеевъ, одного изъ племенъ семейства языковъ *атанаска*, представляетъ обиліе носовыхъ гласныхъ звуковъ и множество придыхательныхъ согласныхъ и сочетаній; какъ и въ другихъ языкахъ этого материка, его особенностью является инкорпорация, т. е. внѣдреніе объекта въ глагольное выраженіе, такъ что глаголь составляетъ настоящее предложеніе, а остальные слова служатъ только для его разъясненія. Падежныя формы отсутствуютъ и различаются только по мѣсту, которое онѣ занимаютъ въ предложеніи: такъ, отношеніе именительнаго падежа выражается положеніемъ слова въ самомъ концѣ или самомъ началѣ фразы, родительнаго — положеніемъ опредѣляющаго передъ опредѣляемымъ; другія отношенія выражаются присоединеніемъ частицъ, сохраняющихъ свое самостоятельное значеніе. Въ спряженіи личныя мѣстоименія соединяются съ глагольной основой. Къ сожалѣнію, въ своемъ постоянномъ стремленіи распредѣлить грамматическій строй всѣхъ языковъ по категоріямъ нашихъ Фр. Мюллеръ не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на такое своеобразное явленіе, какъ инкорпорация, о которомъ уже В. фонъ-Гумбольдтъ писалъ въ своемъ сочиненіи „О различіи строенія человѣческихъ языковъ“. Именно, Гумбольдтъ, основываясь на мексиканскомъ языкѣ, рисуетъ процессъ, который приводитъ

здѣсь къ образованію одного цѣлаго изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ путемъ вѣдренія ихъ въ глагольную форму. Такъ, слово *ni-nasa-qua* означаетъ: „я ѣмъ мясо“; если же слово *мясо* сознаниемъ говорящаго выдѣляется, какъ наиболѣе существенная по смыслу часть предложенія, то она замѣняется указательнымъ мѣстоименіемъ, а это слово стоитъ особнякомъ, составляя какъ бы само отдѣльное предложеніе: *nicqua in nacasatl* (я это ѣмъ, мясо). „По мексиканскимъ представленіямъ глаголь вообще не можетъ мыслиться безъ этихъ дополнительныхъ второстепенныхъ элементовъ. Поэтому, при отсутствіи опредѣленнаго объекта языкъ соединяетъ съ глаголомъ особое неопредѣленное мѣстоименіе, употребляемое въ двоякой формѣ, для лицъ и неодушевленныхъ предметовъ различной: *ni-tla-qua* (я нѣчто ѣмъ), *ni-te-tla-masa* (я кому-то что-то даю). Здѣсь языкъ обнаруживаетъ самымъ отчетливымъ образомъ свое стремленіе видѣть въ этихъ составныхъ образованіяхъ одно цѣлое: если такой глаголь, объемлющій въ себѣ предложеніе или какъ бы схему его, ставится въ прошедшемъ времени и при этомъ получаетъ приставку *o*,—то она помѣщается въ началѣ всего сложнаго образованія, что ясно обнаруживаетъ, въ какое тѣсное отношеніе къ глаголу вступаютъ эти второстепенныя опредѣленія. Такъ, отъ *ni-nemi* (я живу), представляющаго непреходный глаголь, не требующій никакихъ другихъ мѣстоименій, прошедшее время гласитъ *o-ni-nen*, тогда какъ отъ *nasa* (давать)—*o-ni-c-te-masa-c* (я кому-нибудь что-то дать)“. Подобнымъ образомъ, глагольныя формы пріобрѣтаютъ въ связи съ этимъ чрезвычайную сложность. Въ языкѣ черока однимъ словомъ выражаются такія сужденія, какъ „я прихожу, чтобы нѣсколько разъ перевязать это“ (*galölisanihiha*), „я прихожу, чтобы перевязать здѣсь и тамъ“ (*galölidolihiha*), „я перестаю перевязывать это, какъ перевязывалъ постоянно“ (*galöonisihä*) и т. д. ¹⁾ Этотъ типъ образованія формъ принадлежитъ и другимъ языкамъ. Байръ приводитъ изъ языка чиппевеевъ шесть отдѣльныхъ типовъ спряженія глаголовъ переходныхъ. Именно, съ помощью различныхъ суффиксовъ образуются глаголы, означающіе дѣйствіе съ примѣненіемъ силы, дѣйствіе съ помощью рта, руки, ладони и т. п. Такъ что *pikuham* означаетъ: „онъ ломаетъ съ силой“, *pikuskim* „онъ ломаетъ ногой“, *pikutum* „онъ (ломаетъ), разгрызаетъ зубами“, *pikunim* „онъ ломаетъ рукой“, *pikupittum* „онъ ломаетъ выдергивая“, *pikusum* „онъ ломаетъ надрѣзывая“.

О словарныхъ отношеніяхъ сѣверо-американскихъ языковъ рядъ любопытныхъ данныхъ сообщаетъ компилятивный трудъ Фетермана. Такъ, въ языкѣ гуруновъ „глаголь, означающій ѣсть, имѣетъ различную форму въ зависимости отъ того, какая именно пища была предметомъ этого дѣйствія. Глаголы дѣйствительнаго залога измѣняютъ свою форму, согласно

¹⁾ G. v. d. Gabelentz. Die Sprachwissenschaft. 2 изд. 1901, стр. 357—358.

съ предметами, на которые переходить ихъ дѣйствіе. Въ приложеніи къ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ употребляются отдѣльные глаголы. Различныя слова требуются для того, чтобы передать идею созерцанія человѣка, дерева или камня. Отдѣльные глаголы употребляются для обезпеченія факта заимствованія, если занятой вещь пользовался ею собственникъ или другой человѣкъ“. Здѣсь, такимъ образомъ, конкретность словарнаго состава языка достигаетъ своего наивысшаго развитія: для говорящаго лица представленія *ѣсть мясо* и *ѣсть орѣхъ* оказываются настолько несходными, что у него не имѣется въ распоряженіи общаго слова для обозначенія одинаковаго дѣйствія, и требуются отдѣльные глаголы, причемъ эти послѣдніе, какъ уже указано выше, вмѣстѣ съ тѣмъ являются цѣлыми предложеніями. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ сѣверо-американскіе языки поражаютъ своей примитивностью: по мѣрѣ развитія народовъ, измѣнялся составъ языковъ, но принципъ ихъ, повидимому, восходитъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ человѣчества, когда люди говорили еще не отдѣльными словами, но цѣлыми предложеніями, и эти предложенія передавали содержаніе цѣлыхъ представленій. И это стремленіе принадлежит не тому или другому изъ сѣверо-американскихъ языковъ, но обще почти всѣмъ имъ. И еще на одно явленіе, также довольно обычное въ дикарскихъ языкахъ, слѣдуетъ обратить вниманіе: это распредѣленіе языковъ по классамъ общества. Такъ, у начезовъ существовали одновременно два діалекта: на одномъ говорили высшіе классы племени, его аристократія, на другомъ простой людъ. Словари обоихъ этихъ діалектовъ были достаточно богаты и изобиловали описательными выраженіями, хотя уметвенный уровень начезовъ былъ низокъ. Повидимому, писатели, оставившіе эту характеристику языка племени, имѣли въ виду именно эти длинныя слова, объединявшія цѣлое предложеніе. Характерно при этомъ указаніе Банкрофта (III. 533), что произнесеніе такихъ словъ-предложеній сопровождается жестикуляціей или особенными звуками, которые онъ безъ особенныхъ церемоній называетъ хрюканьемъ (a grunt).

Вышеизложенное въ этой главѣ позволяетъ, мнѣ кажется, сдѣлать нѣкоторыя обобщенія относительно особенностей, присущихъ языкамъ дикихъ народовъ, какъ таковымъ, особенностей, которыя бросаютъ свѣтъ и на первые ступени въ развитіи человѣческой рѣчи вообще. „Дикіе и грубые народы зачастую употребляютъ самые произвольные и неожиданные звуки по капризу или случайности, чтобы выразить идею, которая прежде выражалась словомъ, теперь вышедшимъ изъ употребленія (вслѣдствіе извѣстнаго суевѣрнаго запрещенія); это является источникомъ искаженія языка, причиной образованія множества діалектовъ среди туземцевъ“¹⁾.

¹⁾ *Ling Roth. The aborigines of Tasmania. 177, цит. А. Vierkandt. Die Stetigkeit im Kulturwandel. Leipzig. 1908, стр. 141.*

Здѣсь обнаруживается уже сознательное намѣреніе говорить не такъ, какъ говорили раньше, въ виду того, что на словѣ лежитъ табу: то извѣстныя сочетанія звуковъ, то цѣлыя слова подвергаются запрещенію. Но и, помимо того, внѣ всякаго запрета, произношеніе звуковъ въ языкахъ дикарей оказывается подверженнымъ чрезвычайно значительнымъ колебаніямъ, происходящимъ вслѣдствіе слабости моторнаго образа слова и совершеннаго отсутствія зрительнаго—графическаго. Тамъ, гдѣ рѣчь не фиксируется письмомъ, вообще говоря, легко развиваются отклоненія отъ обычнаго типа произношенія звуковъ, которыя сдерживаются въ извѣстныхъ рамкахъ только необходимостью взаимнаго пониманія, но иногда эти рамки могутъ быть очень широки, и неправильно думать, что даже въ предѣлахъ одного діалекта нашихъ культурныхъ языковъ произношеніе является точно опредѣленнымъ. Сплошь и рядомъ наблюдается у одного и того же человѣка изъ народа такое произношеніе звуковъ, которое восходитъ къ разнымъ скрещивающимся здѣсь діалектамъ. Говорятъ, какъ скажется, не отдавая себѣ отчета въ томъ, „правильно“ или „неправильно“ говорить. Внимательное изученіе любого говора обнаруживаетъ въ устахъ одного и того же говорящаго лица смѣшеніе различныхъ діалектическихъ особенностей. Такъ, изучая жмудскіе говоры лѣтомъ 1893 года, я записывалъ со словъ разныхъ людей пѣсни и выраженія, которыя давали особенности трехъ различныхъ діалектическихъ произношеній звука *uo* у одного лица. То же самое отмѣтилъ извѣстный изслѣдователь латышскихъ говоровъ, А. Беценбергеръ, который слышалъ въ устахъ одной женщины произношеніе звука *ee* (напр. въ *deena*—день), какъ *e*, *e*, *e*, *i* и др. Между тѣмъ латыши почти все сплошь грамотны, такъ что даже наличность (слабыхъ) графическихъ образовъ слова не помѣшала колебаніямъ въ произношеніи: впрочемъ, написаніе *ee* плохо выражаетъ дѣйствительное произношеніе этого звука. Во всякомъ случаѣ, приведенные примѣры обнаруживаютъ, что колебанія въ произношеніи звука могутъ быть очень значительны у одного и того же лица. Здѣсь, конечно, я не имѣю въ виду тѣхъ невоспринимаемыхъ невооруженнымъ ухомъ колебаній, которыя устанавливаются аппаратами, записывающими живую рѣчь. Съ точки зрѣнія „физиологіи звуковъ“ *a* въ *разъ* и въ *да* представляютъ различные звуки. Я же имѣю въ виду тѣ грубыя колебанія, которыя слышатся всякимъ, и которыя указываютъ въ устахъ одного и того же лица на значительную неустойчивость въ произношеніи звуковъ. Лингвисты постоянно подчеркиваютъ это, какъ характернѣйшую и основную особенность рѣчи дикарей ¹⁾. Такъ Зиверсъ, изслѣдовавшій рѣчь одного пауаса, отмѣтилъ у него для слова *кофе* такія различія въ произношеніи: *voka*, *voha*, (*h*,

¹⁾ Ср. напр. H. Sweet. A History of language. 1901, стр. 27—30.

какъ въ Бога), *voga*, *voka* (съ легкимъ придыханіемъ при *k*) и *vokha* (съ сильнымъ придыханіемъ) ¹⁾.

Другой особенностью произношенія звуковъ въ языкахъ дикарей является чрезвычайно значительная роль, какую играютъ здѣсь интонація, „мелодія“ языка, какъ выражается Мейнгофъ. Такъ, изслѣдователь одного изъ полинезійскихъ языковъ, Huguenin ²⁾, приводитъ изъ этого языка рядъ одинаково звучащихъ словъ, которые раздѣляются по значенію только благодаря различію интонацій, съ ними связанныхъ. Слова *ua* (дождь), *ua* (расти или изгонять), *ua* (земляной крабъ), *ua* (кричать), *ua* (признакъ прошедшаго времени), *uaa* (открываться) или *oe* (ты), *oe* (колоколь), *oe* (сабля), *oe* (ошибка, грѣхъ), *be* (голодь), *hoe* (одинъ) и т. д., или *faaeae* (убійца), *faaoaoa* (радоваться), *faae* (вызывать) и т. п.: эти слова различаются между собой удареніемъ, интонаціей, силой, съ которой они произносятся. Въ языкахъ односложныхъ иначе и не можетъ быть, такъ какъ ограниченное число такихъ звуковыхъ сочетаній требуетъ вспомогательныхъ средствъ для различенія значеній. вмѣстѣ съ тѣмъ, эта музыка языка является, по всей вѣроятности, переживаніемъ весьма отдаленнаго прошлаго человѣческой рѣчи, когда изъ мелодіи выдѣлялось слово, когда, по выраженію Бринтона („Races and peoples“. 1890, стр. 60), каждая фраза имѣла характеръ отдѣльнаго слова. Разсмотрѣніе формальной стороны языковъ дикарей привело меня, какъ помнятъ читатели, къ убѣжденію, что они стремятся, дѣйствительно, каждое предположеніе понять, какъ отдѣльное слово, при чемъ предположеніе, по своему значенію сложное, разбивается въ сознаніи говорящаго на нѣсколько такихъ словъ. „Я взялъ ножъ“ превращается въ языкахъ съ инкорпорацией въ предположеніе: „я его взялъ, это ножъ“, фраза: „Іоаннъ убилъ Петра“ развивается въ Южной Америкѣ въ „Петръ его убитый, Іоаннъ его убившій“, по существу въ два слова. Huguenin (ibid. 222) переводитъ на полинезійскій языкъ фразу: „царь только забавляется“ слѣдующимъ образомъ: „вовсе нѣтъ царемъ работа, напротивъ: онъ забавляется“. Морфологическая сторона языковъ дикарей находится подъ вліяніемъ ихъ конкретнаго отношенія къ дѣйствительности. Оказывается необходимымъ помѣстить въ самой глагольной формѣ такіа конкретныя указанія, въ которыхъ наши языки не нуждаются. Сколько лицъ дѣйствуетъ, и на сколько предметовъ распространяется ихъ дѣйствіе? Это отношеніе, выражающееся въ нашихъ языкахъ *отвлеченными* средствами, какими являются числительныя, требуетъ въ языкахъ дикарей особыхъ грамматическихъ указаній. Такъ, папуаскій языкъ ³⁾ пользуется для этого суффиксами *rudo* (дѣйствіе со-

¹⁾ E. Sievers. Grundzüge der Phonetik. 4 изд. 1893, стр. 248—9.

²⁾ P. Huguenin. Raiatea la Sacrée. Bulletin de la Société Neuchateloise de Géographie. т. 14. 1902—3, стр. 210.

³⁾ L. Lévy-Brühl. Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. 1910, стр. 156.

вершалось двумя надъ многими въ прошломъ), *ruto* (дѣйствіе совершалось многими надъ многими въ прошломъ), *durudo* (двумя надъ многими въ настоящемъ), *duruto* (многими надъ многими въ настоящемъ), *amaturudo* (двумя надъ двумя въ настоящемъ), *amarudo* (двумя надъ двумя въ прошломъ), *amaruto* (многими надъ двумя въ прошломъ), *ibidurudo* (многими надъ тремя въ настоящемъ), *ibiduruto* (многими надъ тремя въ прошломъ), *amabiduruto* (тремя надъ двумя въ настоящемъ) и т. п. Выше было указано, что вслѣдствіе такого нагроможденія суффиксовъ для обозначенія всевозможныхъ конкретныхъ отношеній получаются чрезвычайно длинныя слова, имѣющія по своему значенію характеръ вовсе не одного слова, но цѣлаго предложенія. Съ этимъ фактомъ намъ придется считаться при обзорѣ литературы о происхожденіи языка, начиная съ Руссо. Обратимся теперь къ особенностямъ словаря въ языкахъ дикарей.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, какъ одинъ изъ источниковъ словарныхъ измѣненій, произволь личностей, обладающихъ достаточнымъ авторитетомъ для измѣненія словаря по своимъ соображеніямъ. Въ послѣднее изданіе своей знаменитой книги „The Science of language“ Максъ Мюллеръ внесъ главу „Новые матеріалы по вопросу о языкѣ“, въ которой онъ среди другихъ фактовъ, собранныхъ этнологами, отмѣтилъ и полную смѣну словаря въ извѣстномъ языкѣ за короткій срокъ. Такъ, Кукъ записалъ полинезійскія слова, которыя черезъ какія-нибудь сто лѣтъ замѣнились уже совершенно новыми: прежде слово *пять* звучало *rīma*, теперь *paʻi* и т. под. Новые люди *выдумали* новые языки, которые и распространились. Разумѣется, слѣдуетъ принять, какъ факторы словарныхъ новообразованій, и такія явленія, какъ вторженія новыхъ племенъ, избіеніе мужчинъ, жены которыхъ выходятъ за побѣдителей, и т. под. Но и факторъ новаго сочиненія словъ не можетъ быть устраненъ изъ разсмотрѣнія. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить конкретный характеръ словаря, отмѣченный мною уже раньше и подтвержденный Леви-Брюлемъ съ присущей ему обстоятельностью на цѣломъ рядѣ примѣровъ. Такъ, въ языкѣ сѣверо-американскихъ абиноновъ существуетъ 8 отдѣльныхъ словъ для выраженія понятія *схватить*, 12 для *отдѣлить*, 14 для *мыть* и т. под. Въ глазахъ гуроновъ понятія *видѣть человека* и *видѣть камень* настолько различны, что требуютъ для своего выраженія отдѣльныхъ словъ и т. д. Причина такихъ образованій, по моему убѣжденію, двоякая: съ одной стороны, это, дѣйствительно, неспособность первобытнаго ума къ такимъ примитивнымъ отвлеченіямъ, какъ *видѣть безразлично что*, *идти безразлично куда* и т. под.; но, съ другой стороны, передъ нами переживанія того момента въ развитіи языковъ, когда люди говорили не словами, а словами—предложеніями, означавшими цѣлый комплексъ словъ. И длинныя американскія слова являются свидѣтельствомъ такихъ образованій. Такимъ образомъ, психологія языковъ дикарей приводитъ насъ

неизбѣжно къ изученію, вообще, психологін первобытныхъ народовъ. Такъ, напр., въ предшествующемъ изложеніи мнѣ приходилось нѣсколько разъ касаться вопроса о той выдающейся роли въ образованіи языка, какая принадлежитъ въ дикарскомъ обществѣ отдѣльнымъ личностямъ. На этомъ вопросѣ здѣсь необходимо остановиться съ большей подробностью въ виду того значенія, какое ему свойственно въ быту низшихъ народовъ. Это тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что въ настоящее время собранъ уже значительный матеріалъ для выясненія этой роли „лидеровъ“ или руководителей среди дикарей. Такъ, Гальтонъ, авторъ знаменитаго изслѣдованія „Inquiries into human faculty and its development“ (1883), отчетливо отмѣтилъ особенности социальнаго уклада низшихъ культуръ. „Варварское населеніе вынуждено жить разсѣяннo, такъ какъ обширная площадь земли можетъ прокормить только немногихъ охотниковъ или скотоводовъ; съ другой стороны, варварское правительство не можетъ долго удержаться, если вождь не находится въ постоянномъ общеніи съ подчиненными, а это географически оказывается невозможнымъ, если его племя раскидано на большомъ пространствѣ“. Что касается характера власти въ этихъ „варварскихъ племенахъ“, то Гальтонъ справедливо указываетъ на то, что она должна отличаться „чрезвычайной силой тиранніи“. Болѣе того, эта власть у существующихъ дикарскихъ организацій „настолько превышаетъ аналогичную власть, проявляемую вожаками животныхъ стадъ, что составляетъ специфическую особенность человѣческаго общества, столь склоннаго къ рабству. Если какой-нибудь членъ стада становится опаснымъ для вожака, этотъ послѣдній нападаетъ на него, и между ними происходитъ свободный бой, при чемъ остальные животные смотрятъ на него. Но если человѣкъ становится въ тягость вождю, то онъ подвергается нападенію не со стороны вождя, который не дѣйствуетъ собственноручно, но со стороны его чрезмѣрной исполнительной власти и ея органовъ“. Кромѣ того, однако, эта власть основывается и на извѣстномъ нравственномъ авторитетѣ. Въ чрезвычайно интересной статьѣ Фиркандта, посвященной этому вопросу ¹⁾, освѣщена психологическая сторона дѣла. Нѣмецкій этнологъ исходитъ изъ убѣжденія, что среди низшихъ племенъ вовсе не наблюдается какого-нибудь безразличія характеровъ, но что, напротивъ, здѣсь индивидуальности очерчены очень рѣзко, вслѣдствіе чего выступаютъ съ еще большей силой, нежели у насъ, авторитеты. Эти послѣдніе основаны прежде всего на возрастѣ, такъ какъ вступленіе въ разрядъ зрѣлыхъ мужчинъ обставляется у большинства малокультурныхъ народовъ сложными обрядами ²⁾. Такъ, у туземцевъ

¹⁾ A. Vierkandt. Führende Individuen bei den Naturvölkern. Zeitschrift für Socialwissenschaft. т. 11. 1908. Ср. еро же „Die Stetigkeit im Kulturwandel“ 1908 и „Naturvölker und Kulturvölker“ 1896.

²⁾ Не имѣя возможности распространяться здѣсь по этому вопросу,

центральной Австралии (Spencer and Gillen. The native Tribes of Central Australia) „въ этомъ случаѣ каждый мужчина находился подъ непосредственнымъ руководствомъ какого-нибудь отдѣльнаго стараго человѣка, который владѣлъ всеми традиціями племени. Безъ малѣйшаго видимаго успія и не наталкиваясь на самое легкое сопротивленіе, онъ управлялъ все́мъ лагеремъ, который состоялъ болѣе, чѣмъ изъ ста, вполне взрослыхъ туземцевъ, принимавшихъ участіе въ церемоніяхъ. Окончательное рѣшеніе по все́мъ возникающимъ вопросамъ принадлежало ему, но, кромѣ того, имѣлось своего рода министерство, состоявшее изъ этого человѣка и еще трехъ пожилыхъ людей, которые часто сходились вмѣстѣ для совѣщаній. Нерѣдко вождь отдѣлялся отъ своихъ людей, среди которыхъ онъ сидѣлъ, и, хотя не было сказано ни одного слова и не было дано никакого замѣтнаго знака, трое остальныхъ поднимались съ мѣста и отправлялись вмѣстѣ съ нимъ въ сторону. Здѣсь разбирались важные вопросы, относившіеся къ предстоящимъ торжествамъ. И тогда руководитель отдавалъ свои приказанія, и все шло самымъ правильнымъ и гладкимъ образомъ. Это, разумѣется, оказывало свое вліяніе на людей въ томъ смыслѣ, что въ ихъ глазахъ поднимался авторитетъ пожилыхъ людей, и они подчинялись болѣе охотно власти вождя“. Такова самая элементарная форма авторитета. Болѣе развитой типъ общественной организаціи представляетъ власть, основанная на подчиненіи вождю или на извѣстныхъ жреческихъ функціяхъ лица. Тамъ, гдѣ нѣтъ еще наследственной княжеской власти, господствуетъ аристократія въ лучшемъ смыслѣ слова, т. е. „лучшій“, мѣткій стрѣлокъ, хорошій наѣздникъ или воинъ, пріобрѣтаетъ власть. Юнкеръ въ своихъ путешествіяхъ по Африкѣ замѣтилъ, что и здѣсь высокопоставленные лица, князья, вожди, оказываются, по большей части, наиболѣе сильными людьми по своему образованію и пониманію. Это происходитъ вслѣдствіе того, что негрскій князь, несмотря на скромный кругъ своей дѣятельности, въ качествѣ судьи, законодателя и повелителя все-таки долженъ въ гораздо большей степени напрягать свои умственные способности, нежели обыкновенный человѣкъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить ежедневное упражненіе ума съ помощью длинныхъ парламентскихъ рѣчей на мѣстѣ собраній, при чемъ крылатое слово, часто украшенное образами и сравненіями, заставляетъ работать мысль и дѣлаетъ популярнымъ то или другое выраженіе. Столь же значи-

укажу на классическое сочиненіе въ этой области (*H. Schurtz. Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. 1902*). Шурцъ констатируетъ наличность братства людей одного возраста (мальчики, зрѣлые люди, старики) у чрезвычайно обширнаго числа дикихъ народовъ и въ пережиткахъ многихъ культурныхъ народовъ; до извѣстной степени къ этой первобытной организаціи общества относится и обычай поборимства и „кровнаго родства“ (*Blutsverwandschaft*).

тельна роль жреца и чародѣя. Это носитель сверхъестественныхъ силъ, которому приписываются всяческія дѣйствія, возможныя и невозможныя, при чемъ возможныя, по словамъ Штолля ¹⁾, распадаются на явленія гипноза и просто на шарлатанство и фокусничество. Авторитетъ жреца основанъ, прежде всего, на его медицинской дѣятельности, магическомъ удаленіи изъ тѣла больного болѣзнетворнаго начала ²⁾, которое представляется первобытному сознанію вторгшимся откуда-то извнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ жрецъ обладаетъ, вообще, высшими познаніями. „Въ обычныхъ жизненныхъ дѣлахъ жрецъ проявляетъ свое могущество, привлекая магическими плясками населеніе водъ въ рыболовные снаряды или дикихъ звѣрей на встрѣчу охотникамъ, а въ земледѣльческомъ быту содѣйствуя произрастанію злаковъ устройствомъ годовыхъ праздниковъ или своимъ умѣніемъ управлять метеорологическими явленіями“. Бываютъ люди, *предназначенные* сдѣлаться жрецами: это особенно нервные люди: такъ, у кароадосъ человѣкъ, пораженный ру айба (злымъ сердцемъ), бѣгаетъ съ воемъ повсюду, у абионовъ такой предназначенный ведетъ жизнь среди труповъ и т. под. Если въ вожди человѣка выдвигалъ авторитетъ ума и знаній, то въ духовные повелители племени, въ разрядъ его чародѣевъ и жрецовъ, людей возносила особенно нервная организація, заставлявшая ихъ искать уединенія, томиться по чему то высшему. Вѣдь всѣ знанія онъ получаетъ путемъ „внушенія“, и потому они не подвержены сомнѣнію. Впрочемъ, болѣе или менѣе всякое знаніе, всякое утвержденіе принимается умомъ дикаря безъ критики; встрѣчаетъ оппозицію нарушеніе традиціи и обычая, какъ это бываетъ вездѣ. Какъ утверждаетъ старый изслѣдователь Бразиліи, Фонъ Мартіусъ, „физическая сила, ловкость, отважность, умъ и особенно рѣдко встрѣчающееся у индѣйцевъ честолюбіе, заключающееся въ думаніи за другихъ, чтобы руководить ими и приказывать ими: вотъ тѣ свойства, которыя дѣлають человѣка вождемъ. Тупость и вялость большинства подчиняють его безъ всякой критики высшей проницательности и предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ“. Этими своими особенностями такіе люди пользуются не только для власти надъ толпой, но и для введенія новшествъ, конечно, преслѣдующихъ прежде всего эгоистическія цѣли самихъ вождей. Толпа порою ворчитъ, возмущается, но повинуется и потомъ привыкаетъ къ новому установленію. Точно также роли и авторитету отдѣльныхъ лицъ слѣдуетъ приписать введеніе того новаго культурнаго матеріала, который заимствуется у другихъ племенъ. Такъ, у нѣкоторыхъ племенъ Квинсленда спеціальныя лица командировались къ сосѣдямъ для того, чтобы выучиться отъ нихъ

¹⁾ O. Stoll. Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie. 2 изд. 1904.

²⁾ A. Bastian. Ueber die priesterlichen Functionen unter Naturstämmen. Zeitschrift für Ethnologie. T. 21 1889.

новымъ пляскамъ, пѣснямъ и магическимъ формуламъ, и потомъ эти пѣсни исполнялись безъ всякаго *пониманія* текста. Что касается изобрѣтеній, совершаемыхъ руководителями племени и вводимыхъ ими нерѣдко съ деспотической жестокостью, то они распространяются на различныя области жизни: и на политическія новшества, и на моду, и на способы сообщенія людей между собой. Особенно важнымъ для изучаемыхъ мною вопросовъ является тотъ фактъ, что среди самыхъ дикихъ племенъ имѣются поэты, сочинители пѣсенъ и музыки. „Творцами австралійскихъ пѣсенъ или сочинителями плясокъ, соединенныхъ съ пѣснями, являются поэты или барды своего племени, которые пользуются огромнымъ уваженіемъ. Ихъ имена извѣстны сосѣднимъ племенамъ, и ихъ пѣсни переходятъ отъ одного племени къ другому, пока не забудется и истинное значеніе ихъ словъ, и происхожденіе пѣсни“. Туземцы Андаманскихъ острововъ, которые долгое время считались самыми первобытными дикарями, пока братья Сарасинъ не открыли на Цейлонѣ еще болѣе дикое населеніе,—эти андаманцы вводятъ на своихъ періодически повторяющихся празднествахъ, обыкновенно, новыя пляски, сопровождающіяся новыми текстами. „Сочинители сначала долго упражняются въ нихъ сами и встрѣчаютъ знаки всеобщаго восхищенія“. У племени тогда въ Индіи бываютъ какъ на погребеніяхъ, такъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ опредѣленные люди, которые пользуются, какъ поэты, всеобщимъ уваженіемъ. Въ другихъ мѣстахъ, однако, господствуетъ массовое творчество, и каждый или почти каждый оказывается способенъ къ импровизаціи. Однако, разумѣется, необходимъ внѣшній авторитетъ, чтобы индивидуальное творчество было признано массою.

Для того, чтобы эти продукты индивидуальнаго творчества въ области искусства, религіи, учреждений, а также и языка, могли получить распространеніе и утвердиться въ жизни, необходимы два существеннѣйшія условія: наличность авторитета, достаточно сильнаго, чтобы его воля была закономъ для другихъ, и немногочисленность среды, воспринимающей эту волю. Будь это племя, изъ предѣловъ котораго изобрѣтеніе и не выходитъ, или ближайшій кругъ, примыкающій къ изобрѣтателю и распространяющій плоды его творчества: во всякомъ случаѣ, въ первобытномъ обществѣ необходима незначительная группа лицъ, на которую первоначально распространяется изобрѣтеніе. Что касается перваго вопроса, именно авторитарнаго характера изобрѣтателя, то къ изложенному выше достаточно присоединить слѣдующее замѣчаніе Фритча о кафрахъ: „Замѣчено, что отдѣльныя особенности (ихъ культуры) вовсе не обнаруживаютъ постоянства, что напротивъ, многое представляетъ только проходящія явленія, многое имѣетъ только мѣстный характеръ и, можетъ быть, ограничивается всего одной деревней, многое, вообще, возникаетъ только *вслѣдствіе причудливой фантазіи деспота*“. На незначительности первоначально

воспринимающихъ эту „фантазію“ группъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Такой средой являются, напр., тайные союзы, обладающіе своими собственными тайными языками и существующіе повсюду, на всей землѣ, тамъ, гдѣ социальная организація недостаточно сильна для того, чтобы регулировать всѣ функціи народной жизни ¹⁾. Среди самыхъ примитивныхъ охотничьихъ племенъ человѣчества единственно возможной социальной формой жизни является образованіе немногочисленныхъ группъ, которыя, держась болѣе или менѣе вмѣстѣ, преслѣдуютъ дичь въ опредѣленной области. На Цейлонѣ, у веддаховъ, „вся страна раздѣлена на мелкіе охотничьи участки, изъ которыхъ каждый находится во владѣніи одной семьи“ ²⁾. Такое же положеніе вещей наблюдается въ сѣверной Австраліи, у туземцевъ, описанныхъ Греемъ, и въ другихъ областяхъ, занятыхъ охотничьимъ населеніемъ. Нерѣдко эти семьи отдѣлены одна отъ другой на большое протяженіе: такъ, относительно веддаховъ сообщается, что эти семьи весьма рѣдко приходятъ въ соприкосновеніе съ другими, а туземцы, вообще, боязливо сторонятся отъ постороннихъ. Нерѣдко однако и такое единеніе, которое ограничивается племенемъ, оканчивается невозможнымъ въ тѣхъ условіяхъ первобытной охотничьей жизни, какую приходится вести этимъ дикарямъ. Такъ, веддахи на Цейлонѣ строятъ свои хижины на деревьяхъ, живутъ парами и лишь въ извѣстныхъ случаяхъ соединяются большими группами; они не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ самодѣйствующей цивилизаціи и знакомства съ формами общенія людей между собой. Про другое веддахское племя сообщаютъ слѣдующее: „они раздѣляются на маленькія племена (tribes) или семьи, которыя обыкновенно живутъ въ пещерахъ скалъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ маленькими хижинами изъ коры. Что касается средствъ къ существованію, то веддахи зависятъ исключительно отъ удачи охоты, и другъ съ другомъ они общаются чрезвычайно мало“. Туземцы Огненной земли живутъ, по сообщенію путешественника трилцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, точно также семьями, а не племенами, и, какъ подтверждаетъ это другой изслѣдователь, семья представляетъ у нихъ извѣстную социальную единицу, но племени въ точномъ смыслѣ этого слова не существуетъ. Семьи независимы одна отъ другой и только въ случаѣ необходимости сходятся для общихъ дѣйствій. Кое-гдѣ по нѣскольку семей живутъ вмѣстѣ, населяя одинъ вигвамъ нѣсколькими семействами (отъ двухъ до пяти), но, внѣ этого общенія, обитатели Огненной земли держатся порознь, ведя свой охотничій промыселъ въ установленныхъ для нихъ предѣлахъ. Тоже говорится про австралійцевъ: въ западной Австраліи „вмѣсто племенъ господствуетъ еще, повидимому, патриархальный образъ жизни; каждая семья,

¹⁾ A. H. Post. Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz. 1894. I. 446—448.

²⁾ Sarasin, цитир. у E. Grosse. Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. 1896, стр. 36.

которая насчитываетъ въ общемъ не болѣе 6-9 отдѣльныхъ лицъ, образуетъ настоящее маленькое общество, которое зависитъ только отъ собственнаго вождя. Каждая семья присваиваетъ себѣ своего рода округъ, которымъ, впрочемъ, пользуются и сосѣднія семьи, если онѣ предпринимаютъ какое-нибудь общее дѣло“. Другой изслѣдователь австралийскихъ туземцевъ отмѣчаетъ, что у нихъ „каждая семья располагалась лагеремъ отдѣльно“. Про одно изъ бразилійскихъ племенъ разсказывается, что „семьи его жили на далекомъ разстояніи одна отъ другой въ жалкихъ, сплетенныхъ изъ вѣтокъ хижинахъ, питались добычей охоты и, если не хватало болѣе крупной дичи, довольствовались змѣями, мышами, муравьями, червями: короче говоря, всякими пресмыкающимися и насѣкомыми“. Приведенныя цитаты заимствованы мною изъ сочиненія Вестермарка,¹⁾ который приводитъ еще не мало сходнаго матеріала. Подобно этому, индѣйцы квакиутль, живущіе на сѣверо-американскомъ побережьи Тихаго океана, принадлежатъ къ одному народу, обладаютъ довольно сложной культурой и множествомъ тайныхъ и общественныхъ обрядовъ. Ихъ языкъ раздѣляется на семь главныхъ нарѣчій и 31 діалектъ. Такое развитіе діалектовъ должно стоять въ связи съ образомъ поселеній квакиутль, которые живутъ въ огромныхъ квадратныхъ домахъ, каждая сторона которыхъ имѣетъ отъ 40 до 60 футовъ. Домъ населенъ нѣсколькими семьями, изъ которыхъ каждая обладаетъ своимъ собственнымъ очагомъ; нѣсколько семей составляютъ одинъ кланъ, причемъ каждый кланъ совершаетъ собственные танцы, имѣющіе религіозный характеръ; посвященіе въ эти танцы сопровождается сложнымъ и кровавымъ ритуаломъ, такъ что, въ сущности, племя квакиутль дробится на родъ отдѣльныхъ независимыхъ другъ отъ друга группъ²⁾. Развитію незначительныхъ и немногочисленныхъ группъ соответствуетъ и множество діалектовъ, на которые дѣлится языкъ. Эти данныя вполне сходятся съ социологическими выводами Фиркандта: „Чѣмъ меньше кругъ людей, тѣмъ меньшее сопротивление онъ оказываетъ новаторамъ. Велѣдствіе своихъ численныхъ отношеній первобытные народы... предоставляютъ сравнительно широкій просторъ руководящему лицу“ (Die Stetigkeit... 161). Какъ мы видѣли примитивный бытъ требуетъ незначительныхъ группировокъ лицъ, составляющихъ первоначальную семью или племя. Въ этихъ рамкахъ и должно было совершаться зарожденіе человеческого языка. „Языкъ—доказательство первоначальной социальной натуры человека. Его невозможно объяснить иначе, какъ дѣятельностью известной группы“³⁾. Въ этой группѣ, далѣе, необходимо предположить

¹⁾ E. Westermarck. Geschichte der menschlichen Ehe. 1893, стр. 38—42.

²⁾ Th. Boas. Social organisation and the secret societies of the kwakiutl Indians. From the Report of the N. S. National Museum for 1895, стр. 311—737.

³⁾ D. Brinton. The Basis of social Relations. A study of Ethic Psychology. 1902, стр. 165.

лицо, пользующееся наибольшимъ авторитетомъ и повелѣвающее остальными. Быть можетъ, авторитетъ его поддерживается религіознымъ обаяніемъ, „спасительнымъ страхомъ“ одного по отношенію къ другому, страхомъ, которому нѣкоторые социологи, повидимому, справедливо приписываютъ выдающуюся социальную роль ¹⁾.

На образованіе этого первичнаго языка должна была, разумѣется, наложить свою печать психологія первобытнаго человѣка, которая, по самому своему существу, должна была отличаться отъ нашей. Не вдаваясь подробно въ этотъ предметъ, которому въ послѣднее время этнологія удѣляетъ все больше вниманія (назову имена Фробеніуса, Фиркандта, Шурца, Брейзига, Фисшера, Вейле и др.), я ограничусь тѣмъ основнымъ закономъ первобытной психики, который впервые установленъ изслѣдованіемъ Леви-Брюля и который указываетъ на „до-логическую“ (prélogique) эпоху человѣческаго интеллекта. Это—названный французскимъ этнологомъ „законъ сопричастія“ (la loi de participation). „Умственный строй (первобытныхъ) обществъ развитъ въ иномъ направленіи, чѣмъ у насъ, и ихъ коллективные представленія обладаютъ прежде всего мистическимъ характеромъ, такъ какъ первобытные люди, въ общемъ, гораздо болѣе поглощены мистическими свойствами существъ, нежели логическою связностью ихъ собственной мысли“ (стр. 83). Отсюда самыя невозможныя, на нашъ взглядъ, представленія, не соотвѣтствующія нашимъ логическимъ навыкамъ мысли: одновременное присутствіе одного и того же лица въ разныхъ мѣстахъ, многочисленность душъ у человѣка и т. п. Иной характеръ носить вся умственная дѣятельность первобытнаго человѣка по сравненію съ нашей, и вмѣсто стремленія къ упрощенію матеріала, накопляемаго воспріятіями, умъ его довольствуется запоминаніями. „У насъ, говоритъ Леви-Брюль (123), память сводится, поскольку рѣчь идетъ о функціяхъ интеллекта, къ подчиненной роли сохраненія результатовъ, пріобрѣтенныхъ логическою выработкой понятій. Но для до-логической умственной жизни воспоминанія оказываются почти исключительно *весьма сложными представленіями, которыя слѣдуютъ одно за другимъ въ неизмѣнномъ порядкѣ*, и надъ которыми логическія операціи, даже самыя элементарныя, были бы очень тягостны (такъ какъ и языкъ плохо отвѣчалъ бы этимъ требованіямъ), если бы даже предположить, что традиція разрѣшила бы эту работу, и человѣкъ имѣлъ бы смѣлость приняться за нее“. Вотъ почему вмѣсто простыхъ и отчетливыхъ грамматическихъ формъ нашихъ языковъ мы стоимъ передъ безконечно сложными и длинными словами-предложеніями въ языкахъ дикарей. Эти послѣдніе довольствуются запоминаніемъ несистематизированнаго традиціоннаго матеріала языка.

¹⁾ См. напр. статью „Религія, какъ явленіе“ въ книгѣ *Eugenio Regnato. Essais de synthèse scientifique* 1912, стр. 174 и слѣд.